

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası

ARXEOLOGİYA VƏ ETNOQRAFİYA İNSTİTUTU

QARABAĞ DAŞ DÖVRÜNDƏ

Azərbaycanda Azıx mağarasının kəşfinin 50 illiyinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları
(3 – 7 oktyabr 2010-cu il, Bakı, Azərbaycan Respublikası)

Redaksiya heyəti

M.N.Rəhimova, Ə.Q.Cafarov, A.Ə.Zeynalov

Düz 50 il əvvəl Azərbaycanın qədim bölgəsi olan Qarabağda görkəmli Azərbaycan arxeoloqu Məmmədəli Hüseynov Azıx mağarasında paleolit dövrü düşərgəsini aşkar etmişdir. Uzun illər Azıx mağarasında aparılan qazıntılar bu ərazidə ibtidai insanların hələ 2 milyon il əvvəl məskunlaşdığını və bu düşərgənin dünyada ən qədim insan məskənlərindən biri olduğunu sübut etmişdir. Lakin, Qarabağın Ermənistan tərəfindən işğalı həm Azıx düşərgəsinin, həm də bölgədəki digər tarixi-arxeoloji abidələrin elmi araşdırılmasının qarşısını almışdır. Azıx paleolit düşərgəsini kəşf edilməsinin 50 illiyinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın nəşr olunan bu toplusunda həm Azıx düşərgəsi, cəmi zamanda Qarabağın və ümumiyyətlə Azərbaycanın digər daş dövrü abidələri, həmçinin bütövlükdə Qafqaz və ətraf ərazilərin paleolit dövrü abidələri barədə məqalələr yer almışdır.

ISBN: 978-9952-445-13-8

- 1491 -

BAKİ – 2010

Azərbaycan Respublikası Prezidentinin
İçlər İdarəsi
PREZİDENT KİTAPXANASI

63.4 (5 Aze)

Q 24 Azerbaijan National Academy of Sciences

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETNOGRAPHY

KARABAKH IN STONE AGE

Materials of the International Scientific Conference devoted to the 50th anniversary of discovery of the Paleolithic site of Cave Azykh in Azerbaijan
(Baku, Azerbaijan Republic, October 3 – 7, 2010)

Editors

M.N.Raqimova, A.Q.Djafarov, A.A.Zeynalov

50 years ago the famous Azerbaijan archeologist Mammadali Huseynov revealed in Karabakh Paleolithic site in the cave Azykh. The long-term excavations carried in the Azykh cave proved that already 2 million years ago the territory had been populated with primitive people, and the site is one of the most ancient Paleolithic monuments of the world. Unfortunately, occupation of Karabakh by Armenia has made to research historic-archaeological monuments in this territory, including the Azykh cave impossible. Articles on the site of Azykh and other Stone Age monuments of Garabagh and in the whole of Azerbaijan, as well as about the Paleolithic monuments of the Caucasus and of surrounding territory are published in the collection of materials devoted to 50 year anniversary of revealing the Paleolithic Azykh cave.

ISBN: 978-9952-445-13-8

BAKU – 2010

Национальная Академия Наук Азербайджана

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

КАРАБАХ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане
(3 – 7 октября 2010г., Ваку, Азербайджанская Республика)

Редакционная коллегия

М.Н.Рагимова, А.Г.Джафаров, А.А.Зейналов

50 лет назад в Гарабахе видный Азербайджанский археолог Мамедали Гусейнов открыл палеолитическую стоянку в пещере Азых. Многолетние исследования, проведенный в Азыхской пещере доказали, что уже 2 млн. лет назад территория была заселена первобытными людьми, а стоянка является одним из древнейших палеолитических памятников мира. К сожалению, с оккупацией Арменией Гарабаха стало невозможным исследование находящихся на этой территории историко-археологических памятников, в том числе Азыхской пещеры. В сборнике, посвященном 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых публикуются материалы по Азыхской пещере и по другим памятникам древнекаменного века как на территории Азербайджана, так и Кавказа, и сопредельных территорий в целом.

ISBN: 978-9952-445-13-8

БАКУ – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<p>Рагимова М.Н. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГАРАБАХА И МЕСТО АЗЫХА В МИРОВОЙ АРХЕОЛОГИИ..... 7</p> <p>Алескеров Б.Д., Велиев С.С., Алиев А.И., Халилова У.Э., Гулиев М.Ю. ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ АЗЫХСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В ЭОПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ПЛЕЙСТОЦЕНЕ..... 12</p> <p>Амирханов Х.А. ПИКИ ТРЕХГРАННОГО ПОПЕРЕЧНОГО СЕЧЕНИЯ В КОЛЛЕКЦИЯХ ПАМЯТНИКОВ ОЛДОВАНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА..... 20</p> <p>Анойкин А.А. ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА: ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ..... 26</p> <p>Велиев С.С., Алескеров Б.Д., Тагиева Е.Н. О ВОЗРАСТЕ АЗЫХСКОЙ СТОЯНКИ И КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ МИГРАЦИИ НА КАВКАЗ ДРЕВНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ..... 46</p> <p>Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. ФАУНА АЗЫХСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРАТИГРАФИИ, ПАЛЕОЭКОЛОГИИ И ОБЪЕКТА ОХОТЫ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА..... 63</p> <p>Гиря Е.Ю. ОТБОЙНИК ИЗ ОЛДОВАНСКИХ СЛОЕВ СТОЯНКИ АЙНИКАБ I..... 80</p> <p>Голованова Л.В. ДИНАМИКА СРЕДЫ И КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА..... 96</p> <p>Джафаров А.Г. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ГАРАБАХА... 99</p>	<p>Дороничев В.Б. РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ КАВКАЗА И ЗАПАДНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ..... 127</p> <p>Дороничева Е.В. МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ НА СТОЯНКАХ ВОСТОЧНОГО МИКОКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА..... 129</p> <p>Зейналов А.А. МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА ГАЗМА В НАХЧЫВАНЕ..... 148</p> <p>Зенин А.Н., Зенин В.Н. РЕГРЕССИИ КАСПИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЙ С КАВКАЗА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ..... 163</p> <p>Кулаков С.А. ОБ ОДНОЙ УНИКАЛЬНОЙ ЧЕРТЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА..... 174</p> <p>Кулаковская Л., Усик В. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТОЯНКИ КОРОЛЕВО (УКРАИНА)..... 184</p> <p>Мансуров М.М. РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА..... 210</p> <p>Ожерельев Д.В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО ПАМЯТНИКА МУХКАЙ II (ДАГЕСТАН, РОССИЯ)..... 217</p> <p>Рыбалко А.Г. ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ I В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ..... 223</p>
--	--

Таймазов А.И.	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТИПОЛОГО- СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧОППЕРОВ В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ОЛДОВАНА.....	242
Bosinski G.	
WAS HOMO GEORGICUS RUNNING AWAY? Reflections on the find-situation at Dmanisi (Georgia).....	252
Farajova M., Ph.D	
PLEISTOCENE ART OF GOBUSTAN.....	257
Shunkov M.V.	
THE LOWER Paleolithic INDUSTRIES OF NORTHERN ASIA.....	270
Zeynalov A.A.	
CORROBORATED HYPOTHESIS OF AZERBAIJANI SCHOLAR.....	277

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГАРАБАХА И МЕСТО АЗЫХА В МИРОВОЙ АРХЕОЛОГИИ

В науке о происхождении человека никогда не было недостатка в гипотезах о месте и времени появления первых людей на земном шаре. Если время появления людей было связано с методом датировки находок, то географические рамки центра антропогенеза менялись в зависимости от места обнаружения остатков гоминидов.

Открытие, сделанное полвека назад азербайджанским археологом Мамедали Гусейновым, не только вынудило пересмотреть устоявшееся в науке общепризнанное утверждение о времени появления первых людей в Евразии, но и в какой-то степени стимулировать поиски древнейших следов гоминид в Кавказском регионе.

Несмотря на то, что уже в первой половине XX века было известно о наличии на территории Азербайджана благоприятных палеоэкологических условий для обитания ранних форм человека, систематическое изучение памятников каменного века в Азербайджане началось только в 50-х годах XX века.

Предположения о древнем каменном веке в Азербайджане среди ученых приобретали крайние формы – от отсутствия палеолита вообще до включения этой территории в зону формирования челоука.

Однако надо отдать должное оптимистично настроенным ученым, в частности С.Н.Замятнину, который небезосновательно считал, что уникальное палеонтологическое захоронение в Бинагады на Абшероне, свидетельствует о благоприятных естественно-географических условиях обитания первобытных людей на этой территории. И не случайно специальные разведочные работы организованные в 1953 году были проведены под его руководством с участием М.М.Гусейнова. Экспедиция была успешной и на исторической карте Азербайджана появилась первая палеолитическая стоянка в гроте Дамджылы в Газахском районе.

Открытие палеолитической стоянки в гроте Дамджылы положило начало планомерным исследованиям палеолита на территории Азербайджана, которые возглавил Мамедали Гусейнов и уже в 1958 году недалеко от грота Дамджылы на юго-западном склоне Авейдага была открыта новая палеолитическая пещерная стоянка Дашсалахлы.

Однако доминантное событие в истории изучения палеолита Азербайджана произошло в 1960 году. При проведении разведочных работ в Юго-Восточной части Малого Кавказа палеолитической археологической экспедицией Института истории АН Азербайджана, под руководством Мамедали Гусейнова, была открыта пещерная стоянка Азых.

За двадцатипятилетнюю историю изучения стоянки, археологическими раскопками была вскрыта более чем 14-метровая толща отложений, содержащая 10 разновозрастных археологических слоев.

Исследования многослойной пещерной стоянки Азых, вынудили в значительной степени пересмотреть теорию о месте и времени появления древнейших людей на огромном Евразийском пространстве. По своему хронологическому диапазону, охватывающему значительный период первобытной истории человечества, пещера оказалась уникальной и единственной в мире. И не только это. Многое из того, что было обнаружено на стоянке, не имело аналогов в мире. В V среднешельском слое был обнаружен фрагмент челюсти азыхантропа, жившего около 400 тыс. лет назад. В этом же слое был обнаружен "тайник" с черепами пещерных медведей, на одном из которых имелись преднамеренно нанесенные насечки; кладка из каменных плит и оленьих рогов. Исключительный интерес представляют и остатки пяти очагов в ашельских и мустьерских слоях пещеры Азых – редчайших как по мощности, так и по древности.

В силу этих причин, кроме археологов, к изучению пещерной стоянки были привлечены специалисты различных смежных дисциплин: палеогеографы, палеонтологи, палинологи и др. Исследования приняли комплексный характер. Впервые к пещерным отложениям был применен палеомагнитный метод датировки, благодаря которому был получен абсолютный возраст подошвы раннешельского VI слоя – 780 тыс. лет. Таким образом, более чем 4,5 метровая толща отложений с галечной куль-

турой, предшествующая VI слою была намного древнее 780 тыс. лет. Первоначально самый древний X слой был датирован возрастом 1,2 млн лет.

Однако признание пришло не сразу. Открытие подобного рода памятника – совершенно справедливо классифицированного как уникальный, возлагает большую ответственность на ученого. Эпитет впервые относился не только к находкам, впервые исследовался и сам памятник такого рода.

Возможно, кто-то скажет, что Гусейнову повезло, но это не так. Это целенаправленный, целеустремленный поиск того, чего еще не было – и он нашел, а найдя оказался в пучине сложнейших задач. Уникальность памятника, не имеющего аналогов в мире требовала и иного подхода к его изучению, требовала выработки новой методики раскопок, и она была выработана, но это не единственная заслуга Гусейнова.

Исключительный интерес представляли каменные артефакты из VII – X слоев, на протяжении долгого времени сопровождающиеся прилагательным «сомнительные». И действительно, несмотря на безукоризненно стратиграфические условия залегания они были совершенно не похожи на уже знакомые археологам орудия галечной культуры. Но в том то и дело, что для того чтобы увидеть в них устойчивые типы и закономерности обработки необходимо было их почувствовать, а для этого нужно было время, нужно было видеть всю коллекцию целиком и не в течение часа или двух. Гусейнов не только смог увидеть эти закономерности, но и благодаря детальной технико-типологической характеристике каменной индустрии VII – X слоев обосновал выделение новой куручайской культуры.

Имея в своем распоряжении, уже в самом древнем X слое, хоть и очень архаичные, но каменные орудия, с устоявшимися приемами их изготовления, Гусейнов вполне обоснованно пришел к тому выводу, что в Азыхскую пещеру носители куручайской культуры пришли не со случайно и спонтанно возникшими, а с уже выработанными на протяжении тысячелетий приемами изготовления орудий. Следовательно носители куручайской культуры еще задолго до первого посещения пещеры Азых существовали и развивали свои традиции и культуру, обитая на открытых пространствах Тугской котловины и долины реки Куручай.

Это утверждение подвело Гусейнова к новой научной гипотезе, согласно которой в будущем удастся обнаружить открытые поселения (или следы орудийной деятельности) предков обитателей Азыхской пещеры, по абсолютному возрасту отстоящих от азыхцев на несколько сотен тысяч лет и обитавших на южном Кавказе не менее чем 1,5 – 2 млн лет назад.

Открытие раннепалеолитической стоянки Дманиси в Грузии, а в последствии (Айникаб I и Мухкай I) в Дагестане, стали косвенным подтверждением гипотезы Гусейнова о заселении региона древними гоминидами 2 млн. лет назад. Однако это были не единственные подтверждения. Исследования азербайджанских палеогеографов позволило пересмотреть возраст террасы реки Куручай, что в свою очередь значительно удревнило вероятное время заселения пещеры гоминидами до 2.4 млн лет.

В 1960 году в 3-х км к западу от пещеры Азых, была обнаружена новая пещерная стоянка Таглар. Раскопками здесь вскрыта многометровая толща отложений содержащая 6 культурных слоев, пять из которых мустьерские.

Многослойная пещерная стоянка Таглар приобрела широкую известность среди мустьерских памятников благодаря богатейшим находкам каменных орудий и четкой стратиграфии культурных отложений. Тагларский мустьерский комплекс дал возможность выявить локальные особенности развития мустьерской культуры и проследить этапы ее эволюции. Впервые был представлен материал позволивший установить древнейшие культурные контакты Кавказа с соседними территориями, очертить миграционные пути древнего человека, направления древнейших культурных влияний и связей.

В 1971 году Мильско-Карабахской экспедицией, возглавляемой Мамедали Гусейновым, была обнаружена Шушинская пещера. Пещера находится в 80 метрах от современного русла реки, под живописным обрывом Джыдыр дюзю города Шуша. В пещере был заложен разведочный шурф, откуда были извлечены артефакты, относящиеся к древнему палеолиту.

Благодаря исследованиям опорных палеолитических памятников Гарабаха стало возможным систематизировать и обобщить материалы по археологии раннего и среднего палеолита Азербайджана, установить время первоначального заселения территории Азербайджана первобытным человеком, выявить

связи разновременных палеолитических стоянок как Азербайджана, так и сопредельных стран.

Обобщение и систематизация материалов комплексных исследований палеолитических пещер Азых и Таглар, проведенных на стоянках палеонтологами, геоморфологами, палеогеографами и другими специалистами позволило датировать культурные отложения и реконструировать этапы изменений природно-климатических условий. На основании археологических материалов стало возможным высказывать предположения о социальных отношениях древнейших обитателей стоянок, о появлении огня и его роли в развитии древнего общества, возникновении зачатков идеологии и др.

Благодаря исследованиям стоянок с непо потревоженными культурными слоями, относящихся к различным эпохам палеолита стало возможным впервые для древнейшей истории Азербайджана установить периодизацию палеолита, включающую культуру куручай, ашель, мустье и поздний палеолит.

Открытие 50 лет назад пещеры Азых и открытия сделанные на рубеже XX – XXI вв в Грузии (Дманиси), в Дагестане (Мухкай I и Айникаб I), а также сохраняющиеся на протяжении миллионов лет на Южном Кавказе благоприятные природно-климатические условия для развития гоминид, дают все основания считать, что гипотеза, высказанная азербайджанским ученым Мамедали Гусейновым четверть века назад, будет и в будущем находить свое дальнейшее подтверждение.

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день территория Нагорного Гарабаха и ряд сопредельных районов, где находятся не только памятники каменного века, но и сотни других археологических и исторических памятников оккупированы Арменией. Война пагубно отражается не только на судьбах тысяч людей, но и несет угрозу уничтожения культурно-исторического наследия в зоне конфликта. Она не дает возможность исследовать памятники в этой зоне и контролировать их современное состояние. Азербайджанская сторона располагает неопровержимыми данными целенаправленного уничтожения культурно-исторического наследия Азербайджанского народа в зоне оккупации. И мы призываем мировую научную общественность подать свой голос в защиту исторических памятников в зоне конфликта, которые являются наследием всего человечества.

*Алескеров Б.Д., Велиев С.С., Алиев А.И.,
Халилова У.Э., Гулиев М.Ю.
(Баку, Азербайджан)*

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ АЗЫХСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В ЭОПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ПЛЕЙСТОЦЕНЕ

В эоплейстоцене в предгорной полосе Малого Кавказа, где располагается Азыхская палеолитическая стоянка, климат был теплее и влажнее, чем сейчас. Об этом свидетельствует растительность и фауна позвоночных и, в первую очередь, млекопитающих, существовавшая в пределах Гянджа-Газахской и Гарабахской равнин в то время. Исследования показали, что в составе растительного мира присутствовали лавр, лавровишня, мимоза, эвкалипт, вечнозеленый дуб, земляничное дерево, а также представители листопадной гирканской флоры – железное дерево, акация, дзельква и др. Позвоночная фауна была представлена страусами, слонами, бегемотами и другими животными, свидетельствующие о существовании тогда теплых и влажных климатических условий. В конце эоплейстоцена западные берега Каспия достигали низовий Агстафачая. Прибрежная полоса была аллювиально-пролювиальной равниной с субтропической, в том числе и вечнозеленой, растительностью. Средние температуры января составляли 3-5°C, июля - 27-28°C, а среднегодовое количество осадков – до 1500 мм.

В начале раннего плейстоцена на территории Малого Кавказа, в том числе в окрестностях Азыхской палеолитической стоянки произошли коренные изменения в физико-географической обстановке территории. В составе растительности совершенно исчезли представители вечнозеленых растений, таких как лавр, лавровишня, мимоза, эвкалипт, вечнозеленый дуб и др. Появляется холодоустойчивая древесная растительность (береза, полярная ива, хвойные, карликовая береза и др.).

Происходят некоторые изменения и в составе травянистой растительности. В частности увеличивается процентное содержание субальпийской и альпийской растительности, что свиде-

тельствует о существовании тогда холодной климатической обстановки. В начале раннего плейстоцена отмечаются значительные изменения и в составе позвоночной фауны. В частности вымирают представители южных слонов, бегемоты, страусы и др. теплолюбивые виды, такие как пещерный медведь, пещерный лев, пещерная гиена и др., свидетельствующая о том, что в начале раннего плейстоцена существовала холодная климатическая обстановка.

В разрезе Азыхской палеолитической стоянки эта холодная эпоха раннего плейстоцена соответствует VII-ому слою, который насыщен культурными, костными и очажными остатками. Это означает, что во время похолодания климата древние люди вынуждены были находиться в пещерных условиях.

В середине раннего плейстоцена на территории Азыхской палеолитической стоянки происходит новое межледниковое потепление. В Каспийском море происходит первая крупномасштабная трансгрессия, являющаяся в плейстоцене самой обширной и продолжительной. В это время море покрыло значительную территорию предгорной равнины Малого Кавказа, расположенную недалеко от Азыхской палеолитической стоянки, в результате чего древние люди получили возможность заниматься рыболовством. Об этом свидетельствует присутствие рыбных остатков в VII культурном слое Азыхского разреза.

Результаты палинологических исследований Азыхского и Физулинского разрезов показали, что в составе древесной растительности совершенно исчезают представители холодоустойчивых видов (береза, хвойные и т.д.). Резко увеличиваются теплолюбивые виды (дуб, клен, липа, бук и т.д.), что свидетельствует о существовании более теплых и влажных климатических условий в это время.

В составе позвоночной фауны также происходят некоторые изменения, в частности, в середине раннего плейстоцена вымирает пещерный медведь, пещерный лев, пещерная гиена и т.д. Появляются современный медведь, бизон (бык), косуля, различные олени и т.д. Таким образом, все данные указывают на то, что в середине раннего плейстоцена на территории Азыхской палеолитической стоянки среднеиюльская температура состав-

ляла 25-27°C, среднеянварская -3-5°C, а годовое количество осадков достигало 600-900 мм в год.

В конце раннего плейстоцена вновь происходит новое глобальное похолодание климата и новое оледенение в горных сооружениях Малого Кавказа. В Каспийском море происходит очередная глубокая регрессия, и море полностью покидает Кура-Араксинскую низменность, находясь на 50 м ниже современного уровня.

Резкие изменения происходят и в составе растительности, в частности, увеличивается содержание березы, хвойных, полярных ивы, карликовой березы и др., что явно показывает на существование в этом времени в окрестностях Азыхской палеолитической холодных климатических условий. В горах Малого Кавказа наступает второе оледенение, на высоте выше 2000 м. В слоях пещерных отложений (отложениях VII культурного слоя) увеличивается содержание культурных остатков (костные, древесные, очажные остатки и др.), свидетельствующее о переселении древних людей в пещеры, что было связано с этим похолоданием климата.

Таким образом, комплексные данные показывают, что в эпоху плейстоцена на территории Азыхской стоянки существовали более теплые климатические условия, а в раннем плейстоцене произошло двукратное оледенение, а между ними теплое межледниковье.

Важные изменения в палеогеографической обстановке Азыхской палеолитической стоянки отмечаются в среднем плейстоцене. В Каспийском море происходит повышение уровня Каспия, который покрывает всю Кура-Араксинскую низменность, включая и Карабахскую наклонную равнину. В прибрежной зоне существовал аллювиально-пролювиальные равнины, где широкое развитие получили широколиственные и тугайные лесные массивы, среди которых преобладали дуб, бук, клен, липа, орех, кизил и др. Следует отметить, что береза, полярная ива и хвойная растительность, широкое развитие получившие в конце раннего плейстоцена, в начале раннего плейстоцена они или не отмечаются, или присутствуют их единичные виды.

В начале среднего плейстоцена отмечаются некоторые из-

менения и в составе травянистых растений, в частности не отмечаются субальпийские и альпийские виды (чабрец, шавель, астрагал и т.д.) и увеличивается содержание крапивы, подорожника, фиалки и др. растительности. В составе спектра отмечаются также полынь и осока, свидетельствующие о том, что в начале среднего плейстоцена на территории Азыхской стоянки наряду с лесными ландшафтами существовали и открытые пространства степных ландшафтов. Литолого-минералогический состав также подтверждает существование теплых эпох в начале среднего плейстоцена. В гранулометрическом составе преобладает песчаный материал (0,1 мм), а в минералогическом составе преобладающими минералами являются магнетит, ильменит, циркон, турмалин, мусковит и т.д. Являющиеся устойчивыми минералами по отношению к выветриванию, а малоустойчивые в теплых условиях легко разрушаются или превращаются в другую разновидность. Таким образом и палинологический, и литолого-минералогический состав первой половины среднего плейстоцена в окрестностях Азыхской палеолитической стоянки существовала теплая и влажная климатическая обстановка.

Следует отметить, что и фаунистический (позвоночная фауна) состав первого этапа среднего плейстоцена не отрицает существования теплого и влажного климата в указанном этапе.

В отложениях нижней части среднего плейстоцена часто обнаруживаются костные остатки кабана, дикого быка, косули, горного козла, различных оленей, бурого медведя, барсука и других видов, что явно показывает существование теплого влажного климата. Представленные виды свидетельствуют о существовании на Малом Кавказе различных ландшафтов. Бурый медведь в настоящее время встречается на северо-восточном склоне лесистых и скалистых ландшафтов.

Барсук в лесах Малого Кавказа предпочитает склоны речных долин и овраги, легко поддающиеся рытью почвенные и супесчаные почвы сухих местностей и близость воды (места обитания связаны с водой и источниками).

Кабан распространен на Малом Кавказе, встречаясь от уровня Каспия до верхнего лесного пояса. Излюбленные места обитания кабанов – это непролазные чащобы галерейных лесов

по берегам рек и тростниково-рогозовых болот и озер.

Костные остатки оленей, обнаруженные в Азыхской пещерной стоянке и в разных разрезах среднего плейстоцена Малого Кавказа, в настоящее время в этом районе не сохранились, но они обитают в горах Средней Азии, на юге Сибири, в Алтае, и на Дальнем Востоке. В отношении местности они отдают явное предпочтение горной местности, избегая скалистых ландшафтов и каменистых россыпей. В совершенно безлесных местностях олени не живут.

Таким образом, вышеприведенные данные показывают, что в начале среднего плейстоцена на территории Азыхской палеолитической стоянки существовали ландшафты начиная от степей, лесостепей и лесного до субальпийского типов.

Значительные изменения в окрестностях Азыхской палеолитической стоянки происходят во второй половине среднего плейстоцена, связанные с глобальным похолоданием климата. В горах Малого Кавказа выше 2000 м формируются ледники, происходит смещение поясов. Верхний пояс лесного массива опускается на 800-1000 м ниже современного верхнего пояса, а субальпийский пояс находится между 2000-1200 м. Верхняя граница лесного пояса находится на высоте 1000-1200 м.

Коренным образом изменяется состав древесных растений, где преобладающими видами является береза, карликовая береза, полярная ива, хвойные. Резко снижаются в составе теплолюбивые древесные (бук, граб, клен, дуб, липа, боярышник) виды.

Изменяется и состав травянистых растений, преобладающими здесь является чабрец, шавель, крапива, фиалки, свидетельствующие о близости субальпийского пояса.

Как видно из выше представленной растительности верхней части среднего плейстоцена (во второй половине) на территории Азыхской палеолитической стоянки существовали холодные климатические условия.

Что касается литолого-минералогического состава, то прежде всего в литологическом составе увеличивается глинистая фракция (<0,01мм). Это означает, что горные территории Малого Кавказа были скованы ледниками и процессы эрозии стабилизировались. А что касается минералогического состава, то

резко увеличивается количество неустойчивых минералов, таких как авгит, диопсид, биотит, роговая обманка и т.д. А устойчивые минералы (магнетит, турмалин, циркон, мусковит) участвуют стабильно.

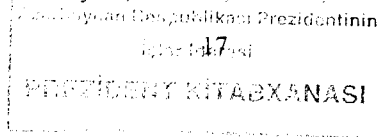
В составе позвоночной фауны также отмечаются значительные изменения. Вновь появляется пещерный медведь, пещерный лев, пещерная гиена и др., что явно связано свидетельствует о резком похолодании климата в низкогорьях и низменных территориях Малого Кавказа и наличия в горах оледенения.

В начале позднего плейстоцена (позднесазарский век) на территории Малого Кавказа, в том числе и в окрестностях Азыхской палеолитической стоянки начинается новая эпоха, связанная с глобальным потеплением климата и таянием ледника на высокогорной территории Малого Кавказа. Реки становятся многоводными и в Каспии начинается новая трансгрессия, заливается центральная часть Кура-Араксинской равнины. Изменяется вертикальная зональность ландшафтов, восстанавливается природная обстановка близкая к современной вертикальной зональности. В горных территориях усиливаются тектонические поднятия и поверхностный размыв, и поэтому состав верхнеказарских отложений становится более грубозернистым.

В минералогическом составе вновь отмечается увеличение процентного содержания устойчивых минералов (циркон, турмалин, магнетит, мусковит и др.) и резко уменьшается содержание малоустойчивых минералов (биотит, эпидот, диопсид, оливин и др.), что явно свидетельствует о потеплении климата.

Палинологический состав также подвергается существенному изменению. Из состава выпадают холодоустойчивые виды (береза, карликовая береза, полярная ива, хвойные и др.) расширяются ареалы распространения теплолюбивых видов (бук, граб, дуб, клен, боярышник, кизил, орех и др.) явно указывающие на существование более теплых и влажных климатических условий.

В составе фауны сокращаются ареалы распространения видов, обитающих в холодных условиях уменьшаются количество костных остатков пещерного медведя, пещерной гиены, увеличиваются остатки косули, кабана, бизона, а также непарнокопытных

дикой лошади, дикого осла (кулан) и др., что также указывает на существование теплых климатических условий.

В позднем плейстоцене (хвалынский век) на территории Малого Кавказа, включая территорию Азыжской палеолитической стоянки, происходит новое и обширное похолодание климата и появление оледенения на высокогорной территории Малого Кавказа (последнее оледенение). Данное оледенение соответствует последнему валдайскому оледенению. В это время в Каспийском море происходит последняя глубокая регрессия и уровень Каспия падает на 50 м ниже такового современного.

В образцах, взятых из верхнехазарских отложений определен высокий процент карликовой березы (более 25%) и полярной ивы (23%), березы (20%), хвойных (18%), что свидетельствует о существовании в это время очень холодной климатической обстановки.

В предыдущих холодных эпохах карликовая береза и полярная ива не превышали 15%, каждая однако в хвалынских отложениях, формировавшихся в эпохах похолоданий, эти виды растительности были более широко распространены. Поэтому можно предполагать, что несмотря на кратковременность хвалынского оледенения, в это время существовал самый холодный ледниковый период, где происходили резкие перемещения вертикальной зональности. В предлах Азыжской палеолитической стоянки были распространены хвойные и березовые редколесья. Именно в этот период (хвалынский) похолодания древние люди вынуждены были находить убежища, которыми оказались Тагларский, Дамджылынский и Дашсатахлинские пещерные стоянки. В таких холодных условиях древние люди могли охотиться только на низменных территориях. Поэтому в разрезах увеличивается содержание костных остатков диких лошадей, куланов, кабанов и джейранов, которые обитали в низменных районах Малого Кавказа. Численность костных остатков, обитающих в горных областях резко уменьшается.

Во второй половине хвалынского века отмечается новое глобальное потепление и таяние ледников на высокогорной территории. Увеличивается водный баланс рек Малого и Большого Кавказа, и уровень Каспия вновь повышается на 50 м выше со-

временного. Каспийское море в последний раз соединяется с Азовским морем через Манычскую котловину, заливая среднюю часть Кура-Араксинской низменности, узкой полосой проникая в Мингечаурское водохранилище, как отмечает Лукашевич (...), формирует 40-метровую морскую террасу, которая сейчас находится в берегах этого водохранилища.

Во второй половине хвалынского века в районе Малого Кавказа, включая Азыжскую палеолитическую стоянку, восстанавливается современная вертикальная зональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамедов А.В., Алескерев Б.Д. Плейстоцен Азербайджана. Баку: Nafta-Press. 2002.
2. Мамедов А.В., Муссеилов М.А., Алескерев Б.Д. Стратиграфия и палеогеография плейстоцена бассейнов рр. Шамхорчай и Дзегамчай. // Уч. Зап. АГУ. 1974, № 3.
3. Мамедов А.В., Алескерев Б.Д. Палеогеография Азербайджана в раннем и среднем плейстоцене. Баку: Элм. 1988.

Амирханов Х.А.
(Махачкала, Россия)

ПИКИ ТРЕХГРАННОГО ПОПЕРЕЧНОГО СЕЧЕНИЯ В КОЛЛЕКЦИЯХ ПАМЯТНИКОВ ОЛДОВАНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА

Территория Центрального Дагестана является благодатной для изучения здесь палеолита. Здесь в обилии имеются природные источники воды и выходы кремневого сырья. Глубокие теплые долины перемежаются с достаточно обширными плато со специфичными горно-степными ландшафтами. Исследованию помогает и то, что этот район изучен относительно неплохо с точки зрения общей геологии и геоморфологии. Хотя, конечно, быть удовлетворенными степенью полноты и конкретности знаний в этих областях применительно к Восточному Кавказу не приходится.

Одним из наиболее удачных объектов в рассматриваемом смысле является Акушинская котловина. В котловине, окаймленной горными хребтами, плейстоценовые отложения представляют собой останец в виде узкого сегмента, разделяющего долины рек Акуша и Усиша. Названные реки текут в направлении друг к другу под острым углом и сливаются в северной окраине самой котловины. Геоморфологически – это водораздел с террасовой лестницей по обоим склонам. Террасы имеют различную степень выраженности на различных участках. Высота водораздела – 1540-1620 м. Высокие террасы имеют четко выраженные уступы с относительными отметками 220 м, 145 м, 100 м. Поверхность плейстоценовых отложений полого опускается в направлении от окраинных частей к центру котловины.

Геологи определяют рассматриваемый район, как место, где наиболее отчетливо представлены останцы поверхности выравнивания, относящейся ко времени непосредственно предшествующему верхнему Апшерону (Вардянянц, 1943, с.53), т.е. согласно современным представлениям – времени древнес второй половины раннего плейстоцена.

Аллювий всех указанных террас содержит археологический

материал в виде кремневых изделий. Для коллекций каждой из террас характерен свой специфический набор технико-типологических характеристик. Но наиболее интересными представляются стратифицированные археологические материалы, залегающие в отложениях собственно водораздела. Они изучены в настоящее время намного лучше, чем материалы, происходящие из речных террасовых отложений.

В 2004-2010 годах в описываемом районе открыто и в разной степени изучено 8 раннеплейстоценовых памятника. Экспедициями Института археологии РАН, Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Института истории материальной культуры РАН к настоящему времени раскопки осуществлены на 4-х памятниках (Айникаб 1, Мухкай 1, Мухкай 2, Гегалашур 3). Больше других изучены к настоящему времени многослойные стоянки Айникаб 1 и Мухкай 2 (Амирханов, 2007б).

Отложения стоянки Айникаб 1 вскрыты на площади 47 кв.м. Культурные остатки содержатся в 13 литологических слоях (из вскрытых к 2009 году 18 слоев). Общая мощность геологических отложений составляет 11,5 м.

Археологический материал представлен каменными орудиями труда вместе с отходами их изготовления. В нижних слоях стоянки вместе с орудиями обнаруживаются и костные остатки крупных млекопитающих. Коллекция кремневых предметов, происходящих отсюда, по состоянию на 2009 год, включает 853 предмета.

Особую значимость материалам Айникаб 1 придает то, что датировка их имеет твердые обоснования, полученные взаимопроверяемыми данными различных естественнонаучных дисциплин. Выше отмечалось, что отложения водораздела рек Акуша и Усиша, в которых залегают археологический материал, геологически относятся ко времени ранее верхнего апшерона (т.е., ранее поздней стадии раннего плейстоцена). Палинологические спектры разреза содержат по определению Н.С.Болиховской пыльцу древесной растительности, диагностичной для плиоцена и раннего плейстоцена. Палеомагнитный анализ показывает, что рассматриваемые отложения относятся к эпохе Матуяма и,

большая их часть должна быть отнесена ко времени, как минимум, ранее эпизода Харамильо, или, в равной степени, эпизода Кобб Маунтин (Амирханов и др., 2009). Немногочисленные пока костные остатки в виде зубов крупных животных из слоев стоянок позволяют предполагать возможность определения их, как принадлежащих лошади Стенона. В отношении геологически одновременной с Айникаб 1 стоянки Мухкай 2 принадлежность аналогичных костей именно этой разновидности лошади установлена более определенно.

Датировки, полученные для Айникаб 1 в полной мере применимы для стоянок мухкайской и гегалашурской групп, поскольку все названные памятники залегают в одной и той же геологической пачке. Больше того, фаунистические материалы Мухкай 2 диагностированы, как относящиеся к группе лошади Стенона, не предположительно, а со всей определенностью. Это в еще большей мере подкрепляет датировку данных памятников временем ранее поздней стадии раннего плейстоцена. Сумма всех данных позволяет к настоящему времени говорить о том, что рассматриваемые материалы не моложе 1,2 млн.л.н. и их реальный возраст должен находиться ранее палеомагнитного эпизода Кобб Маунтин, вероятнее всего в пределах 1,4-1,5 млн.л.н.

Применительно к рассматриваемым памятникам в настоящее время речь еще не идет о подведении итогов работ. Изучение их в виду богатства и экстраординарной значимости материалов не только для региональной, но и всеобщей истории, продлится еще долго. Однако имеющихся коллекций достаточно для их использования в целях установления характерных форм типологического состава индустрии олдована Северного Кавказа. Подробный анализ чопперов одной из стоянок рассматриваемой территории – Айникаб 1 в литературе уже осуществлен (Таймазов, 2009). Мы же хотим показать, что, пожалуй, второй после чоппера устоявшейся и регулярной в коллекциях памятников олдована Центрального Дагестана является пик трехгранного сечения.

Пикн в их типичном варианте, а именно трехгранные, являются составной частью коллекций всех более или менее изу-

ченных стоянок олдована Центрального Дагестана. Они имеются в коллекциях Айникаб 1, Мухкай 1 (рис. 1) и 2, Гегалашур 1 (рис. 2) и Гегалашур 3 (Кулаков, 2010, с.63).

Рис. 1

Рис. 2

Пики центральнодагестанских памятников имеют следующий стандартный набор признаков: а) массивная заготовка с максимальным утолщением в нижней – пяточной части; б) максимальная толщина изделия составляет 2/3 и больше максимальной ширины; в) трехгранное сечение близко к равнобедренному треугольнику с более широкой нижней плоскостью; г) пересечение плоскостей, образованных полной или частичной обработкой краев заготовки, образуют на спинке орудия более или симметричную срединную продольную грань; д) нижняя

плоскость орудия всегда уплощенная – или естественным образом, или искусственно; е) тяжелая, массивная и, как правило, не обработанная пятка; ж) конец образован равномерно сходящимися краями и более или менее заострен. Почти во всех описываемых памятниках имеются экземпляры орудий, содержащие весь перечисленный состав признаков. Некоторые предметы, отклоняются от указанного стандарта, но они хорошо узнаваемы. Такие изделия и относят к описываемой категории под названием «пиковидные» (Любин и др., 2010, с. 53) или «пикообразные». Подобные изделия выделяются, например, в археологических материалах из Центральной Армении, происходящих из позднеплиоценовых – раннеплейстоценовых отложений Нурнусского палеозера (Любин и др., 2010, с. 53).

По размерам пики весьма различаются между собой. Морфологически наиболее выразительный экземпляр коллекции Мухкай 1 имеет следующее соотношение длины, ширины и толщины: 18 см : 11 см : 11 см. У столь же показательного предмета из стоянки Гегалашур 1 эти показатели выглядят так: 15 см : 11 см : 8 см. Если судить по этим образцам, то толщина не намного уступает или даже равна ширине изделия, а длина превышает ширину предмета. Имеются экземпляры, у которых длина меньше 10 см, но при этом пропорции сохраняются в целом такими же, как отмечено. Картина с различиями в размерах пиков такая же, какая она в категории чопперов. Наряду с группами крупных предметов имеются серии однотипных с ними изделий с относительно мелкими размерами.

Орудия, соответствующие приведенному описанию пика серийно представлены и в Приазовье, в материалах стоянках Богатыри и Родники (Щелинский, Кулаков, 2009, с. 196, 201). В них отмечаются основные признаки, характерные для изделий этого рода с трехгранным поперечным сечением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханов Х.А. (2007) Исследование памятников олдована в Центральном Дагестане. М., Издательство «Таус», 2007, 52 с.

2. Амирханов Х.А., Трубикин В.М., Чепалыга А.Л. (2009) Палеомагнитные данные к датировке многослойной стоянки раннего плейстоцена Айникаб 1 (Центральный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия. Новосибирск, Издательство Института истории, археологии и этнографии СО РАН, 2009, с.29-35.

3. Варданянц Л.А. (1943) Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Издательство АН СССР. Ереван, 1943. 185 с.

4. Кулаков С.А. (2010) Иачало исследований раннепалеолитической стоянки Гегалашур III // Исследования первобытной археологии Евразии. Сборник к 60-летию Х.А.Амирханова. Махачкала, 2010, с.60-65.

5. Любин В.П., Беляева Е.В., М.В.Саблин (2010) Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. Сборник к 60-летию Х.А.Амирханова. Махачкала, 2010, с.36-59.

6. Таймазов А.И. (2009) Чопперы из коллекции Айникаб 1 // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия. Новосибирск, Издательство Института истории, археологии и этнографии СО РАН, 2009, 188-206.

7. Щелинский В.Е., Кулаков С.А. (2009) Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия. Новосибирск, Издательство Института истории, археологии и этнографии СО РАН, 2009, 188-206.

Анойкин А.А.
(Новосибирск, Россия)

ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА: ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ

Введение

Начиная с ранних этапов истории, Кавказ являлся одним из основных транзитных коридоров при расселении человеческих коллективов по Евразии. Об этом свидетельствует большое количество памятников палеолитического времени, в том числе содержащих костные остатки ранних гоминидов (Дманиси, Кударо I, Азых и др.) [Любин, 1998]. Вместе с тем, пространственное распределение палеолитических стоянок в регионе крайне неравномерно. Абсолютное большинство известных здесь памятников, сосредоточено вдоль его черноморского побережья, в центральной части Кавказа и в Закавказье. Прибрежные районы Каспийского моря, напротив, до недавнего времени были изучены крайне слабо, а основные палеолитические памятники, известные на западном побережье Каспия, также локализовались в Закавказье. Так, на территории Дагестана было известно только несколько местонахождений с поверхностным залеганием каменных артефактов. Археологические изыскания последних лет, проводившиеся совместными экспедициями ИЭАТ СО РАН, ИА РАН и ИЭА РАН позволили значительно расширить представления о палеолитической истории каспийского побережья Кавказа, в первую очередь, благодаря данным полученным в ходе работ на палеолитических объектах в долинах рек Рубас и Дарвагчай.

Основные палеолитические памятники Приморского Дагестана

История изучения

Приморский Дагестан представляет собой узкую (до 30 км шириной) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока он

огражден Каспийским морем, с запада - известковыми хребтами мелового возраста [Голубятников, 1940].

Первые находки артефактов палеолитического облика на этой территории были обнаружены в конце 30-х гг. XX в. М.З. Паничкиной при проведении подъемных сборов около с. Геджух, в среднем течении р. Дарвагчай [Замятнин, 1950]. После большого временного перерыва планомерные поиски палеолитических местонахождений на территории предгорной зоны каспийского побережья Дагестана начинает осуществлять В.Г. Котович. В ходе работ 1950-60-х гг. он выделяет около десятка местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала, в том числе 3 пункта с каменными изделиями палеолитического облика. Наиболее древние артефакты, отнесенные по морфологии к ашельскому и мустьерскому времени, были найдены В.Г. Котовичем на местонахождении Чумус-Иниц, в нескольких километрах от с. Геджух [Котович, 1964]. После этих изысканий территория прибрежной равнины и предгорий долгое время оставалась вне зоны внимания специалистов по каменному веку. Следующий этап изучения палеолита в Приморском Дагестане приходится на начало XXI в. и связан с комплексными работами совместных экспедиций нескольких институтов РАН (ИАЭТ СО РАН, ИЭА РАН и ИА РАН) под общим руководством академика А.П. Деревянко [Деревянко и др., 2004; Деревянко и др., 2009b]. В ходе этих многолетних исследований в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас было открыто более 20 памятников палеолита, в том числе несколько многослойных стратифицированных объектов. Культурно-хронологический диапазон представленных на них археологических индустрий охватывает все основные этапы древнего каменного века, начиная с ранних стадий нижнего палеолита, маркирующих время начального заселения территории Кавказа человеком, до развитого верхнего палеолита. Полученные археологические материалы, совместно с большим комплексом естественнонаучных данных, позволяют достаточно подробно представить общую картину развития древнейших культур на территории Приморского Дагестана в хронологическом интервале более 1 млн. лет.

Нижний палеолит

Наиболее древние палеолитические комплексы на западном побережье Каспия были обнаружены на стратифицированных памятниках Рубас-1 (нижний комплекс) и Дарвагчай-1 [Деревяно, Зенин, 2007; Деревяно и др., 2009b].

Местонахождение Рубас-1 локализовано в теле древнего оползня, в настоящее время имеющего вид 28-метрового террасовидного уступа. Стационарные работы на объекте начались в 2006 г. В настоящее время площадь раскопа на уровне нижнего культуросодержащего горизонта (сл. 5) составляет 138 кв.м.

Анализ стратиграфического разреза отложений на памятнике позволяет выделить четыре разновозрастных пачки [Лещинский и др., 2009]. Нижняя пачка 1, видимой мощностью более 3 м (сл. 6 горизонтально-слоистые темно-серые глины, тортонский век, $N_1^{2_{tr}}$) представляет собой илы шельфа (глубина вод от 20 до 200 м). Пачка 2, мощностью до 9 м (сл. 5 (гравийно-галечная прослойка, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем) и сл. 4 (мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета, с прослоями светлых желтовато-коричневых глин); позднеакчагыльское время, $N_2^{3_{ак}}$) сформирована в субаэральных и субаквальных (на глубинах от 0 до 15 м - пляжная, предфронтальная и переходная зоны) условиях морского побережья. Пачка 3, мощностью до 4,5 м (сл. 3 (гравийно-галечно-валунные отложения) и сл. 2 (аллювиальный песок с прослоями светло-серого алеврита); поздний (?) неоплейстоцен) - речной аллювий. Пачка 4, мощностью до 4 м (сл. 1 (светло-коричневых супесчано-суглинистые отложения); поздний неоплейстоцен - голоцен) - субаэральные образования. Обоснование возраста отложений базируется на совокупности геологических и палеонтологических данных. Так в подошвенной части слоя 4 было обнаружено большое количество раковин и створок остракод хорошей сохранности, редкие фораминиферы (*Rotalia beccari* (Linne) и др.) и гастроподы, состав которых, в комплексе с литологией осадков позволяют предполагать, что осадконакопление слоя 4 происходило в опресненных прибрежных водах акчагыльского моря [Там же, ...].

Древнейший археологический комплекс памятника связан

со сл. 5. Среди угловатых обломков кремня, представленных в незначительном количестве в гравийно-галечной составляющей слоя (основную массу составляют обломки известняка и песчаника), некоторые предметы имеют признаки искусственной обработки. Диагностика изделий затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразивным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость, следствием которой были частые случаи природного раскалывания отдельностей кремня и образование по их краям участков с «естественной» ретушью). Всего в ходе работ 2006-2009 гг. было обнаружено более 2000 экз. отдельностей кремня. Окатанные обломки имеют размеры до 5-7 см, хотя встречаются единичные экземпляры до 20 см по длинной оси. В общей сложности более 100 экз. кремня имеют признаки искусственного (?) расщепления разной степени выраженности (Рис. 1). Сохранность и облик предметов определили деление коллекции на три группы по степени выраженности антропогенного воздействия. Артефакты первой группы (40 экз.) представлены, в основном, сколами, легко диагностируются, имеют четкую типологическую привязку и выраженную системность обработки. Изделия второй группы (36 экз.) представлены нуклеидными формами, а также обломками и осколками, вторичная отделка которых позволяет диагностировать возможную системность обработки и выделить рабочие участки. Также в эту категорию попадает группа небольших сколов, для которых нельзя исключать возможность образования при раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений. Общее количество изделий в группах 1 и 2 составляет 76 экз. Предметы из третьей группы (более 60 экз.), представлены обломками и осколками, видимая вторичная отделка которых не имеет четкой системы, не образует выраженных рабочих элементов, но, все же, может носить и антропогенный характер [Деревяно и др., 2009а; Деревяно и др., 2009б].

В целом, раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 характеризуется, в первую очередь, большим количеством изделий

малых размеров (~ 2-4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм (общее число орудий - 35 экз.). Последнее может быть связано, как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием нестандартизированных заготовок для изготовления орудий, т.к. в большинстве случаев утилизировались нескововые основы (осколки, обломки). Вместе с тем, количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. Это, в основном, предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Вторичная отделка осуществлялась преимущественно мелкими сколами и грубой, однорядной, крутой и вертикальной ретушью. Изделия крупнее 4 см крайне малочисленны, это сколы, скребловидные орудия и единичный предмет близкий по форме и характеру обработки к простейшим рубящим орудиям типа чопперов. Предполагаемый, на основании геологических данных, возраст вмещающих отложений, специфический характер индустрии и облик основных категорий типологически выраженных артефактов позволяют отнести эти материалы к числу микроиндустрий начальных этапов раннего палеолита. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии данному индустриальному комплексу прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, датируемых Бакинским временем (Q_{1b}), однако, исходя из имеющихся данных, для индустрии Рубаса-1 можно предполагать значительно более древний возраст.

Раннепалеолитическая многослойная стоянка Дарвагчай-1 находится на северном берегу Геджухского водохранилища. Стационарные исследования на памятнике проводятся с 2005 года [Деревянко и др., 2005b]. Археологические материалы приурочены к прибрежно-морским осадкам бакинской террасы раннего неоплейстоцена (~750-550 тыс.л.н.). Анализ разреза позволяет выделить три разновозрастные пачки отложений, отделенные друг от друга существенными стратиграфическими перерывами с явными следами размыва. Пачка 1 (слой 1) представлена слоями глинистого алевролита и тонкозернистого песка и генетически соответствует переходной зоне между шельфом и побережьем (глубина вод в среднем 8-15 м). Пачка 2

(слои 2-9) сформирована в условиях типичного морского побережья в интервалах глубин от 0 до 15 м (переходная, предфронтальная и пляжная зоны) и состоит из конгломератов с примесью валунов, слоистых песков и глинисто-песчаных отложений, а также органогенно-обломочного известняка (ракушняка). Пачка 3 (слои 10-13) сформирована, преимущественно, в субаэральных условиях - ведущую роль в осадконакоплении играли коллювиальные, делювиальные, пролювиальные и элювиальные процессы. В составе слою разнозернистого песка, суглинки и гравийно-галечные отложения [Деревянко и др., 2009]. За время исследований культурные материалы были зафиксированы в прибрежно-морских осадках раннего неоплейстоцена (бакинский интервал) - слои 4-8. [Деревянко, Зенин, 2007; Деревянко и др., 2009c].

За время исследовательских работ вскрыты плотносцементированные четвертичные отложения (пачка 2) на площади 105 кв.м. Общее число каменных артефактов составляет около 8500 экз., включая более 2000 изделий с вторичной обработкой (Рис. 2). 98% обнаруженных предметов в разной степени окатаны, что связано с приуроченностью стоянки к прибойно-береговой полосе и, как следствие, перемещением археологического материала в субаквальных условиях пляжа [Деревянко, Зенин, 2007; Деревянко и др., 2009b; Деревянко и др., 2009c]. Средние размеры орудий не превышают 3 см, предметы крупнее 5 см редки. В основном, это гальки со сколами и галечные орудия, нуклеусы и единичные крупные сколы. При этом, микролитический облик индустрии, судя по всему, не зависит от размерности и особенностей расщепления исходного сырья. Набор основных категорий орудий и характер вторичной обработки орудий практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям. Стоит отметить только появление в верхнем культурном слое (сл. 8) в числе крупных галечных орудий ручных рубил [Там же, ...].

Первичное расщепление характеризуется применением простейших техник расщепления, включая дробление породы. Нуклеусы малочисленны, представлены, в основном, простыми формами с минимальным оформлением, с естественными или

гладкими ударными площадками. Среди продуктов раскалывания преобладают обломки, которые часто использовались и как орудийные основы, наряду с фрагментами плиток, осколками и, реже, отщепами. Среди орудий преобладают скребловидные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клювовидные, острия) формы, а также зубчато-выемчатая категория изделий. Особенностью индустрии является многообразие и неустойчивость типологических форм внутри выделенных категорий орудий. Высокий процент орудий (более 20 %) позволяет интерпретировать рассматриваемые ассамбляжи как остатки разновременных поселенческих комплексов [Там же, ...].

Раннепалеолитические комплексы Рубаса-1 и Дарвагчай-1 являются одними из древнейших в этой части Кавказа и, видимо, предшествуют появлению здесь классических ашельских индустрий, отличаясь от них по ряду важных технологических особенностей.

Более поздние материалы нижнего палеолита маркируют появление на территории Дагестана комплексов с классическими ашельскими рубилами, хорошо представленными на памятниках Центрального Кавказа и черноморского побережья. Данные комплексы, в основном, локализованы в бассейне р. Дарвагчай и представлены в стратифицированном залегании на стоянке Дарвагчай-1 (индустрия сл. 8), а также в виде подъемных материалов на местонахождениях Дарвагчай-залив-2, Чумус-Иниц, Дюбекчай и Шор-Доре [Дервянко и др., 2005а; Дервянко и др., 2005с; Дервянко и др., 2009b]. Возможно, им синхронна часть наиболее древних материалов многослойной стоянки Дарвагчай-залив-1 (комплексы 3 и 4), где среди сколов преобладают массивные укороченные экземпляры, а среди орудий - зубчато-выемчатые и скребловидные формы [Дервянко и др., 2009d]. Сопутствующий рубилам археологический материал может быть выделен менее уверенно, т.к. в основном, он происходит из поверхностных сборов с различных местонахождений, где помимо собственно раннепалеолитического компонента присутствуют артефакты существенно более поздних эпох. Исключение составляет сл. 8 Дарвагчай-1, где комплекс с рубилами имеет четкую стратиграфическую привязку, однако характер

формирования памятника не позволяет считать данную индустрию гомогенной и дает возможность определить лишь ее общие хронологические рамки (Рис. 2). Таким образом, выделение группы раннепалеолитических изделий на археологических объектах с поверхностным залеганием материала производилось на основе морфологии и типологии отдельных предметов, с учетом геологической ситуации в районе сборов и предполагаемого культурно-хронологического контекста. В основном, это простые, дисковидные и радиальные ядрища, галечные орудия (чопперы), крупные массивные скребла и грубые скребки, выделяющиеся из общего контекста, как морфологией, так и значительной деградацией поверхности, вследствие коррозийных воздействий среды.

Средний палеолит

Развитые среднепалеолитические индустрии представлены в стратифицированном залегании на ряде местонахождений в долине р. Рубас (Рубас-1 (средний комплекс), Рубас-2-5), а также в основной части материалов стоянки Дарвагчай-залив-1 (комплекс 2) (Рис. 3). На рубасском комплексе памятников данный археологический материал выявлен в древней галечно-конгломератной толще аллювиального происхождения, на стоянке Дарвагчай-залив-1 - в склоновых отложениях, насыщенных галькой, обломочным материалом и глыбами ракушняка. Также в культурно-хронологических рамках среднего палеолита, видимо, находится часть коллекций поверхностных сборов с памятников Дарвагчай-залив-1 (комплекс 1), Тинит-1, Чумус-Иниц, Дарвагчай-залив-2 и Шор-Доре (пункты 1-6), а также артефакты из строительного карьера в нижнем течении р. Количи [Дервянко и др., 2004; Дервянко и др., 2005с; Дервянко и др., 2007а; Дервянко и др., 2009b; Дервянко и др., 2009d]. В целом, среднепалеолитические комплексы, выделенные на территории Приморского Дагестана, характеризует присутствие большого количества простейших форм плоскостных нуклеусов, хорошая представленность радиальных формы, а также наличие выразительных левалуазких ядрищ для отщепов и, в меньшей степени, острий. Огранка дорсалов реализованных сколов, среди которых значительно преобладают отщепы, преимущественно

субпараллельная. Среди остаточных ударных площадок около 2/3 составляют гладкие, однако, заметно представлены также фасстированные, двухгранные и естественные. Во вторичной отделке основным приемом являлась ретушь, в основном, одно- и двухрядная, полукрутая и крутая, дорсальная, часто модифицирующая. Применялись различные приемы получения клетонских анкошей, отмечены случаи подтески, резцовых снятий и транкирования заготовок. В орудийном наборе представлены скребла различных модификаций, преимущественно продольные, шиповидные изделия (в том числе и небольших размеров, близкие по морфологии артефактам Дарвагчай-1), значителен процент зубчато-выемчатых форм, есть единичные экземпляры леваллуазских сколов (атипичные острия и отщепы) и мустьерских остроконечников. В единичном экземпляре присутствует крупное массивное изделие с элементами бифасиальной обработки. Верхнепалеолитическая группа орудий не выразительна и малочисленна, представлена, в основном, атипичными скребками на отщепе. По своим характеристикам данные комплексы наиболее близки инвентарю леваллуа-мустьерской группы памятников Восточной Европы, выделенной по материалам стоянок Крыма и Пруто-Днестровья [Чабай, 2004].

Верхний палеолит

Более поздние этапы палеолита, соответствующие верхнепалеолитическому и переходному к нему времени, характеризуют артефакты, связанные с мощной пачкой суглинков, венчающих разрезы на стоянках Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1 [Анойкин и др., 2007; Анойкин и др., 2009; Дервянко и др., 2008]. Возможно, к данному периоду относятся и незначительная часть коллекций поверхностных сборов (группа недефлированных артефактов) в окрестностях стоянки Тинит-1 и с местонахождений Чумус-Иниц, Дарвагчай-залив-2 и Шор-Доре [Дервянко и др., 2009b]. Наиболее яркими элементами среди этих подъемных материалов являются нуклеусы с использованием системы торцевого расщепления; тонкие, геометрически правильные пластины; скребки и долотовидные орудия.

Верхний комплекс находок на Рубасе-1 изучался в 2006-2007 гг. серией из 5 шурфов, общей площадью 20 кв.м, пере-

крывающих участок около 1000 кв.м. В ходе раскопчных работ была вскрыта толща отложений мощностью до 7 м. (сл. 1-2 в сводной стратиграфической колонке памятника, см. выше) [Дервянко и др., 2007a; Дервянко и др., 2007b]. Наиболее полно литология участка представлена в стратиграфическом разрезе шурфа 1, где зафиксировано 7 уровней залегания археологического материала палеолитического облика [Там же, ...]. Всего, в ходе работ, на объекте было обнаружено 1224 экз. каменных артефактов связанных с верхним комплексом находок (Рис. 4).

Характерной особенностью индустрии является наличие в коллекции большого количества обломков и осколков (более 600 экз.), а также частое использование их в качестве орудийных заготовок. Возможно, это связано с особенностями утилизируемого кремневого сырья, которое имеет много внутренних дефектов. Среди ядрищ основную часть составляют простые параллельного принципа скальвания, встречаются торцовые и подпризматические разновидности нуклеусов, а в нижних горизонтах обнаружено несколько изделий, использовавшихся для производства леваллуазских заготовок. Большинство нуклеусов предназначалось для получения удлиненных сколов, однако, процент пластин в ассамбляжах незначителен, что может объясняться, ограничениями, накладываемыми использованным сырьем и/или поведенческой стратегией, когда большая часть полученных пластинчатых сколов уносилась за пределы производственной площадки.

Анализ сколов показал общую для всех горизонтов тенденцию на преобладание предметов с гладкими остаточными ударными площадками и субпараллельной, гладкой и продольно-поперечной гранкой дорсала. Стоит отметить, что в нижних горизонтах лучше представлены сколы с фасстированными ударными площадками, а в верхних - с точечными и линейными. Фиксируется высокая степень встречаемости различных технических приемов редукции карниза (в среднем около 40 % среди определимых площадок для сколов).

В инвентаре верхних горизонтов основными категориями орудий являются концевые скребки на отщепе, резцы, проколки, шиповидные изделия. В нижних горизонтах заметный про-

цент составляет группа скребел, фиксируется присутствие леваллуазских неретушированных сколов (остроконечники и отщепы), в единичных экземплярах присутствуют скребок высокой формы и атипичный мустьерский остроконечник. Группа зубчато-выемчатых форм представлена во всех горизонтах, но более многочисленна в нижних.

К тому же культурно-хронологическому интервалу, что и индустрий верхнего комплекса Рубаса-1 относятся, видимо, и материалы многослойной стоянки Тинит-1. Стоянка изучается с 2007 г. В ходе работ объекте изучен на площади 62 кв.м. Толща рыхлых отложений вскрыта на отдельных участках на глубину до 5,5 м. На объекте выделено 9 литологических слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала [Анойкин и др., 2009; Деревянко и др., 2009b]. При раскопках обнаружено 1063 экз. каменных артефактов, изготовленных из кремня и сильно окремненных пород, залегающих в коренных условиях на расстоянии 1-2 км от стоянки (Рис. 4).

Технико-типологический анализ обнаруженных индустрий позволяет отнести их к широкому культурно-хронологическому интервалу в рамках финала среднего - верхнего палеолита. В верхних культурных горизонтах (а.г. 1-4) нуклеусы представлены простыми монофронтальными разновидностями параллельного принципа расщепления, как правило, сильно сработанными и направленными, в основном, на получение пластинчатых заготовок, а также единичными торцовыми формами. В нижних горизонтах (а.г. 5-11), помимо нуклеусов параллельного принципа раскалывания, хорошо представлены леваллуазские ядрища и присутствуют редкие радиальные формы. Пластины составляют значительную долю среди сколов (до 40%) во всех выделенных культурных подразделениях и чаще, в процентном соотношении, использовались как орудийные основы. Анализ сколов показал также общую для всех а.г. тенденцию на преобладание предметов с субпараллельной огранкой дорсала и с гладкими остаточными ударными площадками. Вместе с тем, в верхних горизонтах присутствуют сколы с точечными и линейными их разновидностями и фиксируется прием редуцирования ударной площадки с последующей шлифовкой. В нижних горизонтах

фиксируются сколы с фасетированными остаточными ударными площадками, отсутствующие в вышележащих уровнях.

Орудийный набор количественно незначителен. В верхних а.г. среди орудий представлены скребки, резцы, ножи, долотовидные изделия, слабо ретушированные остроконечные заготовки, выемчатые изделия и ретушированные пластины. В нижних а.г. наиболее яркими и многочисленными формами являются леваллуазские заготовки и орудия на них, скребла, в том числе и скребла-ножи, невыразительные скребки, ножи небольших размеров и выемчатые изделия.

Общая характеристика продуктов первичного расщепления, облик ядрищ и орудийного набора, а также стратиграфическое положение позволяет отнести археологический материалы Тинита-1 и верхнего комплекса Рубаса-1 к верхнепалеолитическому времени. Это подтверждает комплекс данных, включающих типологический состав орудий (скребки, резцы, долотовидные изделия, ретушированные пластины), характер первичного расщепления, в том числе способы оформления и утилизации ядрищ, реконструированные методом ремонтажа, а также применение верхнепалеолитической техники скола. Последняя проявляется в присутствии технологического призма редуцирования края ударной площадки подтеской с частой последующей шлифовкой. При этом нижние горизонты обеих стоянок, возможно, относятся к более ранним этапам - финалу среднего или рубежу среднего/верхнего палеолита. Об этом свидетельствует использование более архаичных техник расщепления, что проявляется в фасетированные и двугранные площадки у части заготовок; присутствие технических сколов оформления леваллуазских ядрищ и сколов, морфологически близких целевым леваллуазским заготовкам, а также присутствие таких типов ядрищ, как леваллуазские и радиальные. Кроме того, здесь отсутствуют явные свидетельства применения верхнепалеолитической техники скола. В орудийном наборе, заметный процент составляют скребла, часть орудий выполнена на леваллуазских заготовках, отсутствуют яркие верхнепалеолитические формы, например, скребки и долотовидные изделия.

Заключение

Исследования последних лет, проводимые в Приморском Дагестане, позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона и представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории начиная с самых ранних этапов. Нижнепалеолитические комплексы стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 позволяют рассматривать Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий. Их характеризует применение простейших техник расщепления, включая дробление породы, частое использование для изготовления орудий несколловых основ, малые размеры предметов (~ 2-3 см), а также слабая типологическая выраженность и неустойчивость орудийных форм, среди которых преобладают скребловидные, остроконечно-шиповидные и выемчатые категории изделий.

Более поздние материалы нижнего палеолита демонстрируют появление на территории Дагестана комплексов с классическими ашельскими рубилами, хорошо известных по находкам на памятниках Центрального Кавказа и черноморского побережья.

Развитые среднепалеолитические индустрии характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления (отщеповая и конвергентная острейшая), наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников, а также представительной группой зубчато-выемчатых изделий и почти полным отсутствием предметов выполненных двухсторонней техникой обработки.

Для верхнепалеолитических технокомплексов региона характерна торцовая, подпризматическая, а также простая параллельная техника получения пластинчатых заготовок, с редуцированием ударной площадки подтеской и пришлифовкой. Орудийные наборы малочисленны, в них присутствуют концевые скребки, резцы и проколки с выделенным жалом, а также изделия с подтеской и редкие скребла, при сохраняющейся представительности зубчато-выемчатых форм.

Материалы обнаруженные в ходе работ последних лет на

палеолитических памятниках Приморского Дагестана позволяют значительно расширить наши знания о развитии древнейших культур Кавказа. Учитывая перспективы исследований, можно утверждать, что ход развития древних культур отражен в дагестанских материалах на значительном временном отрезке палеолитической эпохи. Все это позволяет охарактеризовать Дагестан как одну из самых перспективных на настоящий момент областей Кавказа в плане палеолитоведения.

Работа выполнена в рамках реализации плана НИР. Программа (IX.81.1. Древнейшие миграционные процессы в Евразии: ландшафтно-экологические, технологические и культурные аспекты), при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00234- а и РФФИ № 10-06-00085-а.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г.) - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. - Т. XV. - С. 22-27.
2. Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М. А. Палеолитический многослойный комплекс стоянки Рубас-1. (Республика Дагестан): предварительные результаты // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 1. Иркутск. 2007. - С. 14-25.
3. Голубятников В.Д. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана. М.-Л., 1940
4. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. - С. 65-69.
5. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Первые находки ашельских рубил в Дагестане // Пробле-

мы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. 2005а. - С. 49-53.

6. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Чепалыга А.Л. Палеолитическое местонахождение Бакинского времени Дарвагчай-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005b. - С. 68-74.

7. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Цыбанков А.А. Палеолитические комплексы местонахождения Чумус-Иниц (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005с. - С. 54-58.

8. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г.) - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009а. - Т. XV. - С. 90-95.

9. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит юго-восточного Дагестана - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009b. - 124 с.

10. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Археологические материалы верхнего-среднего палеолита стоянки Рубас-1 (по результатам раскопок 2007 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007а. - С. 60-65.

11. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Новые данные о позднепалеолитических комплексах местонахождения Рубас-1 (по материалам разведочных шурфов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007b. - С. 66-71.

12. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Исследования палеолитической стоянки Тинит -1 (Южный Дагестан) в 2008 г. // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. - С. 36-41.

13. Деревянко А.П., Зенин В.Н. Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4(32). - С. 29-51.

14. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Кулик Н.А. Древнейший культуросодержащий горизонт стоянки Дарвагчай-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г.) - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009с. - Т. XV. - С. 101-105.

15. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 - новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г.) - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009d. - Т. XV. - С. 106-110.

16. Замятнин С.Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936-1948гг. // материалы по четвертичному периоду СССР. - Вып. 2. - М.-Л., 1950. - С. 135-136.

17. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала. 1964.

18. Лещинский С.В., Коновалова В.А., Бурканова Е.М., Бабенко С.Н. Обоснование относительного возраста раннепалеолитических местонахождений Дарвагчай-1 и Рубас-1 (Южный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы международного симпозиума. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. - С. 140-149.

19. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.

20. Чабай В.П. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст. - Киев: Изд-во «Шлях», 2004. - 324 с.

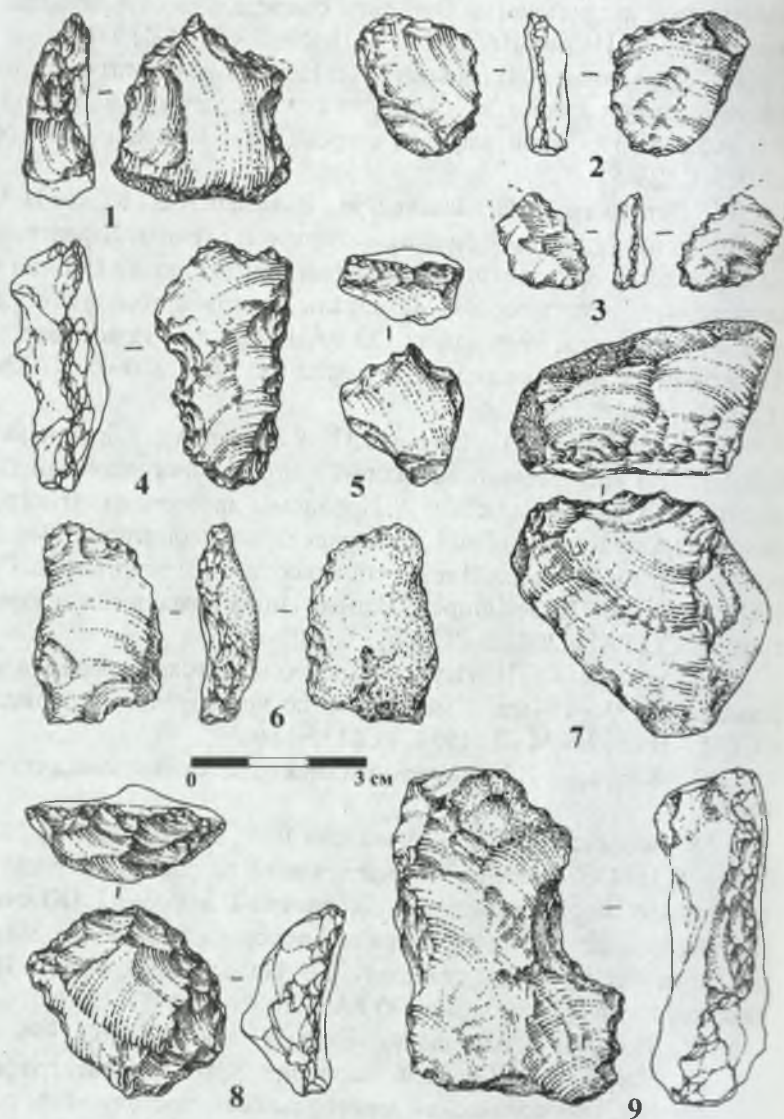

Рис. 1. Рубас-1 (нижний комплекс). Каминные артефакты.
 1, 5 - шиповидные; 2, 3, 6 - сколы; 4 - зубчато-выемчатое;
 7 - макроскребок (?); 8 - скребок; 9 - выемчатое.

Рис. 2. Дарвагчай-1. Каминные артефакты.
 1-3, 6, 15, 16 - слой 8; 4, 5, 7-14 - слой 6.
 1, 2, 5 - клювовидные; 3, 6, 8, 12 - шиповидные; 4, 7, 11 - скребки;
 9 - острин; 10 - скол с ретушью; 13, 14 - скребла; 15 - нуклеус;
 16 - рубило.

Рис. 3. Рубас-1 (средний комплекс) и Чумус-Ииниц (дефлированный комплекс). Каменные артефакты.

1-3,5-7,9,10 - Рубас-1; 4,8 - Чумус-Ииниц.
 1 - скребло; 2,7 - скребки; 3 - проколка; 4 - выемчатое;
 5 - скребло-нож; 6 - зубчато-выемчатое; 8,9 - нуклеусы;
 10 - мустьерский остриж.

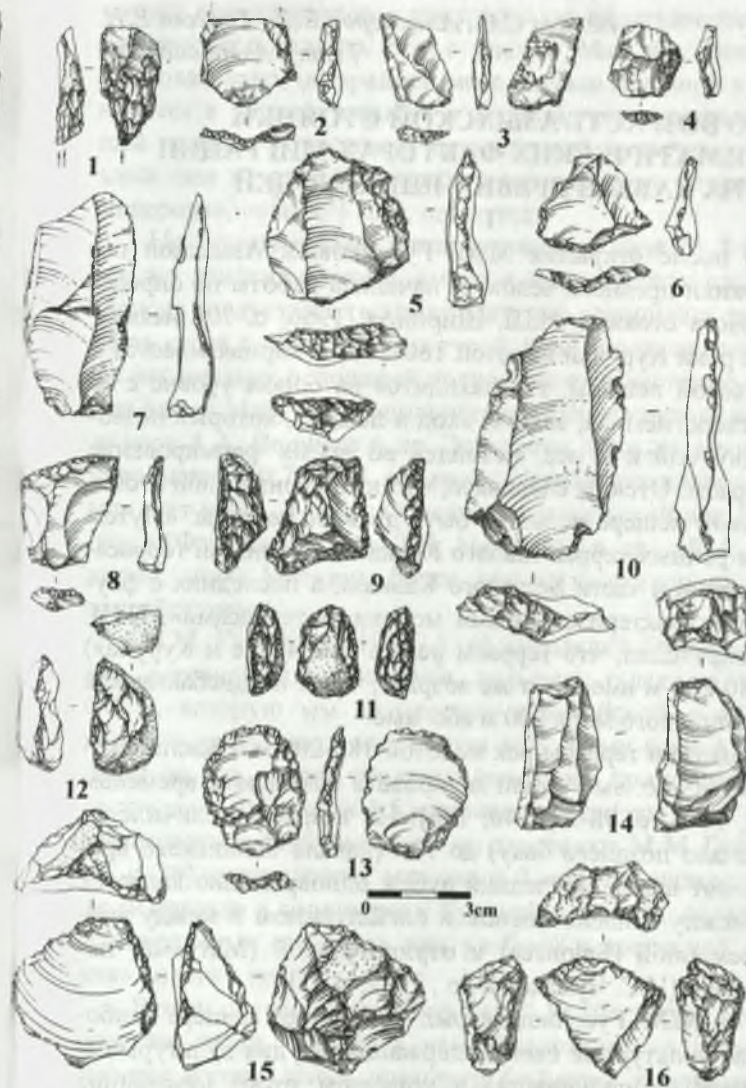

Рис. 4. Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1. Каменные артефакты.

1-5,7,8,10,14 - Тинит-1; 6,9,11-13,15,16 - Рубас-1.
 1 - резец; 2,4-6,10 - сколы леваллуа; 3,7 - ножи; 8,13 - скребла;
 9,11 - скребки; 12 - скребло-нож; 14-16 - нуклеусы.

Велиев С.С., Алескеров Б.Д., Тагиева Е.Н.
(Баку, Азербайджан)

О ВОЗРАСТЕ АЗЫХСКОЙ СТОЯНКИ И КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ МИГРАЦИИ НА КАВКАЗ ДРЕВНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ

I

Вскоре после открытия М.М. Гусейновым Азыхской пещерной стоянки древнего человека начались работы по определению возраста стоянки. Н.Ш. Ширинов [1966, с. 70] выявил, что терраса реки Куручай высотой 180-200 м¹ «привязывается к устью Азыхской пещеры, т.е. находится на одном уровне с ее входным отверстием», а, значит, вход в пещеру, который позволил человеку войти в нее, появился во время формирования данной террасы. Отсюда следовало, что культурные слои стоянки в Азыхской пещере не могут быть древнее террасы. «Путем корреляции речных террас Малого Кавказа с речными террасами юго-восточной части Большого Кавказа, а последних с фаунистически охарактеризованными морскими террасами», Н.Ш. Ширинов определил, что террасы рек (в том числе и Куручай) высотой 180-200 м имеет тот же возраст, что и позднебакинская терраса Каспийского моря 200 м абс. выс.

Впоследствии террасы рек высотой 180-200 м и Каспийского моря 200 м абс. выс. стали датировать бакинским временем [Ширинов, 1973, с. 98-99, 140, 186]. Их возраст увеличился с 510±40 (начало позднего баку) до 730 (начало бакинского времени) тыс. лет назад. Последний рубеж одновременно является границей между эоплейстоценом и плейстоценом и между эпохами современной (Брюнса) и отрицательной (Матуяма) намагнитченности [И.С. Чумаков и др., 1992, с. 53].

В 1974г. М.М. Гусейнов вскрыл в Азыхской пещере наиболее древние культурные слои, содержащие орудия культуры галек (Олдувай) и получившие в конечном итоге нумерацию (сверху вниз) с 7 до 10. А.А. Величко и др. [1980, с. 21-22, 35] определили, что слой № 15 (по окончательной нумерации - № 8)

¹Здесь и ниже высоты речных террас даются относительно уреза вод этих рек.

«имеет определенную отрицательную намагнитченность, позволяющую сопоставить его с эпохой Матуяма (эоплейстоцен). Следовательно, по крайней мере, начало галечной культуры относится к эоплейстоцену» и заявили, что «впервые первобытный человек – носитель примитивной культуры – поселился здесь еще в эоплейстоцене, по-видимому, во второй половине апшерона», «около 1 млн. лет назад».

Но отрицательная намагнитченность слоя № 8 показывает, что эту намагнитченность имеют и нижележащие слои № 9 и 10. Отсюда следует, что в эпоху Матуяма накопилась значительная часть слоев с галечной культурой, а не только ее начало. К тому же нет никаких оснований полностью отождествлять друг с другом эпохи Матуяма и эоплейстоцен (апшеронский век), как это делают А.А. Величко и др. Эти эпохи лишь заканчиваются одновременно - 0,73 млн. лет назад. Первая эпоха начинается 2,48 млн. лет назад, а вторая сменяет акчагыльский век 1,8 млн. лет назад [Фаустов С.С., с. 226; Невеская и др., 1984, с. 48]. Как видим, эпоха Матуямы более, чем на полмиллиона лет старше эоплейстоцена.

М.М. Гусейнов [1985, с. 6] определил орудия слоев 7-10, как «древнейшая локальная культура галек на территории СССР, которую мы называемся куручайской – олдувайского возраста, около двух миллионов лет». Сами слои Азыхской пещеры он «на основе стратиграфического принципа» датировал «в пределах 700 тысяч-1,5 миллионов лет» [там же, с. 63]. Чтобы согласовать две приведенные им датировки, М.М. Гусейнов [там же, с. 26] предположил, что около 2 млн. лет назад древнейшие люди пришли в долину реки Куручай, а 1,5 млн. лет назад, когда «пещера Азых стала для них удобной и доступной для обитания» вошли в нее.

В этом случае, древнейший слой № 10 следует датировать 2 млн. лет назад. Однако в нем обнаружены «олдувайские» по технике изготовления чоппинги (рубящие каменные орудия), относящиеся к 2 млн. л.н. [Гусейнов, 1985, с. 25-26; Мənsurov. 2003, s. 18-24.]. А около 1,5 млн. лет назад они модифицируются в проторубил (грубые рубил) [Борисковский, 1980, с.62; Семенов Ю.И., 1989, с. 162]. Последние также выявлены в Азыхской

пещере, но в слое № 7. Таким образом, этот слой следует датировать около 1,5 млн. лет. Слой № 10 оказывается намного более древним.

Вообще, исследования А.А. Величко и др., выявившие, что древнейшие слои Азыхской пещеры, а значит и терраса реки Куручай высотой 180-200 м, древнее бакинской террасы Каспийского моря 200 м абс. выс., показали необходимость пересмотра принципов корреляции между собой речных и морских террас, по крайней мере, наиболее высоких. Но ничего подобного сделано не было². Необходимость пересмотра этих принципов следует и из других фактов.

Так самая высокая терраса рек Малого Кавказа (в том числе и Куручая) высотой 250-260 м является одним из участков поверхности выравнивания 850-900 м абс. выс. Для образования же таких поверхностей необходима гораздо более длительная эпоха планации (выравнивания), чем для формирования террасы. Такой длительной эпохи не было ни в апшеронском веке, к которому относят эту поверхность [Рельеф Азербайджана, 1993, с. 129], но в предшествующих эпохах плиоцена. Тогда Каспий пережил несколько эпох трансгрессий и регрессий, во время которых его уровень колебался в пределах 500-600 м. Последний раз уровень Каспия длительного времени был стабильным только до плиоцена, в миоцене. Тогда, как полагал еще Е.Е. Милановский [1952], и сформировалась поверхность выравнивания около 1000 абс. выс., а значит, и терраса высотой 250-260 м. Терраса же высотой 180-200 м, в этом случае, должна была образоваться после регрессии эпохи продуктивной толщи, во время трансгрессии акчагыльского века.

Акчагыльский возраст устанавливается и для этой террасы в долине соседней реки Базарчай. Здесь «наблюдается 180-200-метровая галечниковая терраса в ущелье глубиной 500 м, врезанная в отложения горисинской свиты. Подошва отложений террасы находится на высоте 20 м от уреза р. Базарчай. Следовательно, после образования горисинской (герюсинская) свиты

²И в последующие годы речные террасы высотой 180-200 м в юго-восточном Кавказе сопоставляют с бакинской террасой Каспия [Рельеф Азербайджана, 1993, табл. 4].

был врез на глубину 500 м, затем отлагались галечники, мощностью в 180 м, а потом еще раз произошел врез на 200 м» [Ширинов, Танрывердиев, 1968, с. 114]. Врез на 500 м в истории Каспия мог произойти лишь во время регрессии в эпоху продуктивной толщи. Отсюда следует, что горисинская свита накопилась до этой регрессии, а терраса высотой 180-200 м – после нее, соответственно, в миоцене³ и акчагыле.

Таким образом, «стратиграфический принцип» и геолого-геоморфологические данные, показывают, что слой № 10 Азыхской пещеры и терраса реки Куручай высотой 180-200 м формировались в эпохи Матуяма и акчагыла, т.е. в отрезке времени между 2,48 лет назад (начало эпохи Матуяма) и 1,8 млн. лет назад (конец акчагыльского века).

Орудия, обнаруженные в этом слое, относятся к олдувайской культуре, а, значит, человек, заселивший тогда Азыхскую пещеру, относится к *Homo habilis* (Человек умелый) появившийся в Восточной Африке около 2,2-2,0 млн. лет назад [Семенов, 1989, с. 91-92]. Для достижения Кавказа ему нужно было не более 100 тыс. лет. За этот отрезок времени любой вид млекопитающих полностью осваивает свой ареал с благоприятными для него условиями жизни. Таким образом, определяется, что *Homo habilis* прибыл на Кавказ и поселился в Азыхской пещере, 2,1-1,9 млн. лет назад, т.е. около 2,0 млн. лет назад, как и полагал четверть века назад М.М. Гусейнов.

Прибытие на Кавказ *Homo habilis* и освоение им Азыхской стоянки было главным, но не единственным подобным событием в истории Кавказа. Было несколько волн освоения Кавказа древними людьми, и почти все они отражены в Азыхской стоянке. Здесь мы остановимся на 6-ти первых этапах, до появления неандертальцев, когда началось широкое освоение первыми людьми Кавказа.

II

1. Этап рамапитека. Его можно назвать предварительным этапом, когда условия, благоприятные для жизни будущих людей, начали только формироваться. Как известно, общими пред-

³О миоценовом возрасте этой свиты писал еще К.П. Наффенгольц [1959, с. 161].

ками человека и человекообразных обезьян были дриопитеки (древесные обезьяны). Во время их существования начался очередной процесс изменения климата – его аридизации. Этот процесс также называют опустыниванием, который, в целом, продолжается до сих пор, во многом уже с помощью самого человека. Последний процесс аридизации или опустынивания начался в позднем миоцене. Тогда в ряде областей густые субтропические леса, в которых жили дриопитеки, стали редеть и постепенно преобразовываться в степи с одиноко стоявшими древесными и кустарниковыми породами, то есть в саванны. Дриопитеки этих областей оказались перед выбором – уйти в сохранившиеся леса и сохранить свой обычный образ жизни, или остаться в саваннах, спуститься на землю и, встав на ноги, начать новую жизнь. Потомками тех, кто избрал первый путь, являются современные человекообразные обезьяны. Те же, кто рискнул остаться в саваннах, положили начало происхождению человека.

Первыми на второй путь встали рамапитеки, которые возникли в Восточной Африке или Южной Азии 14-18 млн. лет [Решетов, 1966, с. 122-152]. На северо-западе они дошли до Малой Азии, где в местности Гандара вблизи Анкары были обнаружены останки рамапитека [Ранов, 1978, с. 192]. При этом они «зашли» и на Кавказ. Произошло это, скорее всего в сарматском веке, 13,6 – 9,2 млн. лет назад [Чумаков, 1992, с. 49-50]., когда здесь начался процесс преобразования густых лесов в саванны. Но здесь древнейшие останки (челюсть с двумя зубами) разновидности рамапитека – удабнопитека, обнаружены в слоях мэотиса [Цискаришвили, 1987, с.22], датированных 8 млн. лет назад [Чумаков и др., 1991, с. 50] в местности Удабно в Азербайджане у границы с Грузией [Бурчак-Абрамович, Габашвили, 1945, с. 451-456].

Анализ мэотической флоры показал, что на Кавказе климат, в целом, был такой же, как ныне во влажных субтропических лесах Южного Китая и Японии до высот 400м. Здесь температуры самого холодного месяца (января) - 10-12°C, самого теплого месяца (июля) – 21-26°C и выпадает 1200-1800 мм осадков в год. [Тагиева, 2005, с. 94]. Такие условия были тогда и в субтро-

пических лесах Кавказа. К сожалению, климат саванн в позднем миоцене реконструируется лишь по позднекараганской флоре Меджуды (в Южной Осетии), датированной 15,3-14,7 млн. л.н. По ней реконструируются более высокие температуры – зимой – до 15°C, летом - до 26°C, года - 19°C и гораздо более низкое количество

осадков – около 700 мм в год [Аваков, 1979].

2. Этап австралопитека. Это этап последней обезьяны среди предков человека. Однако их останки пока за пределами Африки не обнаружены. Отсутствуют они и на Кавказе.

3. Этап Homo habilis (Человек умелый). Как мы выше уже выяснили, он на Кавказ пришел в акчагыльском веке около 2 млн. лет назад. В Азыхской стоянке его орудия выявлены в слое № 10, которому соответствует палинозона «а». По ней было установлено, что тогда температуры января составляли +4-8°C, июля +20-28°C и выпадало 1000-2000 мм осадков в год [Величко и др., 1980, с. 27, 34]. Но они отражают климат зоны широколиственных лесов, которые находились, в предгорной или низнегорной полосе. Азыхская пещера располагалась в низменности вблизи берегов Каспия в саваннах, так как в спорово-пыльцевых спектрах господствует пыльца травянистых растений и в наличие пыльца сосны, энгельгардии, грабинника и фисташки. Они указывают на то, что температуры в саванах были несколько выше, а осадков намного меньше указанных.

4. Этап Homo ergaster (Человека мастеровой). Он возник в Восточной Африке около 1,6 млн. лет назад [Семенов, 1989, с. 162] и принес с собой проторубила (грубые рубила). Эти орудия обнаружены в слое № 7 Азыхской пещеры. Проторубила (грубые рубила) с останками (нижними челюстями и черепными костями) Homo ergaster обнаружены и в слое № 5 Дманиси.

Местонахождение представляет собой пласт озерных отложений, состоящего из шести слоев (нумерация сверху вниз), подстилаемых вулканическими породами. Пласт вулканических пород датируется 1, 88± 0, 55 млн. лет назад и вместе со слоем № 6 имеет положительную намагниченность, а слой № 5 – отрицательную. На этом основании был сделан вывод, что граница слоев № 6 и 5 соответствует границе положительного эпизода

Олдувай внутри эпохи Матуямы и самой отрицательной эпохи Матуямы, датируемого 1,7 и 2,0 млн. лет назад [Габунья и др., 1996, с. 36-47; 2001, с. 128-138].

В действительности, в данном отрезке времени фиксируется два эпизода положительной намагниченности: Олдувай (2,13-1,95 млн. лет назад) и Гилза (1,79-1,61 млн. лет назад) [Белоконь и др., 1973, с. 145]. Они разделяются лишь 0,14 млн. лет. Поэтому эпизод Гилза часто включается в эпизод Олдувай, и тот продлевается до 1,67 млн. лет назад [Зубаков, 1990, с. 152; Фаустов, 1999, с. 231]. То же наблюдается и в Дманиси, иначе эпизод Гилза должен был бы проявиться самостоятельно, но этого нет. Отсюда следует, что граница между слоями № 6 и 5 соответствует верхней границе эпизода Гилза или «расширенного» Олдувая, а «дманисский человек» жил позже 1,6 млн. лет назад.

Слой № 7 Азыхской пещеры соответствует палинозоне «с». По ней фиксируются низкие температуры января (-2 - -4°C) и июля (18-23°C) и количество осадков – 1000-1400 мм в год [Величко и др., 1980, с. 27, 34]. Вместе с тем, они более высокие, чем температуры, установленные для предыдущей палинозоне «b». Эти реконструкции указывают на то, что данный этап соответствует эпохе потепления внутри гюнца, между холодными стадиями эбурон и менап, которое датируется 1,4 млн. лет назад. [Борзенкова, 1992, с. 110]. Возможно, тогда нижняя граница зоны широколиственных лесов опустилась ниже Азыхской пещеры. Саванны протягивались ниже пещеры.

Таким образом, устанавливается, что *Homo ergaster* и в Дманиси, как и в Азых, пришли после 1,6 млн. лет назад - 1,4 млн. лет назад. Одновозрастность слоев № 7 Азыха и № 5 и 4 Дманиси подтверждается и сходным составом орудий в данных слоях [Мансуров, 2003, с. 18-24].

5. Этап *Homo erectus* (Человека прямоходящего) или питекантропа. Их останки вместе с орудиями раннего ашеля (прежде всего, с настоящими ручными рубилами) появляются в Восточной Африке между 1,2 и 1,1 млн. лет назад. [Семенов, 1989, с. 157-162]. На Кавказе останки питекантропов (эректусов) не обнаружены, но их ручные рубила выявлены в слое № 6 Азыхской пещеры [Гусейнов, 1985, с. 33-37].

Исходя из скорости расселения древних людей (см. выше) *Homo erectus* должен был прийти до Кавказа около 1 млн. лет назад. Но пещера между 1,4 (возраст слоя № 7) и 0,7 (возраст слоя № 6) млн. лет назад пустовала [Велиев, Мансуров, 1999, с. 224]. Слой № 6 расположен выше границы магнитных эпох Матуямы и Брюнеса, датируемый 730 тыс. лет назад, и соответствует палинозоне «d». По ней реконструируются те же температуры, что и по палинозоне «b»: для января - -2 - -4°C, а для июля - 16-18°C, и количество осадков – 1200-1600 мм в год [Величко и др., 1980, с. 27, 34]. Вероятно, как и в предыдущем этапе, нижняя граница широколиственных лесов опускалась ниже Азыхской пещеры, и саванны протягивались ниже пещеры.

Граница между эпохами Матуяма и Брюнеса и указанные температуры свидетельствуют о том, что слой № 6 накапливался около 700 тыс. лет назад, во время миндельского оледенения. [Судакова, 1999, с. 304]. Отсюда следует, что *Homo erectus* с настоящими ручными рубилами пришли на Кавказ не позднее 700 тыс. лет назад. Вероятно, прибыв в район Азыхской пещеры, около 1 млн. лет назад, они вначале жили «свежем воздухе» и только после начавшегося около 700 тыс. лет похолодания поселились в Азыхской пещере.

6. Этап пренеандертальцев (азыхантропа). Их останки обнаружены, главным образом, в Европе и соседних областях и датируются 460-300 тыс. лет назад [Семенов, 1989, с. 166, 182, 218]. Ему соответствует слой № 5 стоянки Азыхской пещеры. В нижней части этого слоя была обнаружена нижняя челюсть пренеандертальца, а именно молодой женщине 18-22 лет. Ее назвали «азыхантроп» [Гусейнов, 1985, с. 40-44] и «Палеоантроп азыхский» [Касумова, 1986, с. 3-5].

Слой, в котором были обнаружены эти останки, соответствует палинозоне «с». Она характеризуется палиноспектром, который во многом схож с палиноспектром «а» (этап №3) и свидетельствует о «возвращении» Азыхской пещеры в зону саванн. Вместе с тем, реконструируются несколько более низкие, чем в спектре «а» температуры (января – 4-6°C, июля – 20-25°C) и количество осадков (1200-1800 мм в год). При этом отмечается меньшая влажность и большая контрастность климата по срав-

нению со спектром «а» [Величко и др., 1980, с. 27, 34]. Вероятнее всего, количество осадков намного меньше, чем установлено. Она, как и в спектре «а», отражает количество осадков в зоне лесов, находившиеся выше Азыжской пещеры.

В целом, палиноспектр «е» соответствует миндель-рисскому (лихвинскому) межледниковью, которое датируется 450-300 тыс. лет назад [Судакова, 1999, с. 304]. Останки азыхантропа были обнаружены в нижней части слоя, и поэтому датируются около 400 тыс. лет назад.

III

Около 190 тыс. лет назад началась поздняя эпоха хазарского времени и очередная регрессия (опускание уровня) Каспийского моря. Тогда осушилась западная часть Апшеронского полуострова. Берега совпадали с современной горизонталью 50 м абс. выс. Полуостров вдавался в Каспий на 20 км (ныне на 60 км) и состоял из нескольких кос. Одна из них располагалась вблизи Бинагадов, протягивалась с запада на восток и была узка, как современная Шахова коса [Велиев и др., 2004]. На ней тогда стало накапливаться Бинагадинское местонахождение ископаемой флоры и фауны. Его образовали выходы нефти, которые тогда здесь на поверхности создавали линзы вязкого асфальта. В них вязло большое число животных и птиц, пришедших или прилетавших сюда на водопой, а водоплавающие птицы и на отдых во время перелетов.

В.В. Богачев [1940], который первым реконструировал палеогеографические условия возникновения этого кладбища, предположил, что выходы нефти здесь находились на дне довольно обширного пресноводного озера. И поэтому линзы липкого асфальта плавали на его поверхности. Н.К. Верещагин [1959] обратил внимание на то, что на местонахождении отсутствуют останки пресноводных моллюсков и рыб и другие признаки пресноводных озер. Изучив современные случаи гибели животных в вязком асфальте, он выявил, что выходы нефти образовывали линзы асфальта на поверхности земли. При своем нагреве и разжижении эти линзы превращались в липкие пластины, которые покрывались во время дождей крупными лужами пресной воды.

Эти лужи держались достаточно долго, и они, а не озера привлекали животных. Мелкие животные и птицы увязали в линзах липких пластинок асфальта, плававших на поверхности луж, а крупные животные - в толстых скоплениях асфальта, которые накапливались здесь на протяжении многих лет. Животные, попавшие в ловушки, в свою очередь привлекали хищников, которые во время «обеда» также вязли в липком асфальте.

Таким образом, здесь было захоронено огромное число животных. Поэтому местонахождение также называют Бинагадинским кладбищем. Только на небольшом участке этого кладбища в 40-50 гг. XX в. было выявлено десятки тысяч останков, принадлежавших 39 видам млекопитающих, 100 видам птиц, нескольким видам пресмыкающихся, более 100 видам жуков и т. д., а также остатки растений [Н. И. Бурчак-Абрамович, Р. Д. Джафаров, 1955, с. 135-142; Н.К. Верещагин, 1959, с. 131-157].

Остатки растительности свидетельствуют о том, что тогда на Апшеронском полуострове и поблизости была разнообразная растительность. На холмисто-возвышенных известковых склонах произрастали можжевельник многоплодный, дикая фисташка, груша иволистная и гранатник, которые образовывали открытые несомкнутые «светлые» ксерофильные леса или редколесья. Этот тип растительности еще называют северным вариантом саванн.

Вдоль русел рек простирались тугайные леса, образованные вязом, тамариксом, диким виноградом и характерной прибрежно-водной растительностью. Травянистый покров открытых участков был сходен с современным типом растительности каменистых и известковых склонов с участием трагакантовых астрагалов, верблюжьей колючки, зозимии, солянки, дикого лука и других.

В них обитало множество самых различных видов животных, большая часть которых обитает в Азербайджане до сих пор. Это сжи, лисицы, перевязка, барсуки, степные кошки, мыши, тушканчики, полски, черепахи, утки, гуси, цапли, сокола, грифы, беркуты и другие. Кроме них, тогда на Апшероне обитали и не дожившие до нас бинагадинский носорог, бинагадинская лошадь, бинагадинский олень, бинагадинская лебедь, бинага-

динский пеликан, бык Мастанзаде, мелкий волжский волк, пещерная гиена, пещерный лев, гигантский олень и другие.

Состав животного и растительного мира Бинагадинского кладбища указывает на то, что во время его функционирования климат на Апшероне был более прохладным и влажным. Это была эпоха рисского или днепровского оледенения, его поздней (московской) стадии [Велиев и др., 2004]. Эти климатические условия, а также существовавшие здесь аридные редколесья или саванны с очень разнообразной фауной млекопитающих были очень благоприятны для обитания древними людьми.

Как заметил еще С. Н. Замятин [1958, с. 5]: «Наличие богатой фауны млекопитающих, таких, как лошадь, разные виды быков и оленей, носорог, слон, являлось непеременимым условием для существования первобытного человека. Где обитали эти животные, там мог существовать и нередко можно убедиться, что существовал, охотившийся за ними человек». Но Н.К. Верещагин [1959, с. 136] писал, что «неизвестно ни одного случая насечек, зарубок и переломов костей, сделанных рукой первобытного человека» и среди более 13 тыс. выявленных в Бинагадинском кладбище костей млекопитающих, нет ни одной кости человека. Они не были обнаружены и позднее. И найти вряд ли удастся.

Завязшие в асфальте Бинагадинского кладбища животные, конечно, должны были привлечь сюда древнего человека, который мог быть пренеандертальцем, близким к азыхантропу. Но его интеллект был уже достаточно высок для того, чтобы, забрав добычу, вовремя покинуть вязкий асфальт и не завязнуть в нем. К тому же, как мы выяснили, здесь было не озеро, а лишь лужа, в которой он никак не мог бы затонуть. И человек охотился не один и в отличие от животных всегда мог рассчитывать на взаимовыручку.

При такой «охоте» не было нужды и в употреблении каких-либо орудий. Для того, чтобы добить завязшее животное, достаточно было простого камня или крепкой ветки. Поэтому в Бинагадинском кире не могли бы захорониться и орудия из камня или тех же костей. Мало шансов и на обнаружение в Бинагадинском кладбище остатков съеденных им животных. Это могло бы

произойти только в том случае, если бы он, добыв это животное, здесь же его употребил, а кости бросил бы в вязкий асфальт. Но наверняка «дары» Бинагадинского кладбища поедались всем обществом на стоянке, которая могла располагаться вблизи Бинагадинского кладбища, но не впритык к нему. Здесь же, на определенном расстоянии от кладбища, он изготавливал и орудия из камней и костей этих животных.

Таким образом, обнаружить в самом Бинагадинском кладбище следы обитания поблизости древнего человека практически невероятно. Должно было произойти что-то чрезвычайное, чтобы древний человек завяз бы в асфальте, а его останки и его орудия и кости съеденных им животных (кухонные остатки) сохранились бы в Бинагадинском кире. Вместе с тем С.Н. Замятин был прав, полагавший, что древнего человека должна бы та привлечь естественная ловушка различных животных, которая позволяла ему довольно легко добывать себе пищу. В связи с этим интересно наблюдение В.В. Богачева [1940, с. 80-81], который считал обнаруженные вблизи Бинагадинского кладбища в двух местах небольшие скопления древесного угля в растительном слое остатками костров первобытного человека, то есть свидетельством обитания человека вблизи Бинагадинского кладбища. К сожалению данное наблюдение не получило своего развития.

IV

Перечисленные этапы показывают, что Кавказ первыми предками современных людей заселялся почти одновременно с Африкой. На этом основании в последние годы стали выдвигаться идеи, согласно которым Кавказ является одним из центров происхождения человека. Но упомянутый «почти» охватывает отрезок времени в 100 и более тысяч лет. Он незначителен только тогда, когда речь идет о миллионах лет. Приведенные данные показывают, что каждый из перечисленных предков человека (кроме последнего) вначале появлялся в Африке. А 100 тысяч лет достаточно для того, чтобы любой вид млекопитающих освоил бы весь регион с благоприятными для него условиями. В этот регион для предков человека входил и Кавказ со своими саваннами, которые полосой саванн Передней Азии со-

единая с саваннами Африки. По ней каждый из предков приходили на Кавказ и вытесняли отсюда своих предшественников. Сюда они приходили с современной территории Ирана, а затем проходили по предгорьям Малой Азии, где основывали в Азыжской пещере, у озера в Дманиси и других местностях основывали свои стоянки.

У Азыжской и Дманисской стоянок первые люди, конечно, не остановились. Как отмечают А.П. Деревянко и В.Н. Зенин [2008] обнаружение на стоянке Дарвагчай -1 в Дагестане доашельских индустрий «является убедительным свидетельством существования вдоль западного побережья Каспийского моря одного из древнейших миграционных маршрутов гоминид из Африки в Евразию». В процессе прохождения по этому пути в палеолите и были освоены все благоприятные для них природные ниши - равнины и предгорья Восточного Кавказа, в том числе и Азербайджана, с саванновой растительностью.

Первые серьезные для древнего человека изменения природных условий происходит вызывает похолодание, произошедшего в бакинском веке (730-460 тыс. л.н.) и вызванного миндельским оледенением. Саванны - редколесья остаются, но появляются и открытые ксерофильные полупустынно-степные формации. Температуры опустились ниже современных значений температуры (января - ниже 0°C, июля - 16-20° С, года - 6-7°C), уменьшилась и влажность (выпадало уже 700-900мм в год). С этим похолоданием, вероятнее всего, связано, если не овладение огнем, то, хотя бы, начало его широкого использования. Об этом свидетельствуют древнейшие для Азербайджана и всего Кавказа очаги, обнаруженные в слоях Азыжской пещеры, датированные 500-100 тыс. лет назад.

Миндельский ледниковый период сменился миндель-рисским межледниковьем (460-300 тыс. лет назад). Установился теплый климат. Температуры поднялись на 1,5°C выше современных, но уменьшение количества осадков продолжилось. Их выпало уже на 600мм в год больше, чем сейчас. Возможно, благодаря более теплomu климату именно в это время относительно широко по Европе стали расселяться ранние палеоантропы (пренеандертальцы). Останки их представителя - азыжантропа -

были обнаружены и в Азыжской пещере, в ее среднеашельском слое № 5, датированном 400 тыс. лет назад.

Новое похолодание, вызванное рисским оледенением (300-125 тыс. лет назад), как свидетельствует состав Бинагадинского местонахождения флоры и фауны, способствовало дальнейшему ухудшению условий жизни древнего человека. Температуры вновь понизились ниже современных значений (в среднем на 2°), продолжилось уменьшение и количества осадков (их выпадало уже немного больше, чем сейчас).

Недавно следы древнего человека культуры позднего ашеля, датированной 150—80 тыс. лет назад, были обнаружены в Сиазанском (у реки Гильгильчай), Дивичинском (у реки Тахтакерпи) и в Габалинском (у реки Сарысу и селения Савалан) районах и в Дагестане [Деревянко и др., 2005]. Нет сомнения, что тщательные исследования приведут к обнаружению стоянок и тех, кто охотился на Бинагадинских животных. Эти факты показывают, что во время рисского оледенения никакого суживания ареала древнего человека. Он уже хорошо владел огнем. К тому же саванны продолжали занимать огромные пространства, хотя уже были ближе не к классическим саваннам, а к нашим современным аридным редколесьям.

В последнюю ледниковую эпоху в Азербайджане установились холодные и очень сухие условия, в результате чего практически все равнинные и предгорные области оказались покрыты пустынной растительностью. Соответственно растительной биомассы было недостаточно для существования здесь крупных животных, на которых охотился древний человек. И поэтому эти равнины и предгорья его не привлекали. Об этом свидетельствует небольшое число позднеледниковых стоянок. Они обнаружены только в горных районах Малого Кавказа (пещера Таглар, местонахождения Зар и другие).

ЛИТЕРАТУРА

1. Mənsurov M.M. Qafqazda ilk paleolit abidələri. // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. 2003, № 2, s. 18-24.
2. Аваков Г.С. Миоценовая флора Междуды. Тбилиси: Мецниереба. 1979, 100с.
3. Белоконь В.И., Кочегура В.В., Шолпо Л.Е. Методы палеомагнитных исследований горных пород. Ленинград: Недра. 1973, 247 с.
4. Богачев В.В., 1940. Картины первобытной природы Апшерона (Бинагады). Баку, «Изд. АзФАН СССР», 114с.
5. Борзенкова И.И. Изменение климата в кайнозой. Санкт-Петербург: «Гидрометеиздат». 1992, 247 с.
6. Борисковский И.И. Древнейшее прошлое человечества. Москва: Наука. 1980, 240 с.
7. Бурчак-Абрамович Н.И., Габашвили Е.Г. Высшая человекообразная обезьяна из верхнетретичных отложений Восточной Грузии. //Сообщения АН Грузии. 1945, т. 6, № 6, с. 451-456.
8. Бурчак-Абрамович Н. И., Джафаров Р.Д., 1955. Бинагадинское местонахождение верхнечетвертичной фауны и флоры на Апшеронском полуострове. «Тр. Естеств.- историч. Музея им. Г. Зардаби», X, с. 135-142.
9. Велиев С.С., Мансуров М.М. К вопросу о возрасте древнейших культурных слоев Азыжской пещерной стоянки. «Докл. АН Азерб.». 1999, №3-4, с. 222-226.
10. Велиев С.С., Тагиева Е.Н., Алекперова Х.А., Атакишиев Р.М., 2004. Палеогеографические условия формирования четвертичных (послеабшеронских) осадков Каспийского моря. «Изв. НАНА. Сер. Наук о Земле», № 4, с. 195-202.
11. Величко А.А., Антонова Т.В., Зеликсон Э.М. и др. Палеогеография стоянки Азыж – древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР.// Изв. АН СССР, серия географическая. 1980, № 3, с. 20-35.
12. Верещагин Н. К., 1959. Млекопитающие Кавказа. Москва-Ленинград, «Изд. АН СССР», 704с.
13. Габуния Л.К., Векуа А.К., Лордкипанидзе Д.О. Природная обстановка первичного проникновения древнего человека в умеренные широты. // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996, № 6, с. 36-47.
14. Габуния Л. И., Векуа А.К., Лордкипанидзе Д.О. Новые находки костных остатков ископаемого человека в Дманиси (Восточная Грузия).//Археология, этнография и антропология Евразии. 2001, № 2(6), с. 128-138.
15. Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: Элм. 1985, 96 с.
16. Деревянко А.П., Зенин В.Н. Древнейшие индустрии юго-восточного Дагестана. Институт археологии и этнографии СО РАН 2008.
17. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. и др. Предварительные итоги разведочных работ совместной Азербайджанско-Российской палеолитической экспедиции осенью 2005 года. // Международная научная конференция «Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа». Баку. 2005, с. 90.
18. Замятин С. Н., 1958. Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953г. «Тр. Института истории АН Азерб. ССР», т. 13, Баку.
19. Зубаков В.П. Глобальные климатические события неогена. Ленинград: Гидрометеиздат. 1990, 223 с.
20. Касимова Р.М. Первая находка самого древнего пещерного человека на территории СССР (Азербайджанская ССР. Азыж). Баку: Элм. 1986. 86 с.
21. Милановский Е.Е. О соотношении крупных форм рельефа и новейшей тектонической структуры Малого Кавказа.// Уч. зап. МГУ (геология). 1952, т. 5, вып. 161.
22. Невеская Л.А., Гончарова И.А., Ильина Л.Б. и др. Региональная стратиграфическая шкала неогена Восточного Паратетиса // Советская геология. 1984, № 9, с. 37-49.
23. Паффенгольц К.Н. Геологический очерк Кавказа. Ереван: Изд. АН Арм. ССР. 1959. с. 161.
24. Ранов В.А. Палеолит Переднеазиатских нагорий. //Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Ленинград: Наука. 1978. с. 188-239.
25. Рельеф Азербайджана. Баку: Элм. 1993, 292 с.
26. Решетов Ю.Г. Природа Земли и происхождение человека. Москва: Мысль. 1966, 320 с.
27. Ссменов Ю.И. На заре человеческой истории. Москва: Мысль. 1989, 320 с.

28. Судакова Н.Г... Корреляция ледниковых событий плейстоцена на Русской равнине. // Методы диагностики и корреляции палеогеографических событий. Мос-ква. 1999, с. 302-313.

29. Султанов Р.Г., 1947. Геологические условия залегания костеносного слоя в Бинагадинском и Кирмакинском «кладбищах» Апшерона. «Изв. АН Азерб. ССР. Сер. науки о Земле», 1947, № 6, с. 60-67.

30. Тагиева Е.Н. Ландшафты и растительность Закавказья в позднем миоцене. // Изв. НАН Азербайджана. Серия наук о Земле. 2005, № 1, с. 92-100.

31. Фаустов С.С. Палеомагнитный и магнитный анализы. // Методы диагностики и корреляции палеогеографических событий. Москва. 1999, с. 225-242.

32. Цискаришвили Г.В. Позднетретичные носороги (Rhinocerotidae) Кавказа. Тбилиси: Мецниереба. 1987, с. 142.

33. Чумаков И.С., Бызова С.Л., Ганзей С.С. Геохронология и корреляция позднего кайнозоя Паратетиса. Москва: Наука. 1992, 97 с.

34. Ширинов Н.Ш. Геоморфологическая датировка возраста Азыхской пещерной стоянки палеолитического человека. // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. наук о Земле. 1965, № 5.

35. Ширинов Н.Ш. Геоморфологическое строение Кура-Араксинской депрессии (Морфоскульптура). Баку: Элм. 1973, 216 с.

36. Ширинов Н.Ш., Танрывердиев Х.К. Стратиграфическое и возрастное расчленение континентальных образования бассейнов рр. Акера и Базарчай. // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. геол.-геогр. наук. 1968, № 1, с. 114.

ГАДЖИЕВ Д.В., АЛИЕВ С.Д.

(Баку, Азербайджан)

ФАУНА АЗЫХСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРАТИГРАФИИ, ПАЛЕОЭКОЛОГИИ И ОБЪЕКТА ОХОТЫ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Азыхская палеолитическая стоянка является многослойной, где найдено семь культурных слоев, по археологической датировке относимых к куручайской культуре, раннему ашелю, среднему ашелю и мустье. Мустьерские отложения отделены от среднеашельских слоев стерильной прослойкой, в которой совершенно отсутствует археологический инвентарь и остеологический материал. Видовой состав позвоночных животных и количество их костных остатков в этих слоях неравнозначны.

Первые раскопки этого местонахождения показали, что наряду с примитивными орудиями труда, в Азыхе имеется большое количество ископаемых остатков позвоночных животных, характеризующих фауну нижнего палеолита и представленные в основном классами Aves и Mammalia, а, также незначительным числом представителей из классов Amphibia и Reptilia. Хорошая стратиграфическая датированность и обилие костного материала придаст азыхскому местонахождению важную роль не только в изучении фауны палеолита, но и в уточнении стратиграфического возраста других антропогенных фаунистических комплексов, найденных на территории Азербайджана.

Необходимо отметить, что наиболее полно видовой состав фауны, как и в других палеолитических стоянках, представлен млекопитающими. В частности, обнаруженные здесь ископаемые остатки позвоночных животных относятся к 7-ми отрядам млекопитающих: насекомоядных, рукокрылых, хищных, парнокопытных, непарнокопытных, зайцеобразных и грызунов.

В шестом слое, относящемся к раннему ашелю, найдено 11-ть видов позвоночных животных (*Vulpes vulpes* - лисица, *Spelocarta spelaea* - пещерная гиена, *Spelocartos spelaeus* - пещерный медведь, *Ursus aff. arctos* - бурый медведь, *Sus scrofa* - ка-

бан, *Cervus (Dama) cf. Mesopotamica* – лань, *Megaloceros giganteus* – гигантский олень, *Cervus elaphus* – благородный олень, *Equus caballus* – лошадь, *Equus hydruntinus* – осёл, *Dicerorhinus mercki* – носорог), в пятом, среднеашельском слое, зарегистрировано 65 видов (*Bufo viridis* – зелёная жаба, *Testudo cf. graeca* – греческая черепаха, *Epinaceus europaeus* – обыкновенный ёж, *Rhinolophus ferrumequinum* – большой подковонос, *Rhinolophus mehelyi* – подковонос Мегели, *Myotis oxugnathus* – остроухая ночница, *Miniopterus schreibersi* – обыкновенный длиннокрыл, *Canis cf. lupus* – волк, *Canis aureus* – шакал, *Vulpes vulpes* – лисица, *Meles meles* – барсук, *Martes cf. foina* – каменная кунница, *Stocuta spelaea* – пещерная гиена, *Felis chaus* – камышовый кот, *Felis lynx* – рысь, *Panthera pardus* – леопард, *Spelaeoartus spelaeus* – пещерный медведь, *Ursus aff. arctos* – бурый медведь, *Ursus sp.*, *Sus scrofa* – кабан, *Capreolus capreolus* – косуля, *Cervus (Dama) cf. mesopotamica* – лань, *Megaloceros giganteus* – гигантский олень, *Cervus elaphus* – благородный олень, *Gazella aff. Subgutturosa* – джейран, *Capra aegagrus* – безоаровый козел, *Bison sp.* – бизон, *Equus caballus* – лошадь, *Equus hydruntinus* – осёл, *Dicerorhinus mercki* – носорог, *Lepus europaeus* – заяц, *Prochotona sp.*, *Ochotona azerica sp. nov.* – пищуха, *Hystrix leucura* – дикообраз, *Microtus cf. arvalis* – обыкновенная полёвка).

И наконец, в третьем слое мустьерского периода представлено 10 видов (*Spelaeoartus spelaeus* – пещерный медведь, *Ursus aff. arctos* – бурый медведь, *Sus scrofa* – кабан, *Capreolus capreolus* – косуля, *Cervus (Dama) cf. mesopotamica* – лань, *Megaloceros giganteus* – гигантский олень, *Cervus elaphus* – благородный олень, *Capra aegagrus* – безоаровый козел, *Equus hydruntinus* – осёл, *Dicerorhinus mercki* – носорог).

Сопоставление фауны отдельных периодов палеолита Азыжской стоянки показывает, что наибольшее число видов зарегистрировано в среднем ашеле и нет ни одной формы, остатки которой были бы найдены в раннем ашеле или в мустье, но отсутствовали бы в среднем ашеле.

Следовательно, наиболее полно фауну раннего палеолита юго-восточной части Малого Кавказа представляет среднеашельский слой Азыжской пещеры. Поэтому при сопоставлении

азыжской палеолитической фауны с другими антропогенными комплексами позвоночных животных Азербайджана за основу принята фауна среднего ашеля.

Анализ азыжской палеолитической фауны по отдельным периодам нами даётся лишь при экологической характеристике, хотя и здесь существует определённая условность, так как различие видового состава и количественные их показатели в раннем ашеле, среднем ашеле и мустье возможно связаны не столько с исчезновением отдельных элементов фауны, а сколько с продолжительностью каждого периода, совершенствованием техники изготовления орудий труда, а следовательно совершенствованием и способов охоты.

Так, например, слои раннего ашеля в Азыже имеет мощность 1,5 м., средний ашель – 4 м. и мустье – 1,5 м. Более продолжительное время среднего ашеля и обуславливает большее число видов животных и их остатков. Что же касается зависимости числа видов животных в палеолитической стоянке от степени развития каменной индустрии, то об этом будет сказано несколько ниже.

Палеонтологическое обоснование стратиграфии азыжской палеолитической стоянки

Археологическая датировка азыжской палеолитической стоянки основана на типологическом сравнении каменного инвентаря как между отдельными культурными слоями, найденными здесь, так и с аналогичными по технике индустрии стоянками с других пунктов Кавказа. Эта работа, выполненная М.М. Гуссейновым, показала, что шестой слой в Азыжской пещере содержит грубые рубящие каменные орудия труда, изготовленные в основном из гальки р. Куручай. По облику индустрия этого слоя относится к раннему ашелю.

В пятом слое хотя и найдено чрезвычайно мало орудий труда, но среди них имеются классические ашельские ручные рубила, дающие возможность археологически отнести этот слой к среднему ашелю.

Третий культурный слой содержит многочисленные мустье-

ерские остроконечники и другой каменный инвентарь типичного мустьерского облика.

Как известно, геологический возраст палеолита в настоящее время вызывает большие споры. Среди геологов, палеонтологов и археологов нет единого мнения - к какому периоду антропогена относится ранняя палеолитическая культура. Большинство исследователей считает, что ашельская культура геологически относится к миндель-рисскому периоду или целиком к минделю. Эквивалентными по возрасту к этому периоду является тираспольский фаунистический комплекс. При сравнении видового состава азыхской фауны с тираспольским фаунистическим комплексом, мы видим целый ряд схожих элементов. Так, например, для обеих фаун характерно наличие лошади типа мозбахской, носорога Мерка, бизона Шотенсака, благородного оленя, гигантского оленя и других. Но вместе с тем, в составе азыхской фауны имеется пищуха рода *Proochotona*, которая известна из верхнеплиоценовых отложений. Присутствие здесь более древних пищух несомненно связано с тем, что представители рода *Proochotona* жили на Кавказе в раннем и среднем плейстоцене. С другой стороны в азыхской фауне, в отличие от тираспольского и хазарского комплексов, совершенно отсутствуют хоботные. Последнее связано с палеогеографическими условиями района расположения Азыхской пещеры.

По сравнению с хазарским комплексом млекопитающих, азыхская фауна также имеет много идентичных элементов. В обеих фаунах присутствуют пещерный медведь, пещерная гиена, но для первого характерным является лошадь другого типа, и в частности, хазарская лошадь. Отличие имеется и в отношении бизона. В хазарской фауне представлен длиннорогий бизон.

Таким образом, в своем составе азыхский фаунистический комплекс имеет виды, характерные как для тираспольского, так и для хазарского комплексов. Это, вероятно, связано с тем, что по возрасту фауна Азыха промежуточна между тираспольским и хазарским комплексами, что геологически соответствует миндель-риссу, точнее верхам миндель-рисса. То, что азыхская палеолитическая фауна древнее среднесплейстоценовой бинагадинской фауны у нас не вызывает никакого сомнения. Возраст

бинагадинской фауны ещё окончательно не установлен, но подавляющее большинство исследователей относят его к рисс-вюрмскому межледниковью. Сравнение азыхской фауны с бинагадинской показывает, что из амфибий в обеих местонахождениях найдена зелёная жаба, из рептилий - греческая черепаха, из насекомоядных - обыкновенный ёж. В Бинагадах совершенно отсутствуют остатки рукокрылых. Из хищных одинаково встречаются волк, лисица, барсук, пещерная гиена и бурый медведь, но отсутствуют остатки шакала, куницы, рыси, леопарда и пещерного медведя. Зато имеется корсак, перевязка, пещерный лев и гепард, отсутствующие в Азыхе. Однако, отличия видового состава хищных в Бинагадах и Азыхе скорее связаны не с возрастными различиями этих местонахождений, а географическим положением (состав бинагадинских хищников имеет более степной характер.).

Значительные существенные отличия наблюдаются в составе копытных этих местонахождений. Одинаковым для этих фаун является лишь наличие кабана и кавказского благородного оленя. В Бинагадах по сравнению с Азыхом отсутствуют косуля, лань, джейран и безоаровый козел. Остатки гигантского оленя хотя и представлены в обеих фаунах, но морфологически они различаются. Бинагадинский гигантский олень относится к мелким формам. Значительно более архаический характер азыхской фауне придает наличие в её составе бизона Шотенсака.

Ископасмый европейский осел морфологически в Бинагадах и Азыхе не отличим, тогда как лошади в этих местонахождениях совершенно различны.

В азыхской фауне лошадь принадлежит очень крупной форме, по многим морфологическим признакам приближающаяся к раннесплейстоценовым лошадям типа *E. caballus mosbachensis*. Еще более разительные отличия у носорога. Бинагадинский носорог стоит ближе к шерстистому, тогда как остатки носорога из Азыхской пещеры неотличимы от миндель-рисских носорогов Мерка.

Таблица 1.

№ № п/п	Виды	Азыхская пещера			Таглар- ская пе- щера	Грот Дам- джилы	Пещера Дашса- лахлы	Бина- гады
		Ранний ашель	Средний ашель	Мустье	Развитое мустье Верхний палеолит	Позднее мустье	Позднее мустье	Средний плейсто- цен
1.	2	3	4	5	6	7	8	9
2.	<i>Bufo viridis</i>	-	+	-	+	-	-	+
3.	<i>Hyla arborea</i>	-	-	-	+	-	-	-
4.	<i>Testudo cf. graesa</i>	-	+	-	-	+	-	+
5.	<i>Erinaceus europaicus</i>	-	+	-	-	-	-	+
6.	<i>Crocidura russula</i>	-	-	-	-	-	-	+
7.	<i>Rhinolophus mehelyi</i>	-	+	-	-	-	-	-
8.	<i>Rhinolophus ferrumequinum</i>	-	+	-	+	-	-	-
9.	<i>Myotis oxygnathus</i>	-	+	-	+	-	-	-
10.	<i>Miniopterus schreibersi</i>	-	+	-	+	-	-	-
11.	<i>Myotis cf. nattereri</i>	-	-	-	+	-	-	-
12.	<i>Canis cf. lupus</i>	-	+	-	+	-	+	+
13.	<i>Canis aureus</i>	-	+	-	+	-	-	-
14.	<i>Vulpes corsac</i>	-	-	-	-	-	-	+
15.	<i>Vulpes vulpes</i>	+	+	-	+	-	-	+
16.	<i>Meles meles</i>	-	+	-	-	-	+	+
17.	<i>Martes cf. foina</i>	-	+	-	-	-	-	-
18.	<i>Vormella peregrusna</i>	-	-	-	-	-	-	-
19.	<i>Crocuta spelaea</i>	+	+	-	+	-	-	+

1.	2	3	4	5	6	7	8	9
20.	<i>Felis chaus</i>	-	+	-	-	-	-	-
21.	<i>Felis ocreata</i>	-	-	-	-	-	-	+
22.	<i>Felis lynx</i>	-	+	-	-	-	-	-
23.	<i>Felis spelaea</i>	-	-	-	-	-	-	+
24.	<i>Panthera pardus</i>	-	+	-	-	-	+	-
25.	<i>Acinonyx jubatus</i>	-	-	-	-	-	-	+
26.	<i>Spelaeocarcos spelaeus</i>	+	+	+	+	-	-	-
27.	<i>Ursus aff. arctos</i>	+	+	+	+	-	-	+
28.	<i>Ursus sp.</i>	-	+	-	-	-	-	-
29.	<i>Sus scrofa</i>	+	+	+	+	+	+	+
30.	<i>Capreolus capreolus</i>	-	+	+	-	-	+	-
31.	<i>Cervus (Dama) cf. mesopotamica</i>	+	+	+	+	-	-	-
32.	<i>Megaloceros giganteus</i>	+	+	+	-	-	-	+
33.	<i>Cervus elaphus</i>	+	+	+	+	+	+	+
34.	<i>Gezella aff. Subgu ttunosa</i>	-	+	-	-	+	-	-
35.	<i>Saida tatarica (binagadensis)</i>	-	-	-	-	+	+	+
36.	<i>Rupicapra sp.</i>	-	-	-	-	-	+	-
37.	<i>Carpa cylindricornis</i>	-	-	-	-	+	+	-
38.	<i>Carpa aegagrus</i>	-	+	+	+	-	+	-
39.	<i>Carpa sp.</i>	-	-	-	-	+	-	-
40.	<i>Ovis cf. ammon</i>	-	-	-	-	-	-	+
41.	<i>Ovis sp.</i>	-	-	-	-	+	-	-
42.	<i>Bos Mastanzadei</i>	-	-	-	-	-	-	+
43.	<i>Bos sp.</i>	-	-	-	+	+	+	-
44.	<i>Bison sp.</i>	-	+	-	-	-	-	-
45.	<i>Equus caballus</i>	+	+	-	+	+	+	+

1.	2	3	4	5	6	7	8	9
46.	<i>Equus hidrun- tinus</i>	+	+	+	-	+	+	+
47.	<i>Dicerorhinus mercki</i>	+	+	+	-	-	-	-
48.	<i>Rhinoceros binagadensis</i>	-	-	-	-	-	-	+
49.	<i>Lepus euro- paeus</i>	-	+	-	+	-	+	+
50.	<i>Proochotona sp.</i>	-	+	-	-	-	-	-
51.	<i>Ochotona aze- rica sp. nov.</i>	-	+	-	+	-	-	-
52.	<i>Hystrix leucura</i>	-	+	-	-	-	-	-
53.	<i>Hystrix vino- gradovi</i>	-	-	-	-	-	-	+
54.	<i>Mus musculus</i>	-	-	-	-	-	-	+
55.	<i>Apodemus sylvaticus</i>	-	-	-	-	-	-	+
56.	<i>Gricetulus mi- gratorius argy- ropuloi</i>	-	-	-	-	-	-	+
57.	<i>Mesocricetus raddei planico- la</i>	-	-	-	-	-	-	+
58.	<i>Meriones eryt- hronus inter- medium</i>	-	-	-	-	-	-	+
59.	<i>Allactaga wil- liamsi dzafaro- vi</i>	-	-	-	-	-	-	+
60.	<i>Allactaga cla- ter</i>	-	-	-	-	-	-	+
61.	<i>Allactaga jacu- lus bogatschevi</i>	-	-	-	-	-	-	+
62.	<i>Dyromys nite- dula</i>	-	-	-	-	-	-	+
63.	<i>Microtus cf. Arvalis</i>	-	+	-	-	-	-	+

1.	2	3	4	5	6	7	8	9
64.	<i>Microtus so- cialis</i>	-	-	-	-	-	-	+
65.	<i>Pitymys ap- scheronicus</i>	-	-	-	-	-	-	+
66.	<i>Ellobius aff. lutescens</i>	-	-	-	-	-	-	+

Из грызунов одинаковым для этих местонахождений является наличие зайца, дикообраза и обыкновенной полевки. Морфологические отличия их неясны. Вообще фауна грызунов в Бинагадах представлена гораздо богаче.

Таким образом, руководящие виды из этих местонахождений показывают, что азыхская фауна значительно древнее бинагадинской.

Фауна Тагларской палеолитической стоянки, датируемая развитым мустье с переходом к верхнему палеолиту, представлена видами несколько беднее. В ней отсутствует греческая черепаха и обыкновенный ёж, но, помимо зеленой жабы, имеются остатки квакши шелковникова. Из летучих мышей по сравнению с Азыхской стоянкой, отсутствует подковонос Мегели, но имеется ночница Наттерсера.

Из числа хищников в обеих стоянках найдены остатки волка, шакала, лисицы, пещерной гиены, бурого медведя и пещерного медведя. В Тагларе совершенно отсутствуют представители семейства *Felidae*, *Mustelidae*. Из копытных одинаково представлены кабан, лань, благородный олень, безоаровый козёл и лошадь. Из грызунов встречается мелкая пищуха и заяц.

Обращает на себя внимание отсутствие в Тагларской палеолитической фауне гигантского оленя, *E.hidruntinus*, носорога и крупной пищухи из рода *Proochotona*.

Позднемустьева фауна из грота Дамджилы не богата видами. Идентичными с азыхской фауной являются остатки греческой черепахи, кабана, благородного оленя, джейрана, лошади и *E.hidruntinus*. Примечательно то, что в гроте Дамджилы имеется дагестанский тур и сайга, остатки которых в Азыхе не найдены. В фауне грота Дамджилы отсутствуют характерные для палеолита виды: пещерный медведь, пещерная гиена, гигантский

олень и другие.

По сравнению с гротом Дамджылы несколько богаче видами представлена стоянка позднего мустье в пещере Дашсалахлы. Здесь из числа хищников одинаковыми с Азыхом являются волк, барсук и леопард, из копытных - кабан, косуля, благородный олень, безоаровый козёл, лошадь и *E.hidruntinus*. Из зайцеобразных найдены остатки только зайца. Как в гроте Дамджылы, в пещере Дашсалахлы найдены остатки сайги, но в отличие от других палеолитических стоянок здесь констатируется серна.

Общими для всех известных на территории Азербайджана пещерных палеолитических стоянок является кабан и благородный олень, которые на протяжении всего антропогена были широко распространены на территории Кавказа.

Краткий анализ палеоэкологии азыхской фауны. Азыхская пещера расположена в Тугской долине р. Куручай. На западе эта котловина замыкается Тагларской грядой, наибольшая гипсометрическая отметка которой достигает 1470 м. На юге и севере котловина ограничена Аргюнашским (1470м) и Марахатунским (1100 м) хребтами. По направлению к востоку котловина раскрывается и от предгорий переходит к приараксинской зоне полупустынь.

На севере и к западу от указанных хребтов расположена наибольшая вершина этого участка Малого Кавказа; Таким образом, в Азыхской пещере, расположенной в среднем предгории, с севера и запада примыкают горные районы, а с юга и востока полупустынные зоны. Столь разнообразный геоморфологический район расположения пещеры уже априори говорит о том, что в составе, Азыхской палеолитической стоянки должны быть элементы фауны различного ландшафта и биотопов. И действительно среди остатков азыхской фауны мы видим виды, характерные для открытых степных участков, предгорных лесных массивов и горной зоны. Остатки джейрана, дикой лошади и в особенности европейского осла, с его тонкими и длинными метаподиями, и в какой-то степени зайца характеризуют наличие вблизи расположения Азыхской пещеры зоны полупустыни и полустепи. О наличии тугайных лесов и зарослей камыша по берегам Р. Куру-чая свидетельствуют остатки кабана, камышо-

вого кота и шакала. Вероятно, местами в результате сезонных повадков Р. Куру-чая образовались обширные заболоченные участки, в которые обитал гигантский олень.

Бурый медведь, пещерный медведь, куница, рысь, косуля и благородный олень свидетельствуют о наличии в районе охоты палеолитического человека обширных зон предгорных и горных лесов, в опушках и прогалинах которых обитали лани. Обширные лесные участки местами перемежались с древесно-кустарникового типа растительностью, с характерным биотопом для дикообраза. Элементами горной зоны в азыхской фауне являются безоаровый козёл и обыкновенная полевка. Наличие большого количества остатков пищух говорит о том, что здесь были многочисленные участки со скалами и каменистыми россыпями. Такие же виды, как волк, лисица, леопард трудно отнести к какому-либо конкретному биотопу.

Разнообразие экологических форм позвоночных животных, найденных в составе азыхской фауны, дают основание думать, что рельеф и климатические условия в древнем палеолите района расположения Азыхской пещеры были близки к современным, но с более обширным распространением лесов.

Животные азыхской палеолитической фауны - как объект охоты первобытного человека. Как видно из чрезвычайно краткого экологического обзора азыхской фауны, палеолитические люди, населяющие эту пещеру, охотились на довольно обширном пространстве, Добывая степных, предгорных и даже высокогорных животных.

В раннем ашеле основным объектом охоты азыхских людей был пещерный медведь, от которого и найдено наибольшее число костей.

Второе место по числу костей занимают остатки гигантского и благородного оленей. Единичные остатки лисицы, пещерной гисны, бурого медведя, кабана, лани, лошади и носорога. Хотя остатки *E.hidruntinus*, представлены и большим числом, чем остальные копытные, но они принадлежат одной особи.

Особенностью костных остатков животных в раннем ашеле является то, что они не сильно раздроблены. Встречаются цельные трубчатые кости и другие части посткраниального скелета.

Таким образом, в раннем ашеле обитатели Азыхской пещеры охотились в основном на 11-ть видов млекопитающих и добывали их в несобольшом количестве.

В среднем ашеле резко возрастает как число видов, так и количество костных остатков, что говорит об интенсификации охоты среднеашельскими людьми. В слое, относящемся к этому периоду, зарегистрировано максимальное число видов (65) для азыхской палеолитической стоянки. Правда, не все они попали сюда как результат добычи человека. Остатки зеленой жабы скорее всего попали с погадками птиц.

Случайным вероятно, следует признать остатки греческой черепахи и обыкновенного ежа. Кости их найдены в весьма незначительном количестве.

По числу костей больше всего в среднем ашеле Азыха найдены остатки 4 видов летучих мышей (большой подковонос, подковонос Мегели, остроухая ночница и обыкновенный длиннокрыл). Второе место по количеству костей в среднем ашеле занимает *Proochotona* sp., которая играла определенную роль как пищевой объект азыхских палеантропов. Однако, как и в раннем ашеле, основными объектами охоты были пещерный медведь, кавказский благородный олень и гигантский олень, т.е. чрезвычайно крупные по размерам млекопитающие, дающие много мяса, костного мозга и шкуры. Именно кости этих трёх видов и составляют почти 50% остеологического материала, найденного в среднеашельском слое Азыхской пещеры. Большинство же видов животных в среднем ашеле представлены сравнительно небольшим числом остатков. Большое число видов животных в среднем ашеле можно объяснить тем, что в среднеашельский период человек длительно заселял Азыхскую пещеру и культурные отложения этой эпохи в несколько раз мощнее раннеашельского и мустьерского периодов, но вместе с тем бесспорно и то, что среднеашельские люди по сравнению с раннеашельскими расширили объекты охоты. В отложениях мустье число видов резко сокращается. Всего зарегистрировано 10 видов. Здесь также, как и в предыдущие периоды палеолита, наибольшее число костей принадлежит пещерному медведю и благородному оленю. Заметно уменьшено число костей гигантского оленя, хо-

тя, он, как и в среднем ашеле, занимает третье место. Еще одной особенностью является увеличение остатков косули, от которой в среднем ашеле найдено всего две кости, а в раннем ашеле она вовсе отсутствует. В мустьерский период бурый медведь, кабан, лань, безоаровый козел, дикий европейский осел и носорог, по видимому, добывались в незначительном количестве. Примечательно отсутствие остатков лошади.

Таким образом, анализ количества костей в Азыхской палеолитической стоянке показывает, что на протяжении раннего ашеля, среднего ашеля и мустье основными объектами охоты были: пещерный медведь, благородный олень и гигантский олень. Увеличение или уменьшение числа видов в основном происходило за счет мелких млекопитающих. Так в 1982 г. вышла работа Марковой А.К. (1982) с описанием в палеолите Азыхской пещеры одного вида из отряда зайцеобразных и 11-ти видов из отряда грызунов. Из списка видов Марковой А.К. два вида (*Proochotona* sp., *Microtis* cf. *arvalis*) были раньше приведены в работе Алиева С.Д. (1969). Ископаемая орнитофауна Азыхской пещеры (Бурчак – Абрамович Н.И., Алиев С.Д. 1981, 1989, 1990) насчитывает 21 видов птиц, из них один новый ископаемый вид (см. таблица 2).

Таким образом, количественный состав позвоночной фауны палеолита Азыхской пещеры достиг 66 видов.

Описываемые в работе Бурчак – Абрамовича Н.И., Алиева С.Д. (1989, 1990) орнитофауна в основном происходит преимущественно из культурных слоев среднего ашеля. Заслуживают внимания соображения Марковой А.К. (1982) о физико-географических и климатических условиях в районе Азыхской пещеры в отдельные периоды развития первобытной культуры Азыхской пещеры, обоснованные, главным образом, на основании особенностей экологии грызунов, найденных в культурных слоях пещер. В выводах использованы анализы пыльцы растительности тех времен. Так, в слоях «галечной культуры» обнаружена пыльца дуба, ясеня, вяза, липы, платана и других древесных пород. В нижнем ашеле пыльцевой анализ показал преобладание субальпийских березняков и хмелеграбовых ассоциаций, свидетельствующих о некотором похолодании.

Таблица 2

№	Виды птиц	Кол-во костей	Возраст		Археологическая датировка
			Ad. miad	sejuv	
1.	<i>Perdix perdix</i> L. - серая куропатка	8	2	ad	Средний ашеле, V слой
2.	<i>Alectoris kakelik</i> Falk. - кеклик	31	7	ad	
3.	<i>Gallus karabachensis</i> sp. nov - карабахская курица	1	1	ad	
4.	<i>Dafila acuta</i> L. - шилохвост	1	1	ad	
5.	<i>Aquila</i> sp. - орёл	1	1	ad	
6.	<i>Aquila chrysaetus</i> L. - беркут	1	1	ad	
7.	<i>Erythropus vespertinus</i> L. - кобчик	2	2	ad	
8.	<i>Cerchneus tinninculus</i> L. - пустельга обыкновенная	1	1	ad	
9.	<i>Cerchneus naumanni</i> Fleisch - пустельга степная	3	2	ad	
10.	<i>Aegypius monachus</i> L. - черный гриф	1	1	ad	
11.	<i>Buteo buteo</i> L. - лесной сарыч	1	1	ad	
12.	<i>Falco biarmicus</i> Temm. - средиземноморской сокол	1	1	ad	
13.	<i>Gypaetus osseticus</i> Vig. - осетинский бородач - ягнятник	5	3	ad	
14.	<i>Haliaeetus albicilla</i> L. - орлан - белохвост	4	2	ad	
15.	<i>Bubo bubo</i> L. - филин	2	1	ad	
16.	<i>Columba livia</i> G. - сизый голубь	12	2	ad	
17.	<i>Columba oenas</i> L. - клинтух	2	1	ad	
18.	<i>Columba palumbus</i> L. - вяхирь	1	1	ad	
19.	<i>Puffinorax graculus</i> L. - алпийская галка	1	1	ad	
20.	<i>Puffinorax puffinorax</i> - клушица	2	2	ad	
21.	Мелкие воробьиные птицы	20		ad	

В среднем ашеле намечается потепление климата с преобладанием растительности нижнего горного пояса. В конечных выводах Маркова А.К. пишет: "... малое количество остатков лесных видов мелких млекопитающих в разновозрастных слоях Азыхской пещеры, по-видимому, все-таки указывает на небольшую облесенность в районе этого памятника". Виды птиц, найденные в палеолитических слоях Азыхской пещеры также не говорят о преобладании в те времена в районе Азыхской пещеры больших сплошных лесов. Из общего числа видов птиц (21), только три вида (лесной сарыч, клинтух и вяхирь) являются настоящими лесными формами. два вида (беркут и филин) относятся к убиквистам, т.к. гнездятся и в лесах, и в безлесных местностях на скалах, обрывах, два вида (кобчик и обыкновенная пустельга) предпочитают опушки лесов, рощи, кустарниковые заросли, избегая большого леса. Альпийская галка принадлежит альпийской и субальпийской безлесной зонам. Серая куропатка придерживается открытых мест, роц, небольших лесков, кустарников, травянистых лугов. Шилохвост - обитатель водных бассейнов мог иопасть в район Азыха во время сезонного пролёта. Орлан-белохвост связан в гнездовой период с водными бассейнами, вблизи которых растут высокие деревья. Остальные виды (кеклик, клушица, средиземноморский сокол, черный гриф, ягнятник-бородач, сизый голубь, степная пустельга) избегают сплошных лесов, селясь среди скал в горах, на возвышенностях. степная пустельга предпочитает степи, луга, открытые холмы. О биотопе азыхской дикой курицы мы затрудняемся сказать что-либо достоверное, скорее всего это опушки лесов, кустарники в нижней полосе гор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев С.Д., 1965. Материалы к изучению фауны пещерных палеолитических стоянок Азербайджана. «Мат. конф. молодых научных работников Азгосмединститута», вып. 5, стр. 7-9.
2. Алиев С.Д., 1967. Материалы к изучению копытных Азыхской пещеры. «Мат. юбилейной конф. молодых научных работников Азгосмединститута», Баку, стр. 9-11.

3. Алиев С.Д., 1969. Фауны Азыхской палеолитических стоянок. «Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. биол. наук», Баку, стр. 1-30.

4. Алиев С.Д., 1985. Ископаемые представители семейства Ursidae в палеолите М.Кавказа. Сб. науч. тр. «Результаты зоологических исследований на Большом и Малом Кавказе», Азгосуниверситет, стр. 110-119.

5. Алиев С.Д., 1978. Фауны Азыхской пещеры – объект охоты первобытного человека. «Материалы II съезда Всесоюзного териологического о-ва», Москва, стр. 3-4.

6. Бурчак – Абрамович Н.И., Алиев С.Д. 1981. К изучению птиц из палеолитической стоянок Азербайджана. «экология и охрана птиц». Тезисы докладов XII Всесоюзн. конф. Орнитологов. Изд. «Штеница», Кишинев, стр. 35.

7. Бурчак – Абрамович Н.И., Алиев С.Д. 1989. Ископаемая орнитофауна палеолитической стоянки Азыхской пещеры на Малом Кавказе в Азербайджане (I сообщение) Материалы по экологии животных в Азербайджане (тематич. сб. научн. трудов), Азгосуниверситет, стр. 72-80.

8. Бурчак – Абрамович Н.И., Алиев С.Д. 1990. Ископаемая орнитофауна палеолитической стоянки Азыхской пещеры на Малом Кавказе в Азербайджане (II сообщение). «Фауна, экология и охрана животных в Азербайджане (тематич. сб. научн. трудов)», Издательство БГУ, стр. 44-51.

9. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. 1965. Остатки гигантского оленя в Азербайджане «Уч. зап. Азгосмединститута», т. XVII, стр. 43-52.

10. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. 1966. Ископаемые остатки руклкрылых из Тагларской пещеры. «Уч. зап. Азгосмединститута», т. XIX, стр. 17-23.

11. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. Пищуха (*Ochotona* sp.) из мустьерский отложений Тагларской пещеры. «Уч. Зап. Азгосмединститута», т. XX, стр. 18-21.

12. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. Некоторые представители хищных млекопитающих (*Mammalia, Carnivora*) из палеолитических отложений Азыхской пещеры. «Уч. зап. Азгосмединститута», т. XXIII, стр. 7-13.

13. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. 1969. Палеонтологического обоснование стратиграфии Азыхской палеолитической стоянки, «Уч. зап. Азгосмединститута», т. XXX, стр. 232-236.

14. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. 1969. Материалы к изучению фауны палеолита Западной части Азербайджана, «Материалы научной конферен. выпускников биофака», Азгосуниверситет стр. 64.

15. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. 1971. Ископаемые летучие мыши из палеолитических отложений Азыхской пещеры, «Уч. зап. Азгосуниверситета» серия биол. наук, № 2, стр. 45-50.

16. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. 1971. *Biffo viridis* в составе фауны Азыхской палеолитической стоянки, «Уч. зап. Азгосуниверситета» т. XXXIII, стр. 3-7.

17. Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. 1976. Климатические условия обитания комплексов позвоночной фауны Азербайджана в позднем плиоцене и плейстоцене, «Материалы сов. – амер. Симпозиума по природно – климат, изменениями в плейстоцене и голоцене», Баку, стр. 37-43.

18. Гаджиев Д.В. и др., 1985. Главные итоги комплексных исследований многослойной древнепалеолитической пещерной стоянки Азых, Тезисы докладов Всесоюзной археол. конфр. «Достижения советской археологии в IX пятилетке», Баку, стр. 10-13.

19. Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М., Мамедов А.В., Ширинов Н.Ш., 1979. Краткие результаты комплексных исследований Азыхской пещерной древнепалеолитической стоянки, «Изв. АН Аз ССР», серия наук о Земле, №3, Баку, стр. 76-83.

20. М.М.Гусейнов. 1985. Древний палеолит Азербайджана.

21. Маркова А. К. 1982. Микротериофауна из палеолитической пещерной стоянки Азых. «Палеонтологический сборник» №9, изд. Львовск. университета, Львов, стр. 14-27.

*Гиря Е.Ю.
(Санкт Петербург, Россия)*

ОТБОЙНИК ИЗ ОЛДОВАНСКИХ СЛОЁВ СТОЯИКИ АЙНИКАБ I

Следы пребывания человека на Кавказе в олдованскую эпоху были обнаружены более двадцати лет назад (Dzaparidze V, Bosinski G et al., 1989: 67–116). Благодаря открытию ряда новых стоянок в Приазовье и Дагестане, менее чем за два десятилетия изменились общие представления о хронологии и географии древнейшего палеолита Евразии. Внутри этой эпохи теперь уверенно выделяются вполне обособленные типы индустрий, различные как по технологии расщепления, так и по представленным в них типам изделий (Деревянко А.П., 2009:13). Для специалистов «примитивизм» древнейших орудий уже не означает отсутствие достаточно четко выраженных типов (Амирханов Х.А.: 2006:329; Таймазов А.И., 2009:175-187; Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2009:204). Более того, многие вопросы генезиса древнейших культур вполне успешно решаются «в плоскости сравнительно-исторической типологии» (Амирханов Х.А., 2007а; 2007б: 25; 2009: 29-35; Любин В.П., Беляева Е.В., 2006: 31).

С точки зрения реконструкции орудийной деятельности в олдованскую эпоху особый интерес представляет находка отбойника из кварцевой гальки (Рис. 1), обнаруженного в 2008 г. в ходе раскопок 11-го слоя стоянки Айникаб I во Внутреннем Дагестане (Амирханов Х.А., 2007а).

Данное орудие представляет собой уплощенную кварцевую гальку с гладкой поверхностью, совершенной степени окатанности, имеющую подтреугольные очертания в плане. Размеры орудия: длина – 10 см, ширина – 8 см, толщина – 4 см, вес – не многим более 300 гр.

Не смотря на то что практически вся рабочая часть отбойника была покрыта плотным кальцитовым налётом, еще до чистки орудие было определено Х.А. Амирхановым как отбойник безо всякого трасологического анализа. Основанием для этого послужил контекст обнаружения: наряду с отбойником, в дан-

ном слое стоянки обнаружены орудия из кремня: чоперы, пики, скребла, ножи и другие формы, характерные для олдованских индустрий (Таймазов А.И., 2009: 178).

Сам факт выявления кварцевой гальки совершенной окатанности в пролювиальных отложениях данной горной котловины является, в определенном смысле, «геологическим нонсенсом». Дело в том, что это не местная галька – в радиусе по крайней мере 20-ти км никаких признаков присутствия кварца в горных породах пока обнаружить не удалось. Не известны ни места выходов и/или разрушения кварцевых жил, откуда обломочный материал мог бы транспортироваться в Акушинско-Усишинскую долину, ни сам поток, который мог бы послужить движущей силой этого перемещения.

Современное положение расположения горной долины, в которой обнаружены культурные остатки, маркируется высотными отметками 1200 – 1500 м.н.у.м. Но, даже если признать, что во времена формирования данных отложений, этот район не представлял собой сколь либо пересеченную местность, появление гальки со следами антропогенного воздействия в культурном слое стоянки Айникаб I, трудно объяснить какими-либо иными причинами, кроме человеческой деятельности.

В целом, следы износа на отбойниках из хрупких изотропных пород состоят в образовании конических трещин на их рабочих участках. При прямом (фронтальном) нанесении удара на поверхности отбойника формируется полная коническая трещина с кольцевым «глазком», который часто виден на поверхности даже непрозрачных видов камней. Размер (величина диаметра) «глазка» конической трещины зависит от величины контактной (между отбойником и обрабатываемым материалом) зоны. Форма контактной зоны также влияет на форму конической трещины. При косом ударе, скользящем контакте отбойника с обрабатываемым материалом, возникает так называемая «развернутая» коническая или полуконическая трещина. Поскольку она формируется позади контактной зоны, по её ориентации можно судить о направлении удара: развернутая сторона всегда ориентирована в сторону движения орудия. При близком расположении и/или наложении многих конических и полуконических трещин

друг на друга, а именно это и происходит на рабочей части отбойника в ходе его интенсивного использования, возникают прямые межконусные трещины. В результате уплотнения сетки трещин различного типа, поверхность рабочего участка отбойника начинает выкрашиваться.

Износ отбойников за счет выкрашивания рабочей поверхности происходит по схеме, показанной на рисунке 2. Наиболее оптимальной формой рабочей поверхности отбойника является выпуклая яйцевидная, так как именно такая форма обеспечивает отбойнику устойчивость к ударам в ходе использования. В начале на рабочей поверхности формируется сетка из трещин различного вида (Рис. 2 А) и выпуклый рабочий участок за счет выкрашивания уплощается (Рис. 2 В). В зонах близких к краям рабочего участка по мере развития уплощения возникает ситуация благоприятная для красного скалывания – снятия скола или раскалывания отбойника пополам (Рис. 2 С). Важно отметить, что данная модель универсальна – отбойники из мягких и/или сыпучих материалов (известняки, песчаники) срабатываются таким же способом.

В ходе трасологического анализа после очистки от кальциевой корки (с помощью слабого раствора ледяной кислоты) на поверхности гальки из культурных отложений стоянки Айникаб I были обнаружены следы износа, характерные для отбойников из хрупких изотропных пород. Они расположены на торце и полуторце боковой стороны треугольной гальки со смещением к одному из углов (Рис. 1, обведено большим овалом). Это многочисленные (>500), трудно поддающиеся подсчету полные и развернутые конические трещины, а также отдельные выбоины (Рис. 3, на данной фотографии представлена площадь, составляющая около одной трети всего рабочего участка). Частично забитость распространяется и на вогнутую поверхность гальки (Рис. 1А).

По степени сработанности данная рабочая поверхность отбойника находится на стадии начала формирования межконусных трещин и первичного выкрашивания (Рис. 2А). Отбойник был весьма интенсивно использован, но оставлен на начальной стадии формирования зоны износа.

На полуторце гальки в непосредственной близости от указанной выше основной группы следов, но ближе к другой её плоской стороне и с другой стороны угла (Рис. 1, обведено малым овалом) обнаружена еще одна несколько отличная от первой зона износа (Рис. 4). Это гораздо более малочисленная группа следов (около 20-ти), представляющих собой серию практически однонаправленных развернутых конических трещин. На пространстве между данной группой и основной зоной износа также имеются конусные трещины, но их концентрация не велика.

По мере удаления от зоны с интенсивными следами износа, на поверхности отбойника конические трещины встречаются всё реже и практически отсутствуют на удалении 15 мм от неё.

Вся остальная поверхность орудия трасологически «чистая» (Рис. 1, обведено пунктиром). На ней представлен нормальный гладкий естественный рельеф поверхности кварцевой гальки (Рис. 5).

По всей видимости, галька была сформирована в относительно слабом водном потоке. Гальки из твердых изотропных пород, происходящие из быстрых водных потоков, имеют многочисленные следы забитости на всей поверхности, но в особенности, – по периметру (по торцу). На таких гальках забитость в депрессиях (на участках с пониженным рельефом) выражена слабее, зато особенно развита на всех выступающих участках. При этом, важно отметить, что на естественно забитых гальках из хрупких изотропных пород преобладают разнонаправленные конусные трещины развернутого вида, полных конусных трещин с кольцевыми «глазками», происходящих от фронтальных прямых ударов на плоских участках гораздо меньше.

Валуны, обработанные в ходе ледникового или флювиогляциального переноса, или ледового воздействия на побережье, также имеют овальную форму и сглаженные ребра, но их отличают отчетливые царапины на боковых поверхностях.

Вероятность естественного происхождения описанных выше следов на гальке из Айникаба I практически равна нулю по следующим причинам:

– следы ударов расположены на ограниченном участке

гальки, вся остальная поверхность – трасологически «чистая»:

- часть следов находится на вогнутой поверхности (Рис. 1А), рядом с которой существуют незатронутые износом выпуклые участки, что исключено при соударении галек в ходе природных процессов;

- в зоне основного скопления следов преобладают конические трещины полного типа с кольцевыми «глазками»

- следы двух отдельно расположенных групп износа имеют различную ориентацию (сделаны с разных сторон).

Трудно представить себе какие-либо естественные процессы, результатом которых мог бы стать данный комплекс следов на кварцевой гальке. Поэтому, представляется единственно верным интерпретировать данную гальку как орудие. Это – отбойник с четко определенным рабочим участком. Зона интенсивной забитости – рабочая часть отбойника. Она имеет следы множественных разнонаправленных ударов, среди которых преобладают прямые. Основному рабочему участку противопоставлена рукояточная часть, имсющая естественный микрорельеф без каких-либо следов использования.

Группа однонаправленных развернутых конических трещин, расположенных в стороне от основной зоны износа и на другой стороне гальки, свидетельствует о том, что:

- в какой-то момент орудие было переориентировано в руке (был смён хват), при этом, в качестве рукоятки был выбран тот же участок, что и при основном использовании;

- кроме ординарных (разнонаправленных при преобладании прямых) ударов, следы которых представлены на основном рабочем участке, орудием выполнялись и иные действия, в ходе которых отбойником наносились систематические удары, направленные по касательной к поверхности обрабатываемого материала.

Какого рода обработку предполагали касательные удары отбойником? – двух мнений здесь быть не может. Как бы фантастично это ни звучало, имся в виду, что это были систематические косо направленные удары, необходимо констатировать, что таким образом осуществлялось ударное ретуширование и подправка края.

Размеры «глазков» конических трещин основной зоны износа и на дополнительном участке, в целом, единообразны. Это свидетельствует о том, что отбойник в обоих случаях использовался для обработки одного и того же материала (имел близкие по форме контактные зоны). Материал этот известен – это кремнь.

Ближайшие современные выходы кремня, залегающего в материнской породе *in situ*, находятся в 4-х км от стоянки, в Цуликанинской долине, на верху горы Туру-Балу. В имеющемся там обнажении удалось насчитать 16 залегающих наклонно кремненосных слоев. Кремнь в виде уплощенных желваков разнообразной, формы залегает в очень плотном известняке (мергеле?). Извлечь кремнёвый желвак, залегающий *in situ* в тоще известняка, очень трудно даже с помощью современных металлических инструментов. Продукты разрушения этих известняков в виде пролювиальных и/или флювиогляциальных отложений являются геологической составляющей всех культурных слоев стоянки Айникаб I (Амирханов Х.А., 2007а:11-12). В местах обнажения пролювия, вблизи хутора Айникаб обломки желваков кремня нетрудно найти и сейчас.

То есть, во время посещения стоянки древним человеком, кремнёвые желваки были легко доступны. Они были уже извлечены из вмещающей породы природными процессами и без значительных повреждений перенесены на небольшое расстояние.

Не исключено, что именно легкость извлечения, доступность сырья была основной причиной визитов древнейших гоминоид в данный район. Археологические находки свидетельствуют о том, что в таком (персотложенном) виде кремнь служил исключительно удобным источником сырья и в более поздние периоды – в среднем, и в верхнем палеолите.

Результатом применения отбойника являются каменные орудия, нуклеусы и сколы. В коллекции 11-го слоя стоянки Айникаб I представлены все перечисленные категории каменного инвентаря. Особенно замечательной частью коллекции представляются чопперы с оформлением лезвия чередующимися сколами. Количество отщепов пока не велико, но среди них также присутствуют отдельные очень выразительные формы.

Характер площадок, негативов на дорсальных поверхностях, а также бугорков этих сколов свидетельствует, о том, что они были сняты с помощью твердого отбойника.

На поверхностях кремнёвых орудий из Айникаба I обнаружены не только негативы формирующих их сколов. На многих артефактах обнаружены следы ударов твердым каменным отбойником в виде «глазков» конических трещин полного и развернутого типов. Представляется важным подчеркнуть, что форма и размеры этих следов практически идентичны таковым, обнаруженным на отбойнике. Это наблюдение вполне определённо свидетельствует об идентичности формы контактных зон возникавших в ходе использования отбойника и при расщеплении кремня. То есть – орудия и сколы индустрии Айникаб I (11 сл.) были изготовлены таким же твердым отбойником, как и отбойник, происходящий из самого слоя.

Для выяснения характера расщепления айникабского кремня была проведена специальная серия экспериментов. Сырьё было собрано как вблизи стоянки Айникаб I, так и в других местах – в обнажениях стоянок Мухкай, Гегалашур и на горе Туру-Балу в Цуликанинской долине. Несмотря на некоторые различия в цвете: от темно-серого, почти черного полупрозрачного, до светло серого пятнистого непрозрачного, – по основным характеристикам расщепления, все разновидности кремня оказались очень близки. Для простоты изложения, все цветовые разновидности кремня, происходящего из данного района, было решено именовать «дагестанским» кремнем.

Дагестанский кремень представляет собой одну из самых плотных и твердых разновидностей этого вида сырья в России. Кроме формы желваков и характера корки, он во многом аналогичен крымскому кремню. Обе разновидности, благодаря своей твердости и пластичности очень хороши для производства бифасов (включая тонкие бифасы). В отличие от большинства известных мне видов кремня, в дагестанском, как и в крымском, центральная часть желвака почти всегда столь же окремнённая, что и верхний (подкорочный) слой. Ни в одном из желваков не были встречены внутренние известковистые ядра, столь характерные, к примеру, для белорусских кремней и отдельных кон-

креций донецкого кремня. Включения встречаются относительно редко, и, благодаря твердости самого кремня, не создают особых трудностей в ходе расщепления.

В ходе расщепления, указанные свойства дагестанского кремня проявляются прежде всего в том, что каменный отбойник средней твердости работает по нему как мягкий. Это соответствующим образом отражается на продуктах расщепления и, прежде всего, на форме начала плоскости расщепления. Для уточнения этих наблюдений был произведен ряд экспериментов по изготовлению чопперов отбойниками различной степени твердости. Использовались: мягкий каменный отбойник – пролювиальный валун из местного плотного мергеля (месторождение – хутор Айникаб); и твердый каменный отбойник – галька из плотного кварцитопесчаника близкого по механическим свойствам к кварцу (месторождение – Мурманская область).

В результате было установлено преобладание плоских бугорков и неконических начал на сколах полученных каменным мягким отбойником. Несколько неожиданным представляется сохранение этого же взаимоотношения среди сколов полученных в результате использования твердого отбойника. То есть, вместо теоретически предполагаемого численного преобладания снятий с выпуклыми и средними бугорками (твердый отбойник), как и в эксперименте с мягким отбойником, плоских бугорков и неконических начал оказалось больше. Даже в сумме, средние и выпуклые бугорки составляют лишь 40% сколов. Следовательно, наличие большого числа сколов с плоскими бугорками и/или неконическими началами скальвающей, для дагестанского кремня *не является* признаком использования мягкого отбойника.

Около 15% сколов, произведенных мягким каменным отбойником, имеют на площадке следы весьма интересных двойных концентрических конусных трещин. Они происходят в момент первого контакта отбойника с кремнем. По мере того как рабочая часть отбойника сминается, контактная зона увеличивается и скальвающая возникает уже не в том месте, где могла бы начаться, будь отбойник более устойчив к сминанию. Брюшко скола формируется дальше от центра контактной зоны. В ре-

зультате этого мы получаем как бы несколько нераспределенных возможностей начала скалывающей и одну реализованную.

Данные по расщеплению дагестанского кремня, полученные в результате экспериментов, весьма показательны и будут приняты во внимание при будущем анализе коллекции. На сегодняшний день, малочисленность сколов, обнаруженных в каждом конкретном слое, не позволяет составить сколь-либо полноценное представление о вариативности снятий в индустриях различных слоёв. Необходимо терпеливо собирать наблюдения.

Таким образом, на основе анализа самого орудия и контекста его обнаружения, реконструируется достаточно сложное поведение (комплекс действий) древних обитателей айникабской стоянки. Отбойник из редкой породы камня, был найден (выбран) и доставлен на место изобилующее сырьем, где он был неоднократно и интенсивно использован в различных видах обработки кремня расщеплением.

О том, каким образом орудие удерживалось в руке – судить трудно. Однако, с большой долей уверенности, можно сказать, что захват отбойника был несколько «не стандартный», во всяком случае – не свойственный манере удержания, практикуемой современными экспериментаторами. В процессе нанесения ударов, отбойник, по всей видимости, был ориентирован поперек обрабатываемого края. Удары наносились ребром (торцевой и полоторцевой поверхностями) гальки подтреугольной формы (Рис. 27). Рабочей поверхностью служила в основном одна из боковых сторон треугольника. Современный мастер, в качестве рабочего участка выбрал бы один из углов гальки.

Данный отбойник – древнейший из всех известных на территории Евразии. К сожалению, сравнивать его не с чем, так как какая-либо информация об отбойниках в ближайших или иных олдованских памятниках евразийского континента пока отсутствует. Поэтому, представляется принципиально важным отметить, что на отбойниках из стоянки Олдувай (Рис. 6 и 7) рабочие поверхности также находятся на боковых и/или торцевых сторонах исходных камней (Leakey M.D, 1971: 46, рис. 22-2; 80, рис 43-2). То есть, способ их использования был абсолютно аналогичен «не стандартному» айникабскому. Возможно, именно та-

кие «боковые», не стандартные отбойники и представляли собой норму для эпохи олдована.

В связи с последним наблюдением нельзя не вспомнить суждения С.А. Семёнова, высказанные им в известной статье «О противопоставлении большого пальца руки неандертальского человека» (Семенов С.А., 1950: 70-82) в середине XX века. Полемизируя с Г.А. Бонч-Осмоловским, С.А. Семёнов, ссылаясь на мнение Г. Мортилье, указывал на «особый вид обхвата» орудий ранними гоминидами, связывая этот феномен с анатомическими особенностями руки последних. «Несомненно, она накладывалась сверху на утолщенную часть (на обух или основание), по способу глубокого обхвата, требующего участия всех пальцев и ладони. Такой способ обхвата характерен для обезьяньей руки при слабом развитии большого пальца, который играет роль вспомогательную. Главная сила зажима предмета падает на остальные четыре пальца, противопоставленные ладони путем ладонного сгиба фаланг. Орудие, зажатое таким способом, мало подвижно. Его нельзя употребить для тонких и сложных операций, кроме самых грубых ударных актов» (Семенов С.А., 1950: 77).

Не обладая достаточными для профессионального анализа знаниями анатомии, трудно судить о достоинствах и недостатках реконструкции обхвата «древнейшего ручного рубила», предложенной С.А. Семёновым (Рис. 8). Это – предмет антропологических дискуссий. Однако, нельзя не отметить, что факт обнаружения специфики расположения рабочих участков на отбойниках из Олдувай и Айникаба I и констатация отличия олдованских отбойников от подобных орудий более поздних эпох вполне однозначно должны быть приняты в качестве дополнительных аргументов в пользу правоты основного вывода С.А. Семёнова об определяющей роли труда в изменении формы руки и пальцев древних гоминид.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. Ин-т археологии РАН. – М. Изд. Наука. 2006 г. 693 с.
А – Исследования памятников олдована. М., изд. ТАУС.

2007 г. 52 с.

Б – Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб.: Петербургское Востоковедение, (Archaeologica Petropolitana, XXI) 2007 г. Сс.21-34.

Открытие индустрии олдована на о. Сукофра // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы международного симпозиума. Новосибирск. Изд. ИАЭ СО РАН, 2009 г. СС. 29-35

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Рос. акад. Наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 232 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск. Изд. ИИАЭ СО РАН, 2009г. 122 с.

Кулаков С.А., Щелинский В.Е. Работы на Тамани // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука. 2004. 271-272 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: петербургское Востоковедение, 2006 г., 108 стр. (Archaeologica Petropolitana, XIX).

Семенов С.А. О противопоставлении большого пальца руки неандертальского человека // КСИЭ, 1950 год, вып.11. Стр. 70 – 82.

Таймазов А.И. Чопперы из коллекции Айникаб I // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы международного симпозиума. Новосибирск. Изд. ИАЭ СО РАН, 2009 г СС.175-187.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эполейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы международного симпозиума. Новосибирск. Изд. ИАЭ СО РАН, 2009 г СС.188-206.

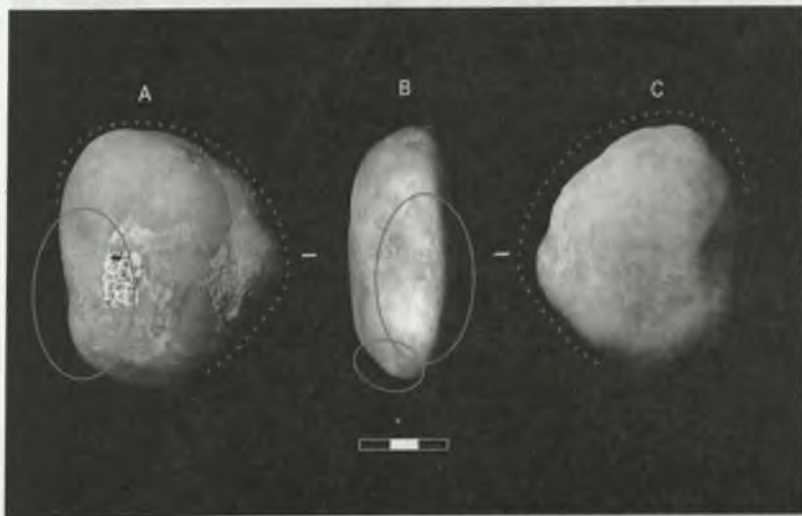
Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Мат-

лы междунар. конференции. Ростов-на-Дону, 2008. С. 21-28.

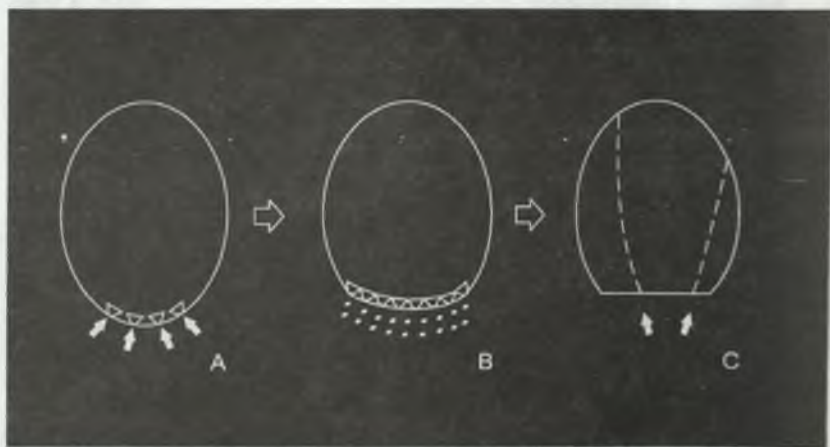
Bosinski G, Scelinskij V.E., Kulakov S.A., Kindler L. Bogatyri (Sinaja Balka) – Ein altpalaolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Rubland) // Erkenntnisjager. Kultur und Umwelt des fruhen Menschen. Veroffentlichungen des Landesamtes fur Archaeologie. Band 57/I. Halle (Saale). 2003. P. 79-89.

Dzaparidze V., Bosinski G., Bugianisvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Majsuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenisvili E., Schmincke H. U., Solosgavili D., Tusabramisvili D., Tvalerelidze M. y Vekua A. Der Altpalaolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus). Jahrbuch Romish-Germanisches Zentralmuseum, 1989 Mainz 36, 67-116

Leakey, M.D. Olduvai Gorge. Volume 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. 1971 Cambrige University Press, London

1 – Отбойник, найденный в 11-м слое стоянки Айникаб I. Большим овалом указано место основного рабочего участка, малым овалом – место второго рабочего участка. Пунктиром обведена зона без следов износа (забитости) – рукояточная часть отбойника.

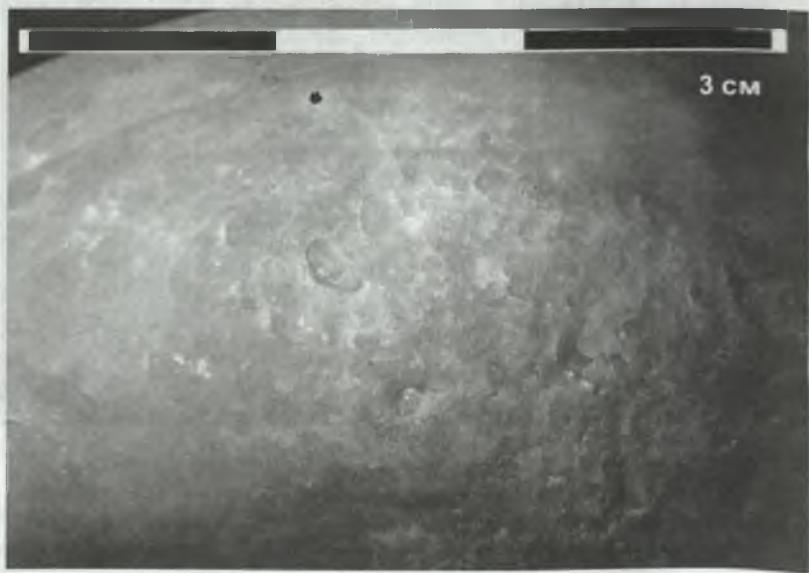

2 – Схема срабатывания отбойников.

А – формирование первичной выкрошенности.

В – выполаживание рабочего участка за счет выкрошенности.

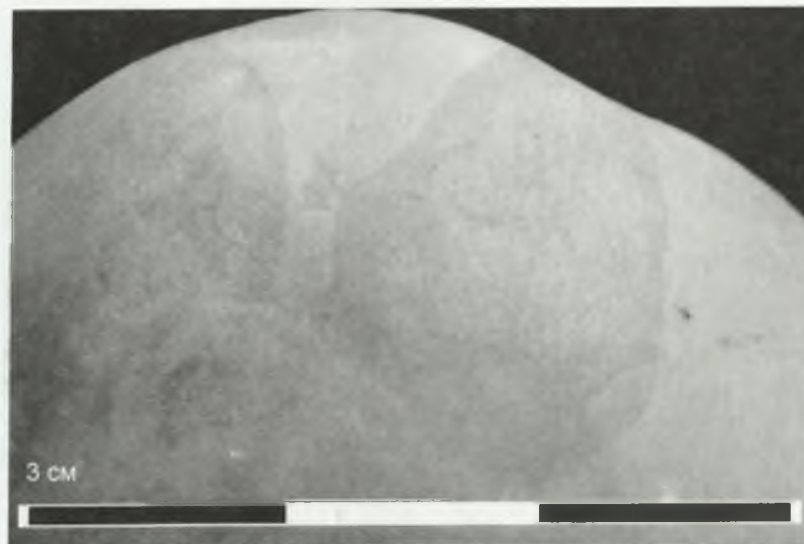
С – возникновение на рабочей части ситуации благоприятной для красного скалывания или раскалывания.

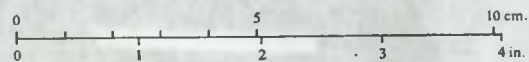
3 – Следы износа основной рабочей поверхности на отбойнике из 11-го слоя стоянки Айникаб I.

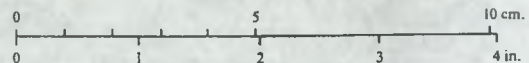
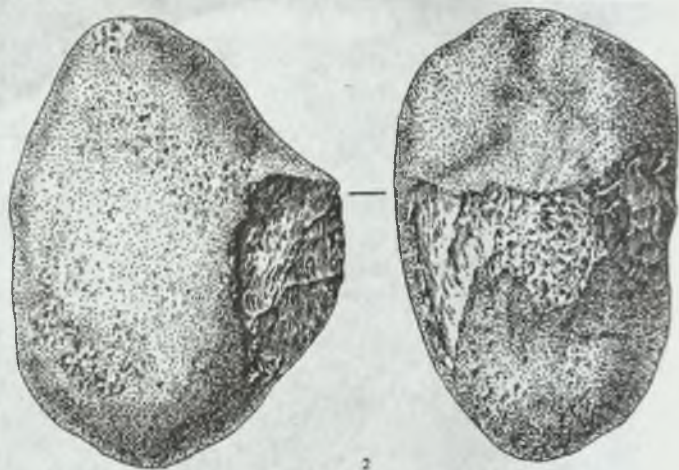
4 – Следы износа второй (боковой) рабочей поверхности на отбойнике из 11-го слоя стоянки Айникаб I.

5 – Поверхность участка рукояточной части отбойника из 11-го слоя стоянки Айникаб I.

6 – Отбойник со стоянки Олдувай
(по Leakey M.D, 1971: 46, рис. 22-2).

7 – Отбойник со стоянки Олдувай
(по Leakey M.D, 1971: 80, рис 43-2).

27 – Реконструкция способа удержания древнейшего
ручного рубила (по С.А. Семенову).

Голованова Л.В.
(Санкт-Петербург, Россия)

ДИНАМИКА СРЕДЫ И КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КAVKAZA

Современный уровень знаний о палеогеографических условиях в эпоху среднего палеолита на Кавказе позволяет говорить о наличии как минимум двух экологических стрессов, соответствующих стадиям Heinrich 6 и Heinrich 5. На ряде многослойных памятников выявлены изменения в индустриях, которые происходят после этих климатических стрессов.

На основании результатов большой программы датирования, проведенной, прежде всего, в Мезмайской пещере, можно говорить о трех этапах существования микокских памятников на Северном Кавказе. Первый этап соответствует интервалу от конца кислородно-изотопной стадии 5 до начала стадии 4 (70 тыс. л.н. и древнее). К нему относятся нижние слои Ильской 2, слои 3 и 2В-4 Мезмайской. Сейчас, основываясь на ЭПР датах 55-56 тыс. л.н., слой 2В-3 Мезмайской можно коррелировать со стадиями Heinrich 6, который предшествовал межстадиалу Oegetel. Возможно, к этому же этапу относится «холодный» слой среднего палеолита на низкогорной стоянке в Баракаевской пещере.

Ко второму этапу, который соответствует концу стадиала Heinrich 6 и межстадиям Oegetel и Glinde в интервале от 55-56 до 45-42 тыс. л.н., относятся верхи слоя 2В-3, слои 2В-2 и 2В-1 Мезмайской, и, возможно, слой 4 Монашеской пещеры. Исследования последних лет в Мезмайской пещере позволили установить наличие вулканического пепла в слое 2В-1. По химическому составу этот пепел близок пеплам г. Таш-Тебе, расположенной около г. Эльбрус. Это извержение существенно повлияло на ухудшение климата в регионе. После теплого и сухого климата слоя 2В-2, в слое 2В-1 зафиксирован холодный и сухой климат. В вышележащем слое 2А климат становится более влажным, оставаясь при этом холодным. На основании приведенных данных можно коррелировать слой 2В-1 со стадиями Heinrich 5, а

слой 2А с потеплением межстадиала Hengelo.

Третий этап существования микокка на Северном Кавказе соответствует межстадиалу Hengelo и последовавшему за ним похолоданию – от 42 до 40 тыс. л.н. К нему относятся Монашеская (слои 2-3Б), Губский навес 1, Матузка (слои 4В, 4С), Мезмайская (слои 2, 2А), Баранаха 4 и, вероятно, верхние слои Аутлевской пещеры.

В развитии индустрий восточноевропейского микокка на Северо-западном Кавказе достаточно четко выявляется тенденция развития от ранних к поздним памятникам. Более ранние памятники отличаются не только большим процентом бифасиальных орудий, но и большим их разнообразием. Процент орудий группы верхнего палеолита (скребки/резцы) в целом имеет тенденцию к увеличению в более поздних памятниках, но этот показатель довольно неустойчив. Можно говорить о тенденции развития техники пластинчатого расщепления, что выражается в увеличении индекса пластинчатых заготовок и количества орудий, сделанных на пластинах. Эти тенденции проявляются особенно резко после стадиала Heinrich 5.

Важные наблюдения сделаны на опорном палеолитическом памятнике Южного Кавказа в пещере Азык. В результате раскопок слоя III была получена многочисленная среднепалеолитическая индустрия, которая рассматривается сейчас как один из ранних комплексов среднего палеолита на Малом Кавказе. Важным является замечание А. Джафарова (1999), что в глубине пещеры этот слой разделялся на четыре литологических горизонта. Археологические материалы этих горизонтов были объединены в один комплекс. Наличие форм, характерных для загорского мустье позволяет предполагать, что верхние комплексы Азыка могут быть одновременны позднему мустьерскому материалу Таглара. Разделение комплексов по литологическим горизонтам и изучение палеогеографических причин смены среднепалеолитических индустрий является важнейшей задачей.

Мустье джручюльского типа (пещеры Джручула, Кударо I и Кударо III) на Южном Кавказе датируется интерстадиалом Brepur и более ранним временем. В Кударо III этот тип индустрии сменяется в 3-х слоях цхинвальским мустье, что указывает на

более поздний возраст мустье цхинвальского типа. Это хорошо согласуется с принятой сейчас хронологией близкого ему варианта мустье типа Табун-В в Леванте (Bar-Yosef, 1998).

Динамика палеогеографических условий, выявленная на памятниках джручюльского мустье, позволяет говорить как минимум о двух крупных циклах. В высокогорных пещерах Кударо I и Кударо III представлены мустьерские отложения, соответствующие очень теплым климатическим осцилляциям, когда природные условия на Кавказе были теплее, чем сейчас. Имеющиеся абсолютные даты соответствуют брерупскому возрасту. Палинологические данные по пещере Джручула свидетельствуют о динамике природной среды в низкогорной зоне Западной Грузии. Растительные спектры нижнего мустьерского слоя 2 и нижней части слоя 1 Джручулы указывают на умеренно-теплый климат.

Ухудшение климатических условий в послебрерупское время зафиксировано в слоях За-с в Кударо I и в горизонтах "чистого щебня" и слоях За-с в Кударо III (Любин, 1977, с. 77). По палинологическим данным, в районе кударских пещер в это время установились условия сухого, холодного климата. Видимо, этому этапу осадконакопления в кударских пещерах соответствует полученная В.В.Чердынцевым урановая дата 65000 ± 5000 л.н. Преобладание пыльцы травянистых растений отмечено также для верха слоя 1 в пещере Джручула (Любин, 1989, с. 56).

Данные примеры показывают, что изучение эволюционного развития индустрий среднего палеолита на Кавказе требует специальных исследований динамики среды и культуры. Уже сегодня мы можем говорить о существенных изменениях индустрий в эту эпоху. Изучение механизмов, повлиявших на эти изменения, является важнейшей задачей комплексных исследований памятников среднего палеолита на Кавказе.

*Джафаров А.Г.
(Баку, Азербайджан)*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ГАРАБАХА

Территория Азербайджана выделяется поразительно высокой и яркой концентрацией памятников палеолита. Обилие и многообразие этих памятников позволяет рассматривать Азербайджан как своего рода «полигон» для разработки палеолитической проблематики на территории Кавказа.

Изучение памятников каменного века представляет большую важность для реконструкции древнейшей истории Азербайджана. До 1953 г. Памятники эти не были известны на территории республики, хотя было установлено, что в четвертичном периоде в Азербайджане были благоприятные условия для обитания первобытного человека.

Первые специальные разведочные работы по палеолиту Азербайджана были проведены в ноябре 1953 г. Под руководством С.Н.Замятнина (с участием М.М.Гусейнова) на территории Газахского района.

Планомерные и систематические исследования палеолита на территории Азербайджана начались с 1956 года, когда была организована специальная палеолитическая экспедиция Музея истории Азербайджана Академии Наук Азербайджанской ССР под руководством М.М.Гусейнова.

В 1960 году палеолитическая экспедиция Института истории АН Азербайджанской ССР под руководством М.М.Гусейнова провела разведочные исследования в нагорной части Гарабаха и в ходе этих работ открыла пещерную стоянку Азых. Многослойная пещерная стоянка Азых расположена на юго-восточной части Малого Кавказа, в предгорьях Гарабахского хребта на абсолютной высоте 900 м, относительной 200 м., в прибортовой полосе Тугской котловины (расширенная часть долины р. Гуру-чай) на уровне одиннадцатой 180-200 метровой верхнебакинской или позднеапшеронской террасы этой реки. Азых – горизонтальная сквозная пещера галерейного типа. Общая площадь пещеры около 2350 м^2 .

Рис. 1. Гарабах. Пещера Азых.
Общий вид. 1960 г.

которых в 14-метровой толще пещерных отложений были последовательно вскрыты десять (I – X) разновозрастных археологических слоев. Насыщенность доминирующего большинства из них (лишь слои II и IV оказались стерильными) предметами материальной культуры и фаунистическими остатками позволили установить наличие гуручайской (слои VII – X), раннеашельской (слой VI), среднеашельской (слой V), поздний ашель – раннемустьерской (слой III) индустрии и определить их предварительный возраст.

В результате всех этих работ были раскопаны площадка перед входом, 25-метровая южная галерея и (исполностью) примыкавший к ней Круглый зал. Максимальная мощность вскрытых отложений достигла 14 м, общая площадь раскопов – 242 м². В ашельских культурных слоях, помимо каменных изделий и фаунистических остатков, обнаружены: в 1968 г. Фрагмент челюсти пренеандертальца, в 1971 г. Небольшое скопление медвежьих челюстей и черепов, в 1972 г. Очаги, в 1973 каменная кладка (жилище).

Второй этап (1975-1985 гг.) ознаменован реализацией программы комплексных исследований, проводимых АН Азербайджанской ССР и отделом палеогеографии Института географии АН СССР.

Комплексные естественно-научные изыскания в пещере Азых начались с 1975 г. Они проводились азербайджанскими учеными М.М.Гусейновым, Д.В.Гаджиевым, А.В.Мамедовым,

История исследования. Историю изучения палеолита в пещере Азых можно разделить на три этапа: 1) 1960-1974 гг.; 2) 1975-1985 гг.; 3) 2001-2005 гг. Первый этап характеризуется инициативными раскопочными работами, в результате ко-

М.А.Мусеибовым, С.Д.Алиевым, Р.Г.Султановым, А.Г.Джафаровым, Н.Ш.Шириновым, Б.Д.Алескеровым и М.Б.Сулеймановыми. В этом же году по приглашению азербайджанских исследователей Азыхскую пещерную стоянку осмотрели московские ученые А.А.Величко и Т.Д.Морозова, которые описали разрез и отобрали образцы отложений для анализов. В 1977 г. М.Б.Сулейманов собрал здесь путем промывки остатки мелких млекопитающих. Полевые материалы были подвергнуты лабораторной обработке, включавшей гранулометрический, химический (Г.В.Антонова), минералогический (Т.А.Халчева), микротериологический (А.К.Маркова) и палинологический (Э.М.Зеликсон и М.Х.Моносзон) методы. Палеомагнитное изучение разреза провел М.А.Певзнер. Результаты всех этих исследований вскоре были опубликованы (Гаджиев и др., 1979; Величко и др., 1980, Маркова, 1982, Сулейманов, 1982).

Рис. 2. Пещера Азых.
Вход в пещеру.

Начиная с 2001 года исследования по проблемам палеолита Азербайджана приобретают международный характер. На международной научной конференции, проходившей в городе Татавель во Франции с 3 по 7 июля 2001 года, была принята научная программа INTAS – 2000, подготовленная учеными из Азербайджана, России, Грузии, Франции, Италии, Испании и Голландии. Координатором программы INTAS – 2000 по Азербайджану был избран А.Г.Джафаров. В изучении многослойного палеолитического памятника Азых начался третий этап, охвативший 2001 – 2005 годы.

В соответствии с международной программой INTAS – 2000 с применением последних достижений науки, были исследованы археологические, палеонтологические и палеоантропологические материалы, найденные на палеолитических стоянках Азербайджана, России, Грузии, Франции, Италии и Испании за последние 50 лет.

В 2002 году по приглашению А.Г. Джафарова в Баку прибыли ученые из России, Грузии, Франции, Италии, Испании и Голландии, которые на протяжении почти месяца исследовали археологические, палеонтологические и палеоантропологические материалы палеолитических пещерных стоянок Азых, Таглар, Дашсалахлы, Бузеир, Дамджылы, Газма и других. Ведущие ученые из России, Западной Европы и Грузии дали высокую оценку научным исследованиям по каменному веку Азербайджана и подчеркнули научную важность обнаруженных здесь археологических находок для изучения истории первобытного общества.

Рис. 4. Европейские ученые изучают челюсть азыхантропа. 2002г.

В результате проведенных в 2001 – 2005 годах совместных научно-исследовательских работ на основе археологических ма-

териалов было установлено, что первобытные люди заселили палеолитическую стоянку Азых более 2 млн. лет тому назад.

Всестороннее изучение пещеры Азых приобретает первостепенное значение. По геологическому возрасту ранних культурных слоев она является одной из наиболее интересных стоянок древнего человека и не имеет аналогов на территории Кавказа и Ближнего Востока, а по хронологическому диапазону культурных слоев, охватывающих большую часть первобытной истории человечества (от культуры галек до мустье), пещера эта является пока единственной в мире.

Стратиграфия. В течение продолжительного времени в пещере Азых выявлены и изучены довольно мощные культурные слои, которые охватывают почти весь древний и средний палеолит благодаря чему пещера Азых приобретает особое значение среди всех известных палеолитических пещерных стоянок в мире. Если обратить внимание на стратиграфическую колонку, то очень четко видна последовательность всех культурных слоев, начиная от галечной культуры и до первой половины мустьерского периода включительно. И в этом отношении пещера Азых не имеет аналогов среди палеолитических памятников мира.

Раскопки многослойной пещерной стоянки Азых проводились в приходном коридоре южного входа, где выявлены десять разновременных слоев отложений. Слой I содержит находки энеолита и бронзы, слой II – без находок, слой III ранний мустье, слой IV – стерильный, слой V – средний ашель, слой VI древний ашель, слои VII – X содержит орудия галечной культуры.

Вся толща пещерных отложений, вмещающих вышеприведенные культурные слои, по материалам комплексных работ сгруппированы в три основные пачки. Литологические исследования позволили детально охарактеризовать вещественный состав и условия накопления отложений пещеры.

Палеомагнитные исследования позволяют считать, что основная часть разреза Азыха формировалась в эпоху брюнес, начало которой по абсолютной геохронологической шкале относится к раннему плейстоцену (780 тыс. лет), а залегающий в нижней части разреза слой VIII имеет отрицательную намагниченность, позволяющую сопоставить его в эпоху Матуяма (эо-

плейстоцен – Апшерон). Таким образом, нижние слои с галечной культурой относятся к эоплейстоцену, так как только в этих отложениях установлено также присутствия ели, платана, энгельхардии, которые в плейстоцене на территории Азербайджана не произрастали.

По материалам изучения фауны млекопитающих установлено, что раннеашельский слой VI имеет Бакинский возраст (миндель), среднеашельский слой V среднеплейстоценовый (ранний хазар, миндель-рисс), раннемустьерский слой III – позднеплейстоценовый (поздний хазар, рисс-вюрм).

Результаты комплексных исследований отложений пещеры Азых позволяют с достаточной степенью уверенности определить хронологические рамки эпохи обитания первобытного человека на стоянке. Впервые древнейшие люди, носители галечной культуры, поселились в пещере в эоплейстоцене (апшерон). Она была обитаема, хотя и с некоторыми перерывами, вплоть до позднего плейстоцена. На ранних этапах плейстоцена (Баку, Миндель) в пещере жили носители ранне-ашельской культуры, в среднем плейстоцене (миндель-рисс) – среднеашельской культуры, а в позднем плейстоцене (рисс-вюрм) – раннемустьерской.

Фауна. В течение многолетних археологических исследований стоянки Азых собрано большое количество остеологического материала, который изучался палеонтологами Д.В.Гаджиевым, С.Д.Алиевым, Н.И.Бурчак-Абрамовичим и А.К.Марковой.

В списках фауны слоев значится 65 видов, в том числе 11 видов грызунов, 3 вида зайцеобразных, 1 вид амфибий, 1 вид рептилий, 4 вида рукокрылых и 21 вид птиц. В мощном слое среднего ашеля представлены все 65 видов.

В слоях VII-X встречены мелкие фрагменты трубчатых костей млекопитающих, не поддающиеся таксономическому определению, а также зуб малоазиатского тушканчика и зубы полевок, близкие по слою строению к зубам обыкновенной – обшественной полевки.

В нижнем ашельском слое VI представлены лисица (*Vulpes vulpes*), пещерная гиена (*Cracuta spelaea*), остатки нескольких видов древних медведей, в том числе пещерного (*Spelaearctos spelaeus*) и бурого (*Ursus aff. Arctos*), месопотамская лань (*Cer-*

vus (Dama) cf. Mesopotamica), гигантский (*Megaloceros giganteus*) и благородный (*Cervus elaphus*) олени, плейстоценовый осел (*Equus hydruntinus*), посорог Мерка (*Dicerorhinus mercki*), лошадь зюссенборн (*Equus sussenbornensis*), бизон Шетензака (*Bison schoetensacki*).

В верхнем ашельском слое V зафиксированы зеленая жаба (*Bufo viridis*), средиземноморская черепаха (*Testudo graeca*), еж (*Erinaceus europaeus*), большой подковонос (*Rhinolophus ferrugineum*), подковонос Мегели (*Rn. Mehelyi*), остроухая ночница (*Myotis oxygathus*), обыкновенный длиннокрыл (*Miniopterus schreibersi*), волк (*Canis lupus*), шакал (*Canis aureus*), барсук (*Meles meles*), каменная куница (*Martes foina*), пещерная гиена, камышовый кот (*Felis shaus*), рысь (*Felis lynx*), леопард (*Panthera pardus*), большой пещерный медведь, кабан (*Sus scrofa*), косуля (*Capreolus capreolus*), безоаровый козел (*Capra aegagrus*), плейстоценовый осел, носорог Мерка, заяц-русак (*Lepus europaeus*), крупная пищуха, мелкая пищуха (*Ochotona aserica*) и др. (Алиев, 1969, Гаджиев и др. 1979).

Культурный слой III представлен 10 видами животных: пещерный и бурый медведи, кабан, косуля, месопотамская лань, гигантский и благородный олени, безоаровый козел, плейстоценовый осел, носорог Мерка (Алиев, 1969).

Антропологическая находка. В 1968 году в ашельском слое V был найден обломок нижней челюсти ископаемого человека, условно названного азыхантропом. Это фрагмент правой ветви нижней челюсти, на которой сохранились задняя часть тела и нижняя половина восходящей ветви. Из зубов полностью сохранился третий моляр, а второй моляр обломан на уровне коронки. Первый моляр совершенно отсутствует, но хорошо выражена его альвеола. Обращает на себя внимание массивность челюсти, выражающая в сравнительно большой толщине тела. В этом отношении нижняя челюсть азыхантропа уступает австралопитековым и находится в пределах вариации этого признака у архантропов, точнее занимает промежуточное положение между челюстями синантропа и мауеровского человека и явно крупнее челюстей палеантропов.

Рис. 3. Челюсть азыхантропа.

Особенности анатомического строения челюсти и сохранившихся зубов показывают, что несмотря на наличие специфических черт строения, челюсть содержит признаки, с одной стороны, характерные для питекантропов, и в особенности мауеровской челюсти но, несомненно, с большим числом прогрессивных черт, а с другой обладает признаками, характерными для пренсандертальцев из ашельского слоя Кондел-Араго во Франции (Гусейнов, 1980).

Каменный инвентарь. Представлен коллекциями изделий из слоев VII-X (галечная культура), VI (древний ашель), V (средний ашель) и III (финальный ашель-ранес мустье).

Индустрия слоев VII-X. Исходное сырьеречная галька из русла р. Гуручай. Состав пород: кварц, кварцит, кремнистый известняк, халцедон и др. (Гусейнов, 1980).

Каменные изделия, нижних слоев независимо от их стратиграфического уровня залегания с археологической точки зрения, имеют одинаковый характер. Это выражается в общности их облика степени патинизации, технико-типологического состава пород. Галечные орудия обработаны путем грубой оббивки. Они оббивались от края к центру с одной поверхности или чаще всего с двух поверхностей. В последнем случае откалывался один

узкий удлинённый конец или же определенный участок на одном продольном крае. Появление указанных типов орудий показывает, что данные изделия являются первоначальной фазой обработки двухстороннего типа проточоппингов. Орудий из отщепов, также немало.

Среди галечных изделий особое внимание привлекают прежде неизвестные, крупные чопперовидные орудия весом 3-4 кг. Условно названные гигантолитами. В составе каменных изделий отсутствуют ручные рубила.

Каменные изделия X слоя (17 экз.). Состоят из чоппера (1 экз.), чоппинга (3 экз.), скребла (3 экз.), нуклеидные орудия (3 экз.), протоаимас (1 экз.), отщепы (3 экз.), естественные гальки (2 экз.), отходы производства (1 экз.).

Каменные изделия IX слоя (90 экз.). Характеризуются более сложной типологией. Среди них отмечают: чопперы (3), чоппинги (5), кубовидные изделия (5), скребла (8), отщепы (11), естественные гальки (31) и др.

Каменные изделия VIII слоя (60 экз.), в типологическом отношении состоят из следующих групп: чопперы с поперечным краем (5), чоппинги-гигантолиты (6), скребла (3), нуклеидные орудия (4), отщепы (9), естественные гальки (15) и др.

Каменные изделия VII слоя (45). В этом слое обнаружены чопперы (2), чоппинги (4), нуклеидные изделия (8), скребла (4), естественные гальки (8) и др.

После продолжительного времени существования эпоха галечной (Гуручайской) культуры в пещере Азых сменяется раннеашельской. Древний ашель развивается здесь на базе местной галечной культуры и представлен VI слоем. При раскопках слоя VI найдено 1890 экз. каменных изделий, которые по морфологическим особенностям можно разделить на три группы: 1) производственные отходы; 2) естественные гальки; 3) орудия производства. В отличие от нижележащих слоев основная масса каменных артефактов изготовлена из кремнистого сланца (1089) и кремня. Отмечаются также единичные экземпляры изделий из песчаника, кварцита и базальта.

В слое VI найдено всего 427 экз. каменных орудий. Здесь имеются классические чопперы, чоппинги, бифасы, кливеры,

лимасы, скребла, скребки, остроконечники, ножи, выемчатые орудия, зубчатые и фрагментированные типы орудий.

Над ранним ашелем залегает пятый слой, в котором представлена среднеашельская культура. В V слое Азыхской пещеры найдено 289 каменных изделия. Каменные изделия V слоя по типологии очень близки к материалам нижнего VI слоя, вернее орудия труда сохраняют тот облик, который характерен раннеашельским.

IV слой пещеры Азых является стерильным. Над ним находится III слой с мустьерскими материалами.

А результате археологических раскопок в раннемустьерском слое III выявлены 3744 каменных изделия, среди которых 2159 являются отходами производства, а 1477 заготовками, 63 нуклеусами и 33 нуклеидными обломками.

Каменные изделия изготовлены из кремнистого сланца (1786), кремня (1293) и обсидиана (14).

В коллекции III слоя определены следующие типы орудий:

- 1) Остроконечники леваллуазские (68 экз.)
- 2) Мустьерские остроконечники (16)
- 3) Простые вогнутые скребла (37)
- 4) Простые выпуклые скребла (19)
- 5) Простые прямые скребла (12)
- 6) Двойные прямые скребла (18)
- 7) Двойные прямовыпуклые скребла (9)
- 8) Двойные выпукло-вогнутые скребла (10)
- 9) Конвергентные скребла (3)
- 10) Конвергентные выпукло-вогнутые скребла (4)
- 11) Угловатые скребла (14)
- 12) Поперечные прямые скребла (4)
- 13) Скребла с ретушью с брюшка (8)
- 14) Скребла с противоположной ретушью (2)
- 15) Скребки типичные (6)
- 16) Скребки атипичные (3)
- 17) Резцы типичные (2)
- 18) Ножи типичные (3)
- 19) Ножи атипичные (4)
- 20) Вьемчатые орудия (12)

- 21) Зубчатые орудия (9)
- 22) Чоппер (1)
- 23) Ручные рубила (2)
- 24) Скребла с утонченным корпусом (7)
- 25) Фрагментированные орудия (55)

Типологический состав орудий III слоя пещеры Азых характеризуют прежде всего высокие индексы леваллуа типологического (37,5) и скребел (53,0).

Многослойная пещерная стоянка Таглар. В 1960 г. Палеолитическая экспедиция под руководством М.М.Гусейнова провела разведочные исследования в ущелье гуручай и ходе этих работ открыла пещерную стоянку Таглар. Раскопки пещеры велись в течение 14 полевых сезонов: в 1963-1967, 1973, 1977-1982, 1984 и 1986 гг. В течение всех лет раскопок вскрыто 65 кв.м, что составляет более половины площади стоянки. Найдено более 8 тыс. каменных изделий. Большинство каменных изделий изготовлено из кремня, сланца и обсидиана.

Типология орудий:

- 1) Леваллуазские остроконечники (242 экз. в том числе 77 фрагментированных);
- 2) Леваллуазские ретушированные остроконечники (206 экз. в том числе 62 фрагментированных)
- 3) Мустьерские остроконечники (166 экз. в том числе 58 фрагментированных)
- 4) Лимасы (10 экз.)
- 5) Скребла. Группа орудий, составляющая вторую важнейшую часть инвентаря Тагларской стоянки. В группе скребел в такой же мере, как в группе остроконечников, нашли свое отражение все основные особенности первичной и вторичной обработки камня на этой стоянке: преобладание удлиненных (преимущественно леваллуазских пластинчатых) заготовок, обусловивших абсолютное господство здесь боковых (то есть продольных), одинарных и двойных скребел, продолговатых, конвергентных, угловато-удлиненных, треугольных и пластинчатых; господство ретуши краевой, лицевой, полукрутой, главным образом полуглубокой. Поперечные скребла и скребла с брюшковой ретушью в коллекции единичны.

6) Скребла простые боковые (то есть продольные однолезвийные) наиболее многочисленны (247);

7) Двойные скребла (152)

8) Конвергентные скребла (22)

9) Угловатые скребла (58)

10) Поперечные скребла (7)

11) Скребла тагларского типа (с утонченным корпусом – небольшая (9) группа небольших оригинальных скребел, корпус которых (сечение исходной заготовки) утончается не локально (как у скребел с утончением дистального или базального концов), а сплошь на всем своем протяжении. Утончение такого рода достигается снятием плоских лицевых вспомогательных ударных площадок, подготовленных на концах или боковых краях исходных сколов-заготовок.

11) Скребла с ретушью с брюшка (1)

13) Скребла с противоположащей ретушью (1)

14) Скребки (17)

15) Резцы (3)

16) Проколки (3)

17) Ножи (10)

18) Атипичные ножи (12)

19) Выемчатые орудия (6)

20) Зубчатые орудия (14)

Каменные орудия, выявленные из разновременных мустьерских уровней Тагларской пещеры генетически единые, представляют собой развитие со времени набора каменных изделий, относящихся к одной и той же группе населения. Это удостоверяет близость технико-типологических показателей коллекции всех уровней, преемственность в развитии способов первичной и вторичной обработки камня. Техничко-типологические показатели индустрии помещают ее в группу мустье типичного в его леваллуазской фации.

Самое же важное значение Тагларской многослойной пещерной стоянки и ее индустрии, с нашей точки зрения, является то обстоятельство, что они являются первыми источниками, позволяющими ставить вопрос о безусловной связи мустьерской культуры Южного Кавказа с мустьерской культурой заараксин-

ских зарубежных территорий, с мустьерскими индустриями горной системы Запрос, в первую очередь.

В 1971 году Мильско-Гарабахской экспедицией, возглавляемой М.М.Гусейновым, была обнаружена Шушинская пещера. Пещера находится на высоте 1400 м над ур. м. и на расстоянии 80 м от современного русла реки, под обрывом Джыдыр дюзю (г. Шуша). В пещере был заложен разведочный шурф в котором на глубине 2 м были обнаружены несколько груборубящих орудия и отщепы.

Палеолитические пещерные стоянки Гарабаха представляют безусловно, ценнейшие свидетельства о поселениях, жилых убежищах, производственной деятельности и общественных отношениях древнейших обитателей Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Азербайджана. I том. Каменный век. Баку, 2008.
2. Алиев С.Д. Фауна Азыхской палеолитической стоянки. Автореф. Дис. Канд. Биолог. Наук. Баку, 1969.
3. Антонов Б.А. Геоморфология и вопросы новейшей техники юго-восточной части Малого Кавказа. Баку, 1971.
4. Величко А.А., Антонова Г.В., Зеликсон Э.М., Маркова А.К. и др. Палеогеография стоянки Азых – древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР. Изв. АН СССР. Сер. Геогр. № 3, Москва, 1980.
5. Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М., Мамедов А.В., Ширинов Н.Ш. Краткие результаты комплексных исследований Азыхской древнепалеолитической стоянки. Изв. АН Аз. ССР, сер. Наук о Земле, 1979, № 3.
6. Гусейнов М.М. Азыхская пещера. Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, 1962, № 2.
7. Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку, Элм, 1985.
8. Гусейнов М.М., Джафаров А.К. Палеолит Азербайджана. Баку, 1986.
9. Герасимов И.П., Величко А.А., Любин В.П., Праслов

Н.Д. Древнейшие люди в Европе и условия их обитания: Первые результаты совместных советско-франц. Исследований. Вестник АН СССР, 1981, № 10.

10. Джафаров А.К. Средний палеолит Азербайджана. Баку, Элм, 1999.

11. Джафаров А.К. Особенности палеолита Азербайджана. Материалы межд. Науч. Конф. Тбилиси, 2002.

12. Джафаров А.Г. Первые жители Азербайджана. Баку, Элм, 2004.

13. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. Санкт-Петербург, 1998.

14. Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. Санкт-Петербург, 2006.

15. Мусейбов М.А., Гусейнов М.М. Азыхская пещера. Уч. Зап. АГУ им. С.М.Кирова. 1961, № 1.

16. Мамедов А.В., Ширинов Н.Ш. Геоморфологические и ландшафтные особенности и литолого-стратиграфическая характеристика отложений района Азыхской пещеры. Баку, 1979.

17. Мамедов А.В., Алескеров Б.Д. Палеогеография Азербайджана в раннем и среднем плейстоцене. Баку, 1988.

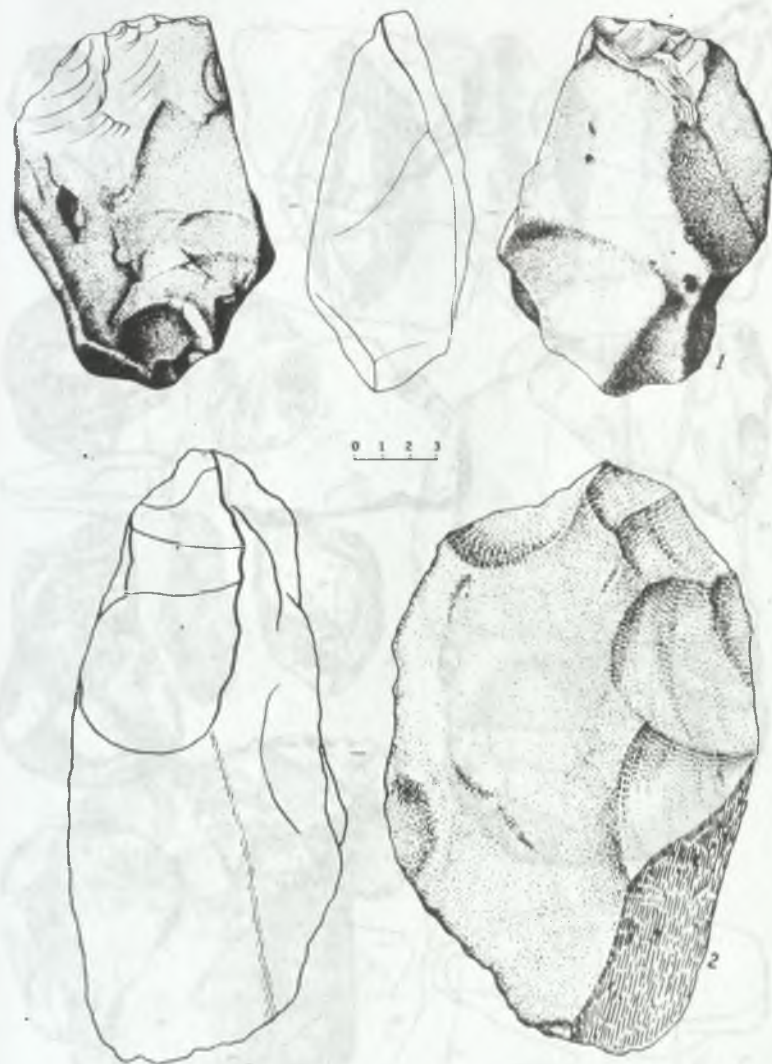

Рис. 5. Пещера Азых. Культура Гуручай.
Образцы каменных орудий.

Рис. 6. Пещера Азых. Культура Гуручай.
Образцы каменных орудий.

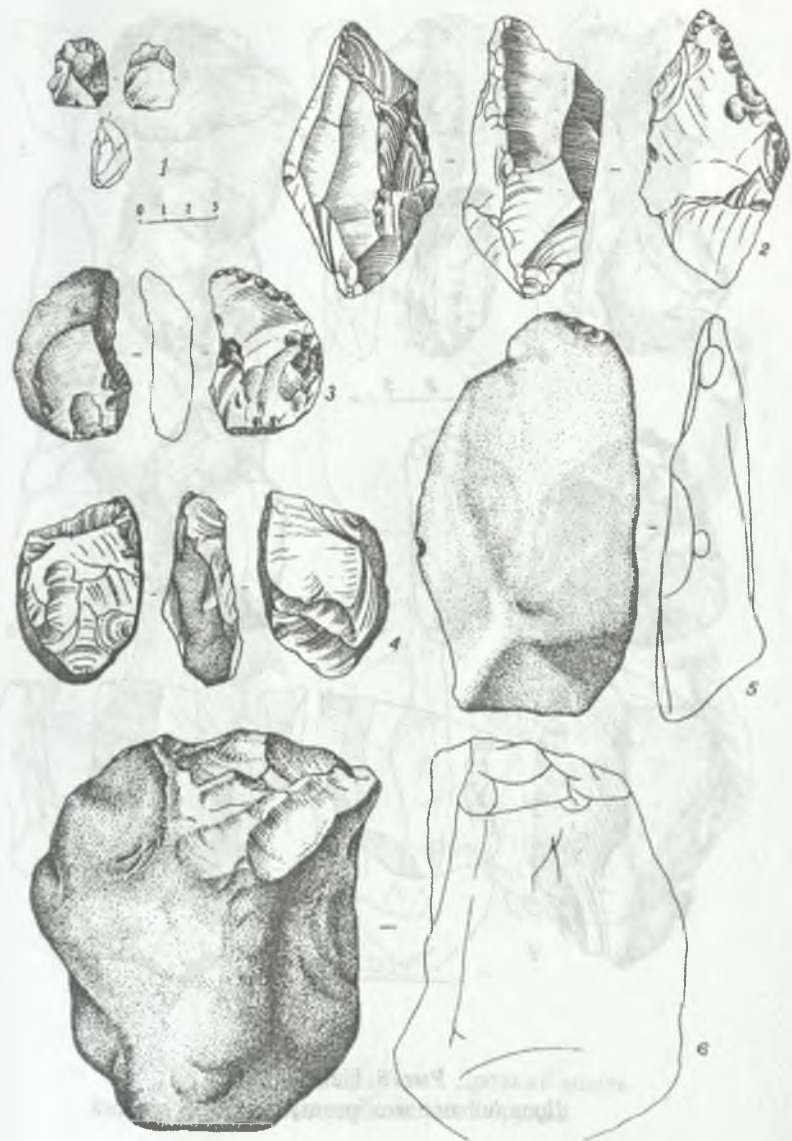

Рис. 7. Пещера Азых. Культура Гуручай.
Образцы каменных орудий.

Рис. 8. Пещера Азых.
Древний ашель образцы каменных орудий.

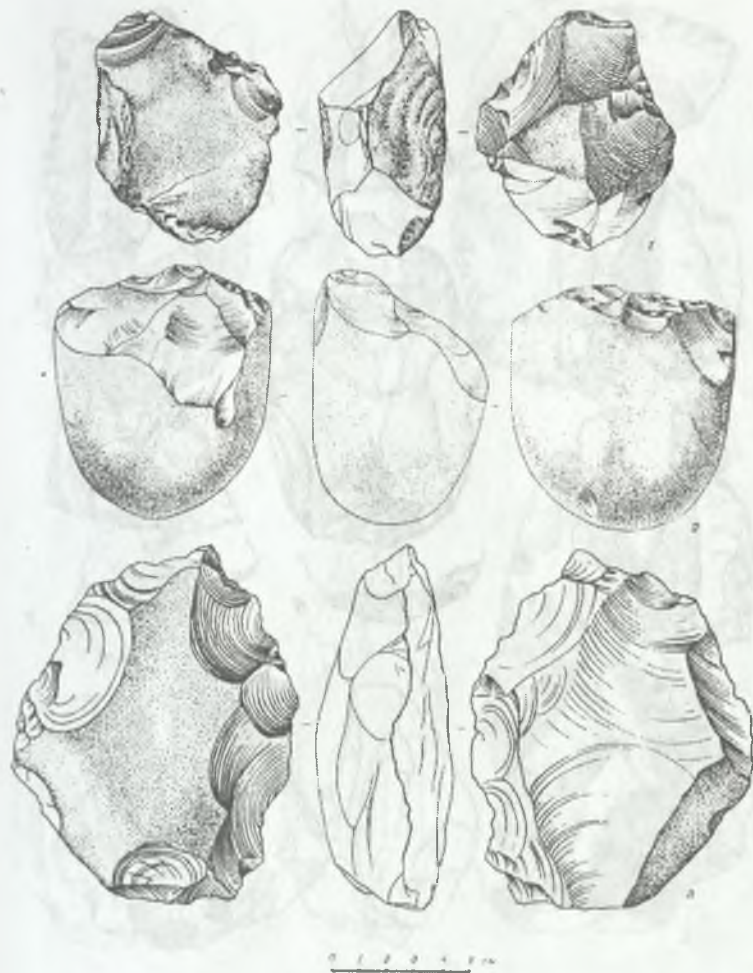

Рис. 9. Пещера Азых. Древний ашель.
Образцы каменных орудий.

Рис. 10. Пещера Азых. Средний ашель.
Образцы каменных орудий.

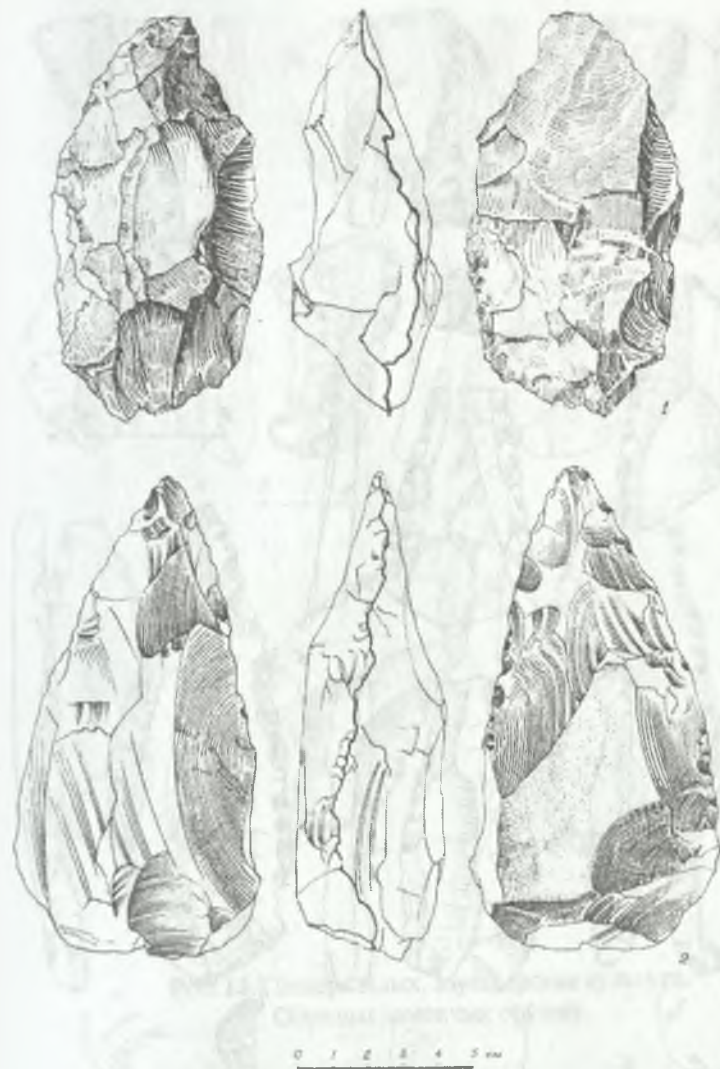

Рис. 11. Пещера Азых.
Средний ашель. Бифасы.

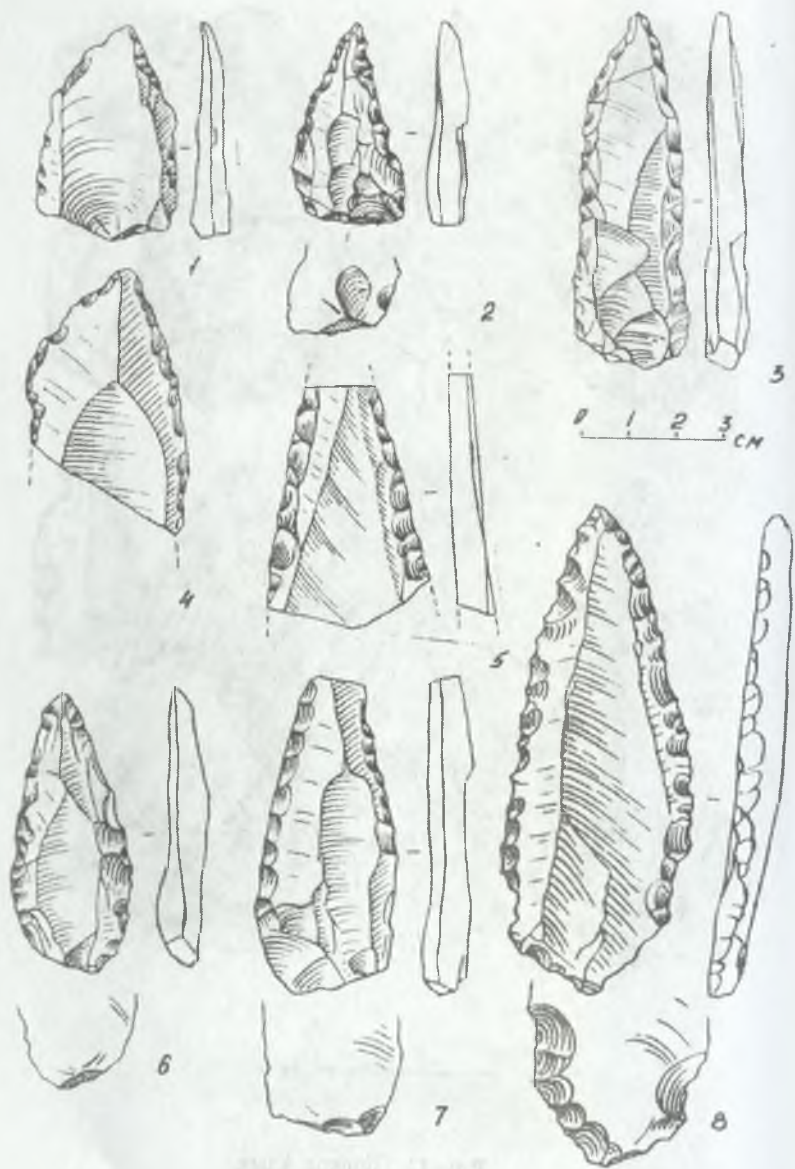

Рис. 12. Пещера Азых. Мустьерская культура.
Образцы остроконечников.

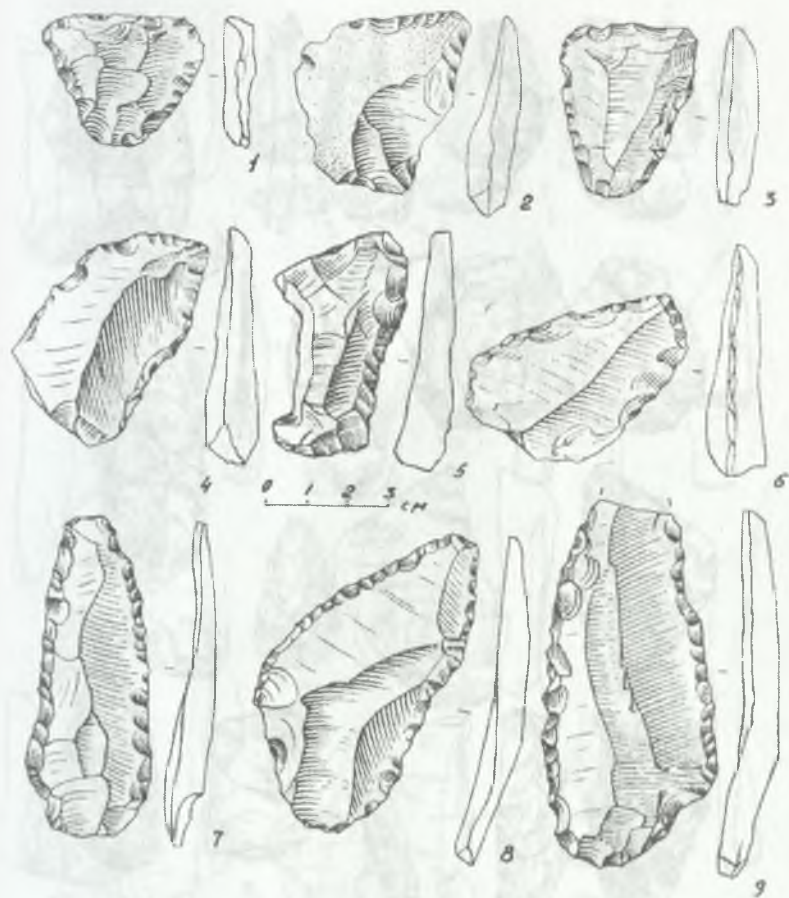

Рис. 13. Пещера Азых. Мустьерская культура.
Образцы каменных орудий.

Рис. 14. Пещера Таглар. Мустьерская культура.
Образцы каменных орудий.

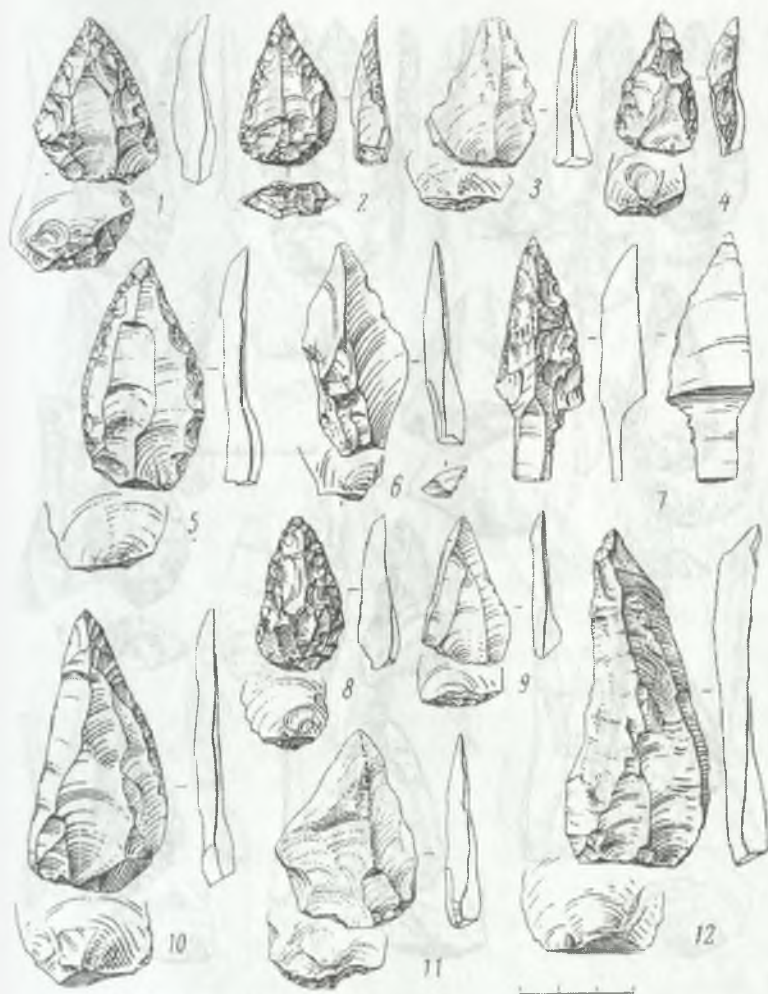

Рис. 15. Пещера Таглар. Мустьерская культура.
Образцы каменных орудий.

Рис. 16. Пещера Таглар. Мустьерская культура.
Образцы каменных орудий.

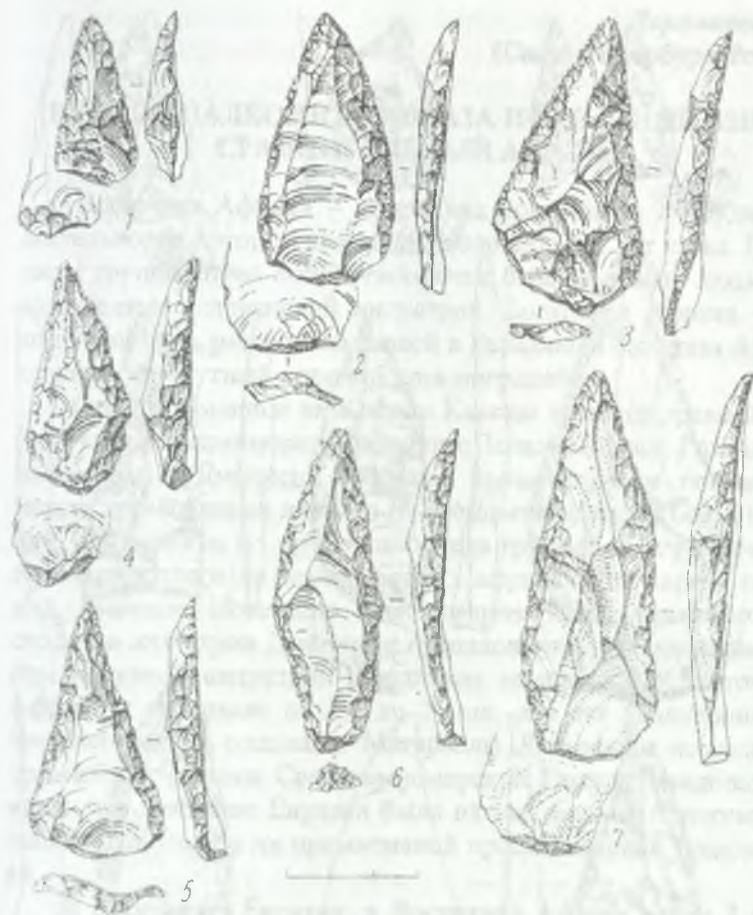

Рис. 17. Пещера Таглар. Мустьерская культура.
Образцы каменных орудий.

РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ КАВКАЗА И ЗАПАДНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Восточная Африка – прародина рода *Homo* и орудийной деятельности, которые возникли около 2,6 млн. лет назад. Гоминиды группы *Homo habilis-rudolfensis* были первыми людьми – создателями олдованской индустрии. Восточная Африка – исходная область расселения людей в Евразию, а Западная Азия – главный сухопутный коридор этих миграций.

Стоянка Дманиси на Южном Кавказе является древнейшим (1,8 млн. лет) памятником палеолита Западной Азии. Гоминиды, найденные в Дманиси, занимают промежуточное положение между древнейшими людьми *H. habilis-rudolfensis* и более поздней, близкой нам по пропорциям тела группой *H. ergaster-erectus*. Антропологи не сомневаются в африканских корнях гоминид Дманиси. Новейшие исследования также указывают на сходство индустрии Дманиси с преолдованом – древнейшим типом каменной индустрии. Он сейчас выделяется в Восточной Африке в интервале от 2,6 до 2 млн. лет как эволюционный предшественник олдована. Материалы Дманиси и нескольких древнейших стоянок Средиземноморской Европы свидетельствуют, что заселение Евразии было начато людьми близкими *H. habilis-rudolfensis* с их примитивной преолдованской технологией.

В отличие от Евразии, в Восточной Африке около 2 млн. л.н. преолдован сменяется олдованом, который отмечен появлением разнообразных ретушированных орудий на отщепках. Около 1,7 млн. лет, когда древнейшие находки гоминид группы *H. ergaster-erectus* отмечены в ископаемых источниках, а первые крупные режущие орудия (рубилы и пики) – в каменных индустриях, олдован перерастает в развитый олдован и ранний ашель. Эти две фации раннеашельского комплекса отмечают начало ашельской эпохи в Африке.

На Кавказе, после Дманиси вплоть до начала среднего плейстоцена достоверные следы обитания человека пока неиз-

Рис. 18. Пещера Таглар. Мустьерская культура.
Образцы каменных орудий.

МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ НА СТОЯНКАХ ВОСТОЧНОГО МИКОКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ВВЕДЕНИЕ

Изучением сырья в материалах стоянок восточного микока Северного Кавказа специально никогда не занимались. Как правило, на основании только визуальных характеристик горных пород исследователями делались предположения об их «местном» или «приносном» происхождении. В то же время, изучение каменных пород, представленных в археологических коллекциях, представляется сегодня чрезвычайно важным и интересным направлением исследований (Geneste, 1985; Feblot-Augustins, 1997; Gregoire, 2000). Оно позволяет получать данные не только о каменном сырье, представленном в коллекциях отдельных стоянок, но и судить о стратегиях использования сырья, которые употреблялись неандертальцами в пределах локальных экологических ниш. В сочетании с технико-типологическим анализом инвентаря археологических памятников, изучение сырья обеспечивает более объективную и глубокую оценку культурно-хозяйственных связей между разными стоянками и регионами, позволяет получать новые данные о характере жизнеобеспечения и адаптациях в эпоху палеолита.

В данной работе автор делает попытку представить первые результаты исследований сырьевых стратегий неандертальцев, проведенных для стоянок восточного микока Северного Кавказа. Здесь известно восемь стратифицированных памятников: пещеры Мезмайская, Матузка, Монашеская, Баракаевская, Губский навес 1, стоянки открытого типа Ильская I, Ильская II и Баранаха 4 (Голованова и Дороничев, 2005). В ходе проведенных в 2008-2009 гг. разведок, были обнаружены два новых памятника: палеолитические стоянки-мастерские на выходах сырья Бесленевская-1 и Хаджох-2 (Голованова и Дороничев, в

вестны. Та же ситуация характерна для Северной Европы и обширной области от Альп до Кавказа. Для Северного Кавказа и Восточной Европы, древнейшим памятником палеолита является нижний слой (около 600 т.л.н.) Треугольной пещеры.

Развитие ашеля на протяжении раннего плейстоцена происходит в Восточной Африке. Здесь около 1 млн. лет ранний ашель сменяется средним ашеlem. Средний ашель – этап развития ашельского комплекса индустрий в интервале от 1 млн. до 600 тыс. лет, который определяется возникновением двух традиций производства крупных режущих орудий. Одна из них – традиция “режущего лезвия” – связана с появлением технологий крупных отщелов, служивших преформами для изготовления рубил и кливеров с острым режущим краем. Индустрии, основанные на этих технологиях, определяются как “ашель с бифасами на крупных отщепах”. Другая традиция основана на концепции “режущего острия” – она выражается в производстве грубых остроконечных бифасов типа фикронов и трехгранных пик.

На Кавказе, хотя и отмечены отдельные находки кливеров, индустрии среднего ашеля, как и ашельские комплексы древнее 350 тыс. лет пока неизвестны. Единственный на Кавказе памятник, культурные слои которого имеют абсолютные даты в интервале от 600 до 350 тыс. лет – это Треугольная пещера. Индустрии этой стоянки относятся к пре-мустьерскому технокомплексу, который характеризует ранний палеолит Центральной и Восточной Европы. Пре-мустьерские индустрии отличает от синхронных ашельских индустрий Западной Европы или Западной Азии отсутствие крупных режущих орудий (рубил и кливеров). Пре-мустьерский комплекс завершает развитие “доашельской” традиции обработки камня, принесенной в Евразию вместе с первой волной расселения людей из Африки. В среднем плейстоцене ареал этой традиции сокращался по мере экспансии ашельских индустрий из Африки в Западную Азию и, через Гибралтар, в Западную Европу. Кавказские горы были одним из рубежей этой экспансии, к северу от которого пре-мустьерские индустрии без ашельских рубил существовали до конца раннего палеолита.

печати; Дороничева, в печати). Возможно, они были связаны со стоянками восточного микока в этом регионе.

Автором были проанализированы коллекции каменных изделий Мезмайской пещеры (слои 3-2А; коллекция 2001 г.), пещеры Матузка (слой 4В, коллекция 1986-2009 гг.), стоянки Баранаха 4 (слой 2; коллекция 1996 г.) и стоянки-мастерской Хаджох-2 (коллекция 2009 г.). Впервые для данного региона, анализ археологических источников был осуществлен с привлечением эталонных образцов сырья из коренных выходов, выявленных и изученных в результате специальных разведочных работ. Нами было проведено петрографическое изучение образцов каменных пород со стоянок палеолита и месторождений на Северо-западном Кавказе. Данные по другим памятникам привлечены из публикаций.

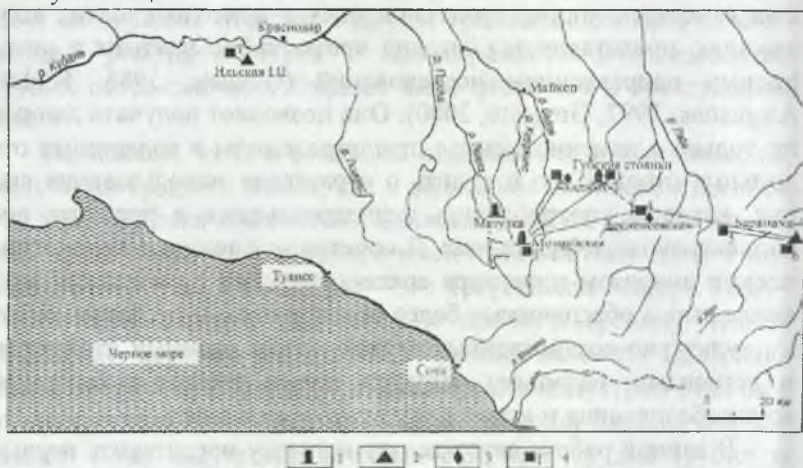

Рисунок 1. Карта с указанием основных стратифицированных стоянок среднего палеолита Северо-западного Кавказа и связанных с ними месторождений каменного сырья.

Условные обозначения: 1 – пещерные стоянки, 2 – стоянки открытого типа, 3 – стоянки-мастерские, 4 – месторождения каменного сырья.

Цифрами обозначены: 1 – месторождение Азиш-тау, 2 – Месторождение Шахан, 3 – месторождение долины р.Губс, 4 – Бесленевское месторождение, 5 – месторождение Ахмат-кай, 6 – выходы известняка на плато Баранаха, 7 – выходы доломита.

Материалы и методы

При исследовании археологических материалов нами использовалась современная методика изучения сырьевых стратегий, применяемая для обработки коллекций эпохи палеолита (Gregoire, 2000; Bressy, 2002; Batalla, 2003). Она предполагает визуальное изучение состава каменного сырья археологических коллекций (с помощью лупы и бинокулярного микроскопа) и петрографические анализы разных пород камня. Важным этапом при исследовании сырьевых стратегий является определение источников происхождения каменного сырья (поиск месторождений, отбор образцов сырья и его изучение при помощи различных естественнонаучных методов), составление эталонной коллекции горных пород. Хочется подчеркнуть, что изучение коренных источников каменного сырья дает важную информацию для оценки ареала распространения горных пород, связанных с последующими процессами разрушения месторождений, переноса и переотложения. Сопоставление микроморфологических особенностей кремней из коренных месторождений и кремневого инвентаря древнего человека позволит разработать модель использования тех или иных источников сырья. Это в свою очередь является важным для оценки мобильности древнего населения и выявления культурных взаимодействий между географически удаленными территориями.

В ходе этих исследований, в 2007-2009 гг. автором были проведены специальные разведочные работы на Северо-западном Кавказе. В результате были изучены известные по литературным данным и открыты новые месторождения, в первую очередь – кремня. Все месторождения были нанесены на карту с помощью навигационного устройства E-Trex Vista Garmin. Для унификации полученных данных всем образцам даны условные обозначения (например, КР-1, где КР означает кремень).

Далее нами были проведены петрографические анализы образцов кремня со стоянок среднего палеолита и месторождений кремня на Северо-западном Кавказе. Петрографические исследования образцов кремня проводились к.г.н. М.А.Кульковой (Российский Государственный Педагогический университет им. А.И.Герцена), Е.В.Дороничевой и С.Грегюар (Centre Européen de

Recherches Préhistoriques, Tautavel, France):

1. В шлифах с использованием поляризационного микроскопа ПОЛАМ-111 при увеличении в 65 раз. Пришлифованные образцы были также изучены под бинокляром под увеличением в 15 раз.

2. В тонких срезах (thin sections; срезы 0.3 мм) с использованием поляризационного микроскопа Nikon Eclipse E 400 POL при увеличении в 20 и 100 раз.

Было отобрано несколько образцов основных визуально отличимых видов каменного сырья в археологических коллекциях; серия образцов была отобрана с каждого месторождения. С помощью этого метода были сделаны детальные описания минерального состава образцов, выделены макро- и микровключения, определены органогенные составляющие и структурные особенности. Эти данные позволили проанализировать образцы по минеральному составу, составу микроорганизмов, особенностям микроструктуры кремня.

Дополнительно, были сделаны анализы образцов кремня в рентгеновских лучах (X-ray analyses) с использованием рентгеновского дифрактометра PANanalytical (Formation Diffraction des Rayons x, X²Pert PRO MPD). Это позволило уточнить данные петрографии и с большей достоверностью судить о происхождении видов сырья, представленных в археологических коллекциях, из определенных месторождений.

В результате проведенного исследования нами была сформирована эталонная коллекция горных пород из всех исследованных месторождений и со стоянок среднего палеолита на Северо-западном Кавказе. Для унификации полученных данных всем образцам даны условные обозначения (например, КР-1, где КР означает кремень). Эта эталонная коллекция незаменима при работе с археологическими коллекциями и позволяет, без привлечения анализов, с высокой степенью достоверности предполагать, что определенный вид сырья в коллекции происходит из определенного месторождения.

Мезмайская пещера

В Мезмайской пещере выделено 7 среднепалеолитических слоев, которые датируются от 70 до 40 тыс.л.н. (Голованова и

др., 1998; Skinner et al., 2005). Основным сырьем, которое использовали неандертальцы Мезмайской пещеры на всех этапах заселения этой стоянки, был кремень. Кремневые изделия составляют 98,1% находок во всех мустьерских слоях. Имеется кремень как местного происхождения, ближайшие выходы которого обнаружены в 2 км от пещеры, так и приносной, доставлявшийся с расстояния 30 и более км.

Рисунок 2. Мезмайская пещера. Коллекция 2001 г. Разновидности сырья в среднепалеолитических слоях: 1 – слой 3, 2 – слой 2В-4, 3 – слой 2В-3, 4 – слой 2В-2, 5 – слой 2В-1, 6 – слой 2А.

При этом основным сырьем служил серый местный кремень невысокого качества (КР-1, 62,0%; рис. 1-2). В нижнем среднепалеолитическом слое 3 из этого сырья сделано 258 предметов (56,6%). Из них две трети (72,9%) составляют обломки, 13,2% - чешуйки и микро-чешуйки, имеются куски сырья (1,9%) и нуклеусы (2,7%).

В нижних слоях 3, 2В-4 и 2В-3 расщепление это сырья производилось в пещере. В то же время, очистка желваков от корки и апробирование сырья, видимо, делались непосредственно на месторождении. Коллекция верхних слоев 2В-2, 2В-1 и 2А на участке раскопа 2001 г. немногочисленна. Поэтому делать какие-либо окончательные выводы о сырьевых стратегиях неан-

дертальцев в этот период пока рано. Видимо, из-за холодных климатических условий в это время люди редко посещали эту высокогорную стоянку (Голованова, Дороничев, 2005).

Важным сырьевым источником для обитателей Мезмайской пещеры в среднем палеолите был приносной кремнез (рис. 2). В результате проведенных исследований удалось определить некоторые источники его поступления. Наиболее активно использовались два месторождения: шаханское (удалено от пещеры примерно на 30-40 км) и бесленеевское (50-60 км от стоянки; рис. 1). Вероятно, люди частично расщепляли шаханский кремнез непосредственно в пещере во время формирования слоя 3. В основном же, в пещеру приносились уже готовые орудия, которые при необходимости подправлялись. Прежде всего, орудиями представлен и бесленеевский кремнез. В коллекции слоя 3, из этого кремнеза изготовлены орудия (3 экз.), чешуйки (3 экз.), обломки (11 экз.) и один отщеп (1 экз.). Отмечено, что от нижних (слои 3 и 2В-4) к верхним (слои 2В-2, 2В-1 и 2А) слоям доля бесленеевского кремнеза в составе сырья увеличивается.

Единичными изделиями в слое 3 представлен кремнез, который, по предварительным данным, происходит из выходов в долине р. Миус на Русской Равнине. Эти выходы расположены на расстоянии 300 км от Мезмайской пещеры. Кроме того, в небольшом количестве неандертальцы использовали и другие виды приносного кремнеза: черный, ярко-рыжий, пестрый и молочный. Месторождения этого кремнеза пока не обнаружены.

Неандертальцы Мезмайской пещеры использовали и другие осадочные породы (песчаник, алевролит и др.), особенно активно - в нижних мустьерских слоях 3, 2В-4 и 2В-3, где эти породы представлены орудиями, мелкими обломками и чешуйками. Определить источники поступления песчаника, алевролита, лимонита и сланца пока не удалось. Обследование русла р. Сухой Курджипс, в правом борту которой расположена Мезмайская пещера, не дало результата, здесь эти породы отсутствовали. Кальцит и сталактит, скорее всего, подбирались древними людьми непосредственно в пещере. В верхних мустьерских слоях все эти каменные породы не представлены.

В небольшом количестве использовался обсидиан. Он

представлен в коллекции 2001 года единичными изделиями в слоях 3 (1 экз.), 2В-4 (1 экз.) и 2А (1 экз.). Согласно данным Стивена Шэкли (Golovanova et al., 2010), обсидиан происходит из выходов у селения Заюково в Кабардино-Балкарии, которые находятся примерно в 200 км к востоку от Мезмайской пещеры.

Отмеченная закономерность в использовании не кремневых осадочных пород, выходы которых не известны в окрестностях Мезмайской пещеры (в том числе обсидиана), как и более интенсивная эксплуатация в нижних слоях разнообразных сортов неместного кремнеза из удаленных источников (от 30-60 до 300 км), видимо, указывает на значительные изменения сырьевых стратегий местных неандертальцев. Можно предполагать, что столь большое разнообразие приносного сырья в нижних слоях указывает на более интенсивные перемещения и обширный ареал миграций групп неандертальцев в эти периоды. Наряду с принесенным сырьем, представленным главным образом орудиями, активно разрабатывались и местные сырьевые ресурсы. В верхних слоях, для которых фиксируется похолодание климата, отмечается снижение интенсивности посещения пещеры людьми и сужение сырьевой базы местных неандертальцев.

Пещера Матузка

В пещере Матузка (рис.1) выделено 12 мустьерских слоев, которые датируются от 130 до 40 тыс.л.н. В этих слоях представлены разные каменные индустрии. К восточно-европейскому микоку относится только немногочисленная коллекция из слоя 4В (Голованова и др., 2006).

Основным сырьем служил кремнез (36 экз.): серый, пестроцветный (серо-бело-коричневый) и розовый. Источники его поступления пока не определены (рис. 3). Выделен кремнез аллювиального происхождения. Сегодня его можно встретить в галечнике р. Пшехи. Среди находок имеются орудия (4 экз.), обломки и нуклеус.

Следует отметить, что рядом с пещерой Матузка выходы кремнеза отсутствуют. На всех этапах существования здесь стоянок древнего человека он приносил с собой уже готовые к использованию орудия или отщепы. При необходимости они под-

правлялись. Свидетельство этому – находки единичных чешуек. Единственный фрагмент нуклеуса, найденный в слое 4В (в коллекции 2001 года), использован до предела.

Рисунок 3. Пещера Матузка.
Разновидности сырья в слое 4В.

Кроме кремня, использовались такие породы как алевролит, песчаник, окремненный известняк и сланец (21 экз.; рис. 3). Прежде всего, эти виды сырья представлены орудиями.

Стоянка Баранаха-4

Стоянка Баранаха 4 является самым восточным памятником Восточно-Европейского микрока на Северном Кавказе (Голованова, 1997, с. 19; рис. 1). Изученная автором коллекция каменных изделий из мустьерского слоя 2 стоянки Баранаха 4 насчитывает 424 предмета. Основным сырьем, которое использовали неандертальцы стоянки Баранаха 4, был местный серый и коричневатый окремненный известняк невысокого качества (раскристаллизованная агат-халцедоновая структура, определение М.А.Кульковой; рис. 4). Ближайшие выходы окремненного известняка имеются в той же балке, что и стоянка. Изделия из известняка составляют 75.2% (319 экз.) находок в слое 2. Почти

половину коллекции составляют сколы, имеются чешуйки, мелкие обломки, куски сырья и нуклеусы. 24% составляют орудия. Важно, что данное сырье по своим свойствам значительно уступает серому местному кремню. Нуклеусы и орудия из этого сырья представлены в основном фрагментами. Состав коллекции указывает на то, что расщепление это сырья производилось непосредственно на стоянке.

Рисунок 4. Стоянка Баранаха-4.
Коллекция 1996 г. Разновидности сырья
в среднепалеолитическом слое 2.

14.6%) использовалось месторождение кремня на плато Ахмат-Кая (КР-44) примерно в 40 км от Баранахи (рис. 1). Вероятно, неандертальцы частично расщепляли это сырье на стоянке. В коллекции выделены единичные (4 экз.) нуклеусы, технические сколы (4 экз.) и отщепы (18 экз.) из этого кремня. Все нуклеусы сильно сработаны. Орудия немногочисленны (9 экз.). Вероятно, это сырье приносилось на стоянку в виде пренуклеусов и качественных сколов (пластинчатые сколы составляют 35.3%). Апробация, очистка желваков от корки и первичное расщепление сырья производились непосредственно на месторождении.

Другим источником поступления высококачественного кремня было бесленеевское месторождение (КР-5), расположенное примерно в 70 км от стоянки Баранаха 4. Находки из этого сырья составляют в нашей коллекции 1.2% (5 экз.). На стоянку

Важным сырьевым источником для обитателей стоянки в среднем палеолите был кремень. Выходы этого сырья в непосредственной близости от стоянки отсутствуют. В результате проведенных исследований удалось определить некоторые источники его поступления. Наиболее активно (62 экз.;

приносились уже готовые орудия (3 экз.) или сколы-заготовки (2 экз.), которые при необходимости подправлялись.

Единичными орудиями (4 экз.) и сколами (2 экз.) в слое 2 также представлены коричневый и темно-зеленый кремни (6 экз.; 1,4%). Месторождения этих пород пока не установлены.

Неандертальцы стоянки Баранаха 4 использовали и такие породы как сланец, роговик, кварцит, кальцит, песчаник (32 экз.; 7,5%). Определить источники поступления всех этих пород пока не удалось. Из песчаника в коллекции представлены две гальки. Вероятнее всего, одна из них использовалась как ретушер. Вторая галька могла быть терочником. Из сланца и роговика были сделаны единичные отщепы. Более активно использовался кварцит: он представлен серией отщепов (20 экз.) и нуклеусом, имеются немногочисленные обломки.

Стоянка-мастерская Хаджох-2

Стоянка-мастерская Хаджох-2 исследована только предварительно. Она была открыта автором в ходе разведочных работ 2008 года и раскапывалась в 2009 г. Согласно схеме С.А.Несмеянова (Несмеянов, 1999), терраса, к которой приурочена стоянка Хаджох-2, предварительно может сопоставляться с Хаджохским геоморфологическим уровнем и датироваться поздним средним плейстоценом. Эта датировка на сегодняшний день носит предварительный характер.

В слоях 1-5 археологические находки пока не обнаружены. Коллекция слоя 7 немногочисленна (всего 24 изделия) и, вероятно, относится к более раннему времени. В данной работе нами представлена коллекция слоя 6. На сегодняшний день она включает 295 предмета. Все они были изготовлены из шаханского коричневого желвачного кремня (КР-9). Стоянка-мастерская Хаджох-2 находится непосредственно на выходах этого сырья. В нижележащем слое 7 содержатся крупные кремневые желваки, которые происходят из коренных отложений.

Технико-типологическая характеристика коллекции каменных изделий стоянки Хаджох-2 дает основания говорить, что здесь представлены материалы эпохи среднего палеолита. Индустрия характеризуется плоскостным параллельным скалыванием. Среди сколов преобладают отщепы с коркой (первичные,

полупервичные и отщепы с коркой - 60,0 %). В то же время, имеются единичные пластинчатые снятия (7,0%). Орудийный набор представлен скреблами (простыми продольными поперечными формами) и комбинированными орудием.

Возможно, данная мастерская была связана с неандертальцами Мезмайской пещеры. Известно, что во всех среднепалеолитических слоях Мезмайской пещеры использовался тот же кремнь, который представлен на стоянке-мастерской Хаджох-2, которая расположена на мощных выходах высококачественного кремня. При этом в Мезмайскую пещеру этот кремнь приносился, прежде всего, в виде готовых к использованию орудий. Нуклеусы и сколы из этого сырья в Мезмайской пещере единичны. Вероятно, апробация, очистка желваков от корки и первичное расщепление производились на выходах сырья или на мастерской. Такой мастерской может быть стоянка-мастерская Хаджох-2. Дополнительным подтверждением того, что носители микокских индустрий посещали именно эту мастерскую, является то, что в непосредственной близости от стоянки был найден фрагмент бифасиальной формы, близкой тем, что выделены в материалах Мезмайской пещеры. Дальнейшие раскопки этого памятника позволят уточнить или опровергнуть предположение о связях, существовавших между этими двумя памятниками в эпоху палеолита.

Стоянки Губского ущелья

Аналогии материалам Мезмайской пещеры исследователи стоянки (Голованова и Дороничев, 2005) отмечают в Губских памятниках (Монашеская, Баракаевская пещеры и Губский Навес 1). Что касается сырья, то его детальный сравнительный анализ возможен только с опубликованными данными по Монашеской пещере (Беляева 1999; см. табл. 1, 2). Для всех остальных стоянок Губского ущелья, а также Ильской стоянки в Прикубанье количественные данные по сырью не опубликованы.

Как отмечает Беляева (1999, с. 72-73), основным сырьем неандертальцев Монашеской пещеры был местный темно-серый или черный кремнь (табл. 1). В виде мелких желваков он представлен включениями в известняковые стены каньона, в том числе в самой пещере.

Таблица 1

Процент местного кремня в категориях нуклеусов и орудий в материалах Монашеской (Беляева, 1999) и Мезмайской (коллекция 2001 года) пещер.

Монашеская пещера				Мезмайская пещера			
Слой	Всего	Нуклеусы	Орудия	Слой	Всего	Нуклеусы	Орудия
2	*	93,5	79,6	2А	57,1	–	40
3А-1	*	91,5	75,6	2В-1	44,7	–	–
3А-2	*	95,7	75,4	2В-2	88,7	–	100
3А-3	*	95,7	74,6	2В-3	75,7	100	66,7
4	*	96,9	67,3	2В-4	59,8	100	48,4
				3	56,6	87,5	47,6

* - нет опубликованных данных

Из таблицы 1 видно, что местный кремень доминировал в сырьевых базах обоих стоянок. Для более объективного сравнения этих индустрий количество нуклеусов и орудий в каждом слое было рассчитано на 1 куб. метр. В Монашеской пещере на 1 куб. метр в слое 3А (горизонты 1, 2 и 3) приходится соответственно 20, 27 и 25 нуклеусов из местного сырья. Такое же соотношение наблюдается и среди орудий: в слое 3А концентрация орудий составляет 149, 95 и 48 соответственно в 1, 2 и 3 горизонтах. В Мезмайской пещере, где ближайшие выходы сырья известны в 2 км от стоянки, нуклеусы во всех слоях единичны. В наиболее активные периоды заселения пещеры (слои 3 и 2В-4) здесь приходится 9,5 орудий на куб. метр в слое 3 и 8,6 орудий – в слое 2В-4. Таким образом, имея выходы кремня непосредственно на стоянке, неандертальцы Монашеской пещеры расщепляли его на месте. Здесь же они изготавливали орудия, т.к. орудия из местного кремня преобладают во всех слоях (табл. 1). Наоборот, в Мезмайскую пещеру люди приносили уже очищенные от корки куски кремня или готовые нуклеусы, которые добывали и частично расщепляли на стоянке. Следует также отметить, что в нижних слоях 3 и 2В-4 Мезмайской пещеры орудий из местного кремня меньше, чем из приносного кремня (табл. 2).

Таблица 2.

Процент приносного кремня в категориях нуклеусов и орудий в материалах Монашеской (Беляева, 1999) и Мезмайской (коллекция 2001 года) пещер.

Монашеская пещера				Мезмайская пещера			
Слой	Всего	Нуклеусы	Орудия	Слой	Всего	Нуклеусы	Орудия
2	*	6,5	20,4	2А	42,9	–	60
3А-1	*	8,5	24,4	2В-1	55,3	–	–
3А-2	*	4,3	24,6	2В-2	11,3	–	–
3А-3	*	4,3	25,4	2В-3	24,3	–	33,3
4	*	3,1	32,7	2В-4	40,2	–	51,6
				3	43,4	12,5	52,4

* - нет опубликованных данных

Изделия из приносного кремня в коллекции Монашеской пещеры немногочисленны (Беляева, 1999, с.72), хотя среди орудий процентное содержание приносного сырья достаточно высокое (т. 2). Беляева отмечает, что от нижних к верхним слоям идет постепенное сокращение доли этого сырья среди орудий наряду с увеличением его доли среди нуклеусов и сколов. Исследователь связывает это с тем, что в более позднее время неандертальцы Губского ущелья испытывали затруднения в доступе к источникам сырья.

Подсчитав количество нуклеусов и орудий из приносного кремня в расчете на куб. метр для двух этих памятников, можно отметить, что в Монашеской пещере наибольшая концентрация находок из приносного сырья характерна для слоя 3А – наиболее активного периода заселения пещеры человеком. Для сравнения, в слое 4 Монашеской на один куб. метр приходится три орудия из приносного кремня, а в слое 3А это количество составляет 48, 31 и 14 соответственно в горизонтах 1, 2 и 3. Увеличение доли приносного кремня от нижних к верхним слоям характерно и для Мезмайской пещеры. Вероятнее всего это связано с кратковременностью стоянок в верхних слоях Мезмайской.

Мустьерская индустрия Губского навеса 1, согласно Любинову (1977, с.179), как и в Монашеской пещере, полностью базировалась на сырьевых ресурсах Борисовского ущелья р. Губс.

Особенно подчеркивается, что местные смолисто-черные кремни широко представлены в составе орудий, но немногочисленны среди нуклеусов и сколов. В то же время, приносные сорта кремня розовато-медового или светлого цветов встречены лишь в виде сдвинутых орудий.

Для Баракаевской пещеры также отмечается (Любин, Аулев, 1994, с.100) абсолютное доминирование в коллекции местного смолисто-черного и темно-серого кремня. Причем, как и в других микокских памятниках этого региона, местное сырье частично расщеплялось на самой стоянке. Изделия из приносного светлого, светло-серого, белого, серо-голубоватого, светло-коричневого, желтовато-медового, зеленоватого и некоторых других сортов кремня приносились на стоянку в виде готовых орудий или сколов-заготовок.

Стоянки Ильская I и II

Для Ильской мустьерской стоянки указывается (Городцов, 1941; Нехорошев, 1987), что люди расщепляли местные породы камня: кремень, лидит (разновидность яшмы), алевролит, кремнистый песчаник и доломит. Исследователи предполагали, что древний человек мог брать материалы для своих каменных орудий (кремень, черную яшму (лидит), кварц, кварцит, халцедон, сердолик и твердый песчаник) из древних террас р. Иль. Мелкое галечное сырье обуславливало и небольшие размеры самих вещей. Часто орудия изготавливались прямо на гальках путем их обивки.

На стоянке Ильская II выделяется семь стратиграфических горизонтов. В.Е.Щелинский отмечает (Scelinskij, 1998), что во всех слоях, кроме первого и шестого, представлены долговременные стоянки. В 3-м культурном слое Ильской II Щелинский (2005) предполагает существование мастерской по обработке доломита, из которого изготовлено большое количество отщепов, пластин и треугольных острий.

Заключение

Исследования, проведенные автором для стоянок восточного микока Северного Кавказа позволяют выделить три зоны

эксплуатации каменных ресурсов и разные варианты мобильности, для каждого из которых характерна определенная модель использования сырья:

Первая зона включает ближайшие 5 км в радиусе от стоянки. Это местное сырье составляло основу сырьевой базы неандертальцев (70-98% в индустрии). Можно выделить два варианта использования местного сырья.

Когда месторождения были расположены в пределах самого памятника, то полный цикл расщепления, изготовление и использование орудий из этого сырья происходил непосредственно на стоянке. Это характерная особенность таких комплексов, как слой 3А (горизонты 1, 2 и 3) Монашеской пещеры, слой 2 Баракаевской пещеры, слои 5-7 Губского навеса 1, слой 3 Ильской II и слой 2 стоянки Баранаха 4. При этом для Губских памятников местным сырьем был кремень, для Ильских стоянок - кремень и доломит, для стоянки Баранаха 4 - окремненный известняк (Нехорошев, 1987; Беляева, 1999; Щелинский, 2005).

Для Мезмайской пещеры ближайшие установленные выходы кремня известны только в 2 км от памятника (месторождение на хребте Азиш-тау). Поэтому апробация и первичное расщепление сырья производилось не на стоянке, а на выходах сырья или специальных мастерских. В пещеру неандертальцы транспортировали уже очищенные от корки куски сырья и производили здесь дальнейшее расщепление.

Вторая зона включает выходы сырья, удаленные от стоянки на 5-70 км. Это высококачественное сырье составляло от 10 до 50% в индустрии. Его транспортировка производилась в виде очищенных от корки желваков, сколов-заготовок и ретушированных орудий.

Этот тип мобильности документируют находки во всех среднеспалеолитических слоях Мезмайской пещеры изделий из Шаханского (30-40 км от Мезмайской) и Бесленевского (50-60 км) месторождений, изделия из бесленевского кремня (50 км от Матузки) в слое 4В пещеры Матузка и слое 2 (70 км от Баранаха 4) стоянки Баранаха 4. Он также подтверждается наличием кремня из месторождения на плато Ахмат-Кая на стоянке Баранаха 4 (40 км). Кроме того, кремень из месторождения в долине

Губса (50-60 км от Мезмайской) был выделен в среднепалеолитических коллекциях Мезмайской пещеры.

В ходе проведенных полевых исследований в 2007-2009 гг. на Бесленевском и Шаханском месторождениях кремня нами были обнаружены палеолитические стоянки-мастерские Бесленевская-1 и Хаджох-2, которые свидетельствуют о том, что именно эти выходы активно разрабатывались в эпоху палеолита и, вероятно, были связаны с индустриями восточного микока.

Транспортировка готовых к использованию орудий из удаленных источников сырья представляет важную черту поведения неандертальцев Северного Кавказа. Эту особенность можно рассматривать, во-первых, как отражение свойственной им стратегии дефицита (бережливого отношения) к изделиям из качественного сырья, приносимых издалека; во-вторых, как свидетельство их технологической ограниченности, выражающейся как в неспособности изготовления пригодных для дальнейшего использования пренуклеусов, так и в ограниченных возможностях получения качественных серийных заготовок при расщеплении нуклеусов.

Было установлено, что месторождения высококачественного кремневого сырья были известны неандертальцам Северо-западного Кавказа. Например, бесленевский цветной кремль был нами выделен в материалах Мезмайской пещеры, пещеры Матузка и стоянки Баранаха 4. Для Губских памятников известно (Любин, 1974; Беляева, 1999), что значительная часть изделий была изготовлена из светло-серого, серо-голубоватого, желтовато-медового, розовато-медового и некоторых других сортов высококачественного кремня. Возможно, эти разновидности кремневого сырья также происходят из месторождения Бесленевское-1, которое находится на расстоянии примерно 25 км от Губских стоянок. Таким образом, высококачественный бесленевский кремль представлен практически на всех среднепалеолитических памятниках этого региона. Причем, основываясь на данных Мезмайской пещеры, можно предполагать, что он использовался на протяжении всей эпохи среднего палеолита.

Третья зона включает выходы сырья, удаленные от 100 до

200-300 км от стоянки. Каменное сырье, происходящее с расстояния более 100 км, составляет не более 1% в общем составе сырья. Оно транспортировалось в виде сколов-заготовок и ретушированных орудий.

Этот тип мобильности документируется пока только для Мезмайской пещеры. Он подтверждается, во-первых, присутствием в Мезмайской пещере изделий из кабардино-балкарского обсидиана (Месторождение Заюково примерно в 200 км от Мезмайской пещеры; Golovanova et al., 2010); во-вторых, единичными находками из предположительно миусского кремня (месторождение в пос. Лысогорка, примерно в 300 км от Мезмайской пещеры).

На основании изучения транспортировки сырья для памятников восточного микока на Северо-Западном Кавказе нами были выявлены как **внутри региональные** (до 100км), так и **межрегиональные** (от 100 до 200-300км) миграции неандертальцев. Важно отметить, что мобильность неандертальцев в пределах 100 км фиксируется и для других районов Евразии (Geneste, 1985; 1990; Turq, 1989; Gregoire, 2000; Adler et al., 2006). В то же время, межрегиональные перемещения пока не отмечаются для неандертальских групп других регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е.В., 1999. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 212 с.
2. Голованова Л.В., 1997. Отчет о работе Северо-Кавказской палеолитической экспедиции в 1996 г. СПб, 93 с.
3. Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П., 1998. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987-95 гг.). // Российская археология, № 3. М. С. 85-98
4. Голованова Л.В., Дороничев В.В., 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Под ред. И.И.Марченко. Краснодар: Кубанский Государственный Уни-

верситет. С. 3-72.

5. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М., 2006. Пещера Матузка. Санкт-Петербург: Островитянин, 194 с.

6. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., в печати. Изучение среднего палеолита на Северо-западном Кавказе // Археологические открытия 2008 г. М

7. Городцов В.А., 1941. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение) // Материалы и Исследования по археологии СССР, № 2. С. 7-25

8. Дороничева Е.В., в печати. Исследование палеолитической мастерской Хаджох-2 на Северо-западном Кавказе // Археологические открытия 2009 г. М

9. Любин В.П., 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Ленинград: Наука, 283 с

10. Любин В.П., Аутлев П.У., 1994. Каменный инвентарь мустьерского слоя. // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп: Меоты, с. 99-141

11. Несмеянов С.А., 1999. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М: Научный мир, 391 с.

12. Нехорошев П.Е., 1987. Сырье и нуклеусы мустьерской стоянки Ильская I (по материалам раскопок С.Н.Замятина и В.А.Городцова) // Краткие сообщения, № 189. С. 22 – 26.

13. Щелнинский В.Е., 2005. О стратиграфии и культурной принадлежности Ильской стоянки // Четвертая кубанская археологическая конференция. Под ред. И.И.Марченко. Краснодар: Символика, с. 309-316

14. Adler D.S., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O., 2006. Between a Rock and a hard place: Neanderthal-modern human Interactions in the Southern Caucasus. // Neanderthals and modern Humans. Ed. N.J. Conard. Kerns Verlag Tubingen, pp. 1-24

15. Batalla Llasat G., 2003. Les industries du Paleolithique inferieur du Cau del Duc de Torroella de Montgri, Cau del Duc D'ulla et de la Caune de l'Arago, leur place dans le contexte des industries du Paleolithique inferieur du basin mediterraneen. Thèse. Perpignan:

Universite de Perpignan, Centre Européen de Recherches Préhistoriques de Tautavel, 581 p.

16. Bressy C., 2002. Caracterisation et gestion du silex des sites mesolithiques et neolithiques du nord-ouest de l'Arc Alpin. Une approche pétrographique et géochimique. Thèse. Universite aix-Marseille I – Université de Provence, tome 1. 230 p.

17. Féblot-Augustins J., 1997. La circulation des matières premières au Paléolithique. ERAUL, 1997. № 75. tome 1. 230 p.

18. Geneste, J.M., 1985. Analyse lithique d'industries Moustériennes du Périgord: une approche technologique du comportement des groupes humains au Paléolithique moyen. Thèse. Bordeaux: Université de Bordeaux I, 2 tomes. 567 p.

19. Geneste, J.M., 1990. Développement des systèmes de production lithique au cours du paléolithique moyen en Aquitaine septentrionale. In: Paléolithique Moyen Récent et Paléolithique Supérieur Ancien en Europe. C. Farizy (ed.). Nemours: Mémoires du Musée de Préhistoire d'Île de France, № 3, pp. 205-207.

20. Golovanova, L.V., V.B. Doronichev, M.A. Kulkova, N. Cleghorn, & T.V. Sapelko, 2010 (submitted). Significance of Ecological Factors in the Middle to Upper Paleolithic Transition // Current Anthropology

21. Grégoire S., 2000. Origine des matières premières des industries lithiques du Paléolithique pyrénéen et méditerranéen. Contribution à la connaissance des aires de circulation humaines. Thèse. Perpignan: Université de Perpignan. tome 1. 246 p.

22. Scelinskiy V., 1998. Der mittelpalaolithische fundplatz IIskaja il im westlichen Kubangebiet. Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums. Jahrgang 45. Mainz. Pp. 131-165.

Skinner A.R., Blackwell B.A.B., Martin Sara, Ortega A., Blickstein J.I.B., Golovanova L.V., Doronichev V.B., 2005. ESR Dating at Mezmaiskaya Cave, Russia. // Applied Radiation & Isotopes, pp. 219-224

Turq, A., 1989. Exploitation des matières premières lithiques et occupation du sol: l'exemple du Moustérien entre Dordogne et Lot. // Variations des Paléomilieus et Peuplement Préhistorique. Ed. H. Laville. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, pp. 179-204.

*Зейналов А.А.
(Баку, Азербайджан)*

МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА ГАЗМА В НАХЧЫВАНЕ

История изучения

Открытия последних десятилетий в области антропологии и археологии древнекаменного века позволили не только существенно углубить время появления человека на земле, но и определить миграционные пути различных популяций гоминидов.

Определенный вклад в ревизию взглядов о месте и времени становления древнейших людей, о начале и развитии их орудийной деятельности, путях их миграции внесли и исследователи палеолита Азербайджана [Hüseynov, 1975; Гусейнов, 1985; Джафаров, 1999; Мансуров, 1978].

Открытие в 1953 года первого палеолитического местонахождения в Азербайджане - грота Дамджылы в Казахском районе, положило начало планомерным исследованиям палеолита на этой территории. Палеолитическими экспедициями и отрядами Института археологии и этнографии Азербайджана были исследованы западные районы Азербайджана, области Малого Кавказа и Талышские горы на юго-востоке Азербайджана. Результатом этих исследований стало открытие более 30 палеолитических памятников, 8 из которых стоянки пещерного типа.

Что касается Нахчыванской Автономной Республики Азербайджана, то первые целевые поиски следов каменного века были предприняты еще в 19 веке И.С. Поляковым. Однако, несмотря на их тщетность, поиски оказались безрезультатными [Поляков, 1882]. Следующая попытка найти каменный век в Нахчыване была предпринята лишь спустя более ста лет.

В 1983 году при проведении разведочных работ в Нахчыванской Автономной Республике палеолитической экспедицией Института истории АН Азербайджана под руководством М.М. Гусейнова и А.К. Джафарова была открыта мустьерская пещерная стоянка Газма - первая стоянка каменного века в Нахчыване [Гусейнов, 1985].

Палеогеография пещерной стоянки Газма

Территория Нахчыванской Автономной Республики принадлежит к складчатой системе южной части Малого Кавказа, к Закавказскому нагорью. Геологические образования состоят здесь из осадочных (морских и континентальных) и интрузивных пород, сильно дислоцированных и часто покрытых постплиоценовыми галечниками, конгломератами и травертинами [Абасов, 1970].

Исследуемый район расположен в северо-западной части Нахичеванской АР, принадлежащей в основном к области юго-западных отрогов Даралагезского хребта и лишь в незначительной мере к его главному водоразделу. Она охватывает бассейны нижнего и среднего течения рек Восточного Арпачая, Нахичеванчая и ее крупного правого притока Джагрычая [Азизбеков, 1961].

Пещера Газма расположена в Шарурском районе Нахичеванской автономной республики, в 3-х км юго-восточнее селения Тананам и в 11-ти км северо-восточнее селения Гарабаглар на левом склоне сухой долины в бассейне реки Арпачай, на абсолютной высоте 1450 м над уровнем моря, относительной 30 м над уровнем реки Арпачай [Hüseynov və b., 1991].

Пещера Газма сохранилась в реликтивно-известняковом останцовом массиве (рис. 1). Она образована из доломитизированных известняков верхнего триаса. Пещера коридорного типа, высота привходовой части чуть более 2 м, ширина около 6 м. В 12 м от капельной линии пещера расходится на два рукава. Левый рукав продолжается горизонтально около 7 м, а правый рукав около 13 м ступенчатообразный (высота ступеней 0,5-1 м), поднимаясь к кровле пещеры под углом в 60°, завершается тупиком. Разница в высоте между концом и началом пещеры достигает 10 м [Əyubov, Əliyev, 1969]. Пещера имеет северо-восточную экспозицию. Вход в нее обращен к ущелью Газма.

В пещере Газма был проведен палинологический и гранулометрический анализ. Палинологическому исследованию подверглись 12 образцов, взятых из поперечного разреза пещеры.

Для гранулометрического анализа было исследовано 6 образцов из пещерных отложений. По одному образцу из III и VI

слоев и по 2 образца из IV и V слоев отложений пещеры. По данным палинологического и гранулометрического анализа отложений пещеры Газма, район пещеры представлял собой светлые дубовые леса и аридные можжевельниковые редколесья с ксерофильными травами.

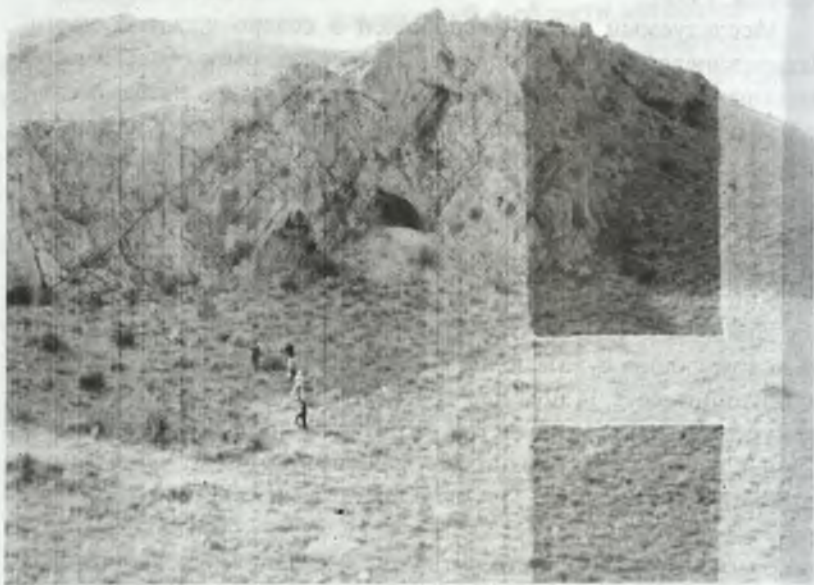

Рис. 1. Общий вид пещеры Газма.

Условия проживания для человека были намного благоприятнее современных. Климат был хоть и аридным, но намного влажным, чем сейчас. Вполне возможно, что несколько выше протягивался и лесной пояс. Интересно и тот факт, что обитание человека в пещере Газма совпадает с процессом увеличения влажности климата всего района. Когда же эта влажность стала уменьшаться, то человек покидает пещеру.

Рис. 2. Пещера Газма. Общий вид раскопа

Стратиграфия отложений

В течение шести полевых сезонов раскопками было вскрыто более 30 кв. м площади пещеры на уровне мустьерских слоев (Рис. 2). Получен 6-ти метровый поперечный разрез в привходной части пещеры (Рис. 3) и почти 3-х метровый в глубине пещеры (Рис. 4).

Археологическими раскопками в пещере вскрыто 6 слоев мощностью около трех метров. I слой - позднеголоценовый, содержит фрагменты керамики энеолитического, бронзового и средневекового периодов и небольшой остеологический материал, принадлежащий домашним животным. II и III слои представляют собой суглинок различных оттенков содержащих большое количество мелкообломочного материала.

Наибольший интерес представляют IV-VI слои содержащие каменные артефакты мустьерского периода и следы охотничьей и хозяйственной деятельности. В целом вся толща палеолитических культурных слоев (слои IV-VI) литологически тождествен-

на: это легкий суглинок, незначительно варьирующий по цвету, с очажными и илистыми прослойками и с известняковым щебнем.

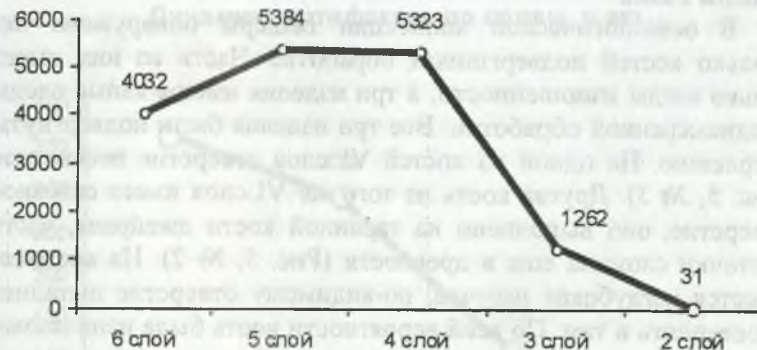
Рис. 4. Пещера Газма. Поперечный разрез в глубине пещеры

На графике 1 продемонстрировано изменение количества костей по слоям. На графике видно, что наибольшее количество костей содержится в культурных слоях 4, 5 и 6, содержащих каменный инвентарь палеолитического времени.

Исследования показывают, что наиболее интенсивное заселение пещеры имело место во время отложения V и VI слоев. Именно эти слои содержат большое количество костей, угля и каменного инвентаря. В этих же слоях наблюдаются наиболее мощные очажные прослойки. В частности в VI слое было обнаружено два очага. Один из них был расположен в центре пещеры и обложен с трех сторон крупными плоскими камнями, открытая сторона очага была обращена к пещере.

График 1

Изменение количества костей по слоям, в экз.

Фауна

За время 6 раскопочных сезонов в культурных отложениях пещеры Газма найдено свыше 16,000 костей. Фауна отложений пещеры представлена в основном остатками крупных млекопитающих, грызунов и птиц, принадлежащих 24 видам животных. Видовой состав фауны пещеры Газма определен Д.В. Гаджиевым и С.Д. Алиевым. Большинство остеологического материала принадлежит крупным млекопитающим, представленным в основном фрагментами или мелкими обломками диафизов трубчатых костей, что затрудняло определение их видовой принадлежности. В составе фауны определены: собака (*Canis*), барсук (*Meles*), пещерный лев (*Panthera speiacus* Goldf.), пещерный медведь (*Ursus spelaeus* Ros. et Hein.), лошадь (*Equus*), плейстоценовый осел (*E. hydruntinus* Reg.), олень (*Cervidae*), первобытный бык (*Bos primigenius* Bojan.), джейран (*Gasella subgutturosa* Güld.), козел (*Capra*), баран (*Ovis*), заяц (*Lepus*), пищуха (*Ochotona*), грызуны (*Rodentia*) и другие виды териофауны [Джафаров, 1999].

Исследования показывают явное преобладание среди остатков фауны костей крупных млекопитающих, промысел которых, по-видимому, являлся главнейшим видом охотничьей деятельности первобытного человека. В частности к этим видам крупных млекопитающих можно отнести плейстоценового осла,

джейрана, оленя и козла - остатки которых были обнаружены во всех трех мустьерских слоях пещеры и, по-видимому, они же являлись основными объектами охоты первобытных обитателей пещеры Газма.

В остеологической коллекции пещеры обнаружено несколько костей подвергшихся обработке. Часть из них имеет только следы изношенности, а три изделия имеют явные следы преднамеренной обработки. Все три изделия были подвергнуты сверлению. На одной из костей VI слоя отверстие несквозное (Рис. 5, № 3). Другая кость из того же VI слоя имеет сквозное отверстие, оно выполнено на таранной кости джейрана, часть косточки сломана еще в древности (Рис. 5, № 2). На косточке имеется неглубокая насечка, по-видимому отверстие пытались просверлить и там. По всей вероятности кость была использована в качестве украшения либо амулета. На краю отверстия заметно небольшое углубление, возможно оставшееся от шнура, на котором висела подвеска. Следующее отверстие просверлено на верхнем краю тонкой расколотой трубчатой кости из IV слоя (Рис. 5, № 1). Отверстие имеет форму правильного круга диаметром 3 мм. Кость имеет трапециевидную форму, по краю она утончена и отшлифована. Длина кости 3 см. возможно также была использована в качестве амулета. Судя по качеству исполнения, находки в Газме свидетельствуют об уже устоявшемся навыке сверления, хотя они пока и единичны.

Каменная индустрия

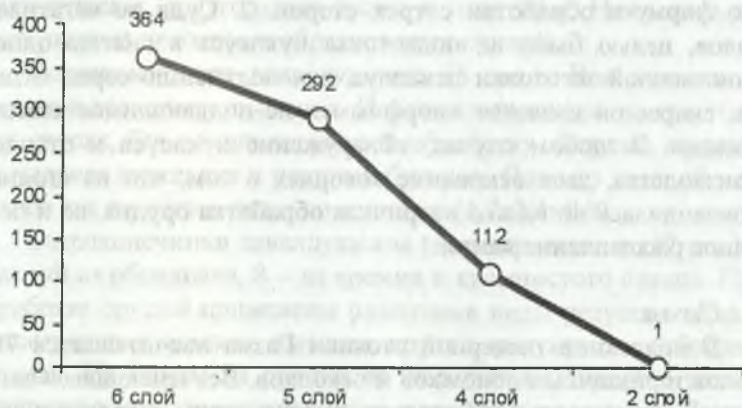
В мустьерских слоях пещеры Газма обнаружено 775 каменных артефакта. Почти половина их была обнаружена в самом раннем VI слое - 364 изделия. Динамику количества артефактов от слоя к слою наглядно демонстрирует График 2, на котором хорошо видно, что по мере омоложения слоев уменьшается и количество артефактов.

По характеру сырья преобладающую часть коллекции составляет обсидиан - 690 экз., незначительную часть кремь и кремнистый сланец - 84 экз. и 1 экз. из окремнелого туфа. Обсидиан обитатели пещеры находили в аллювиальных отложениях реки Арпачай, находящейся в 14 км от пещеры. Коренные же

источники обсидиана находятся в верховьях реки Арпачай в Кельбаджарском вулканическом нагорье.

График 2

Динамика артефактов по слоям, в экз.

Первичная обработка.

В коллекции пещеры Газма насчитывается 8 нуклеусов. Изготовлены они из обсидиана (6 экз.) и кремня (2 экз.) Семь из них предельно сработаны и представляют собой остаточные формы. В силу значительной утилизации ядрища, их форма настолько видоизменилась, что о первичной его форме - как ядрище леваллуа, мы можем судить только по наличию в инвентаре стоянки леваллуазских заготовок (отщепов, пластин, и треугольных сколов). Ядрища включают в себя односторонние и двусторонние формы. Односторонние формы подразделяются на одноплощадочные (1 экз.) и дисковидные (2 экз.).

Двусторонние нуклеусы (4 экз.) представлены в коллекции в двух формах: двусторонние двуплощадочные (2 экз.) и двусторонние многоплощадочные (2 экз.). Все эти семь нуклеусов чрезвычайно маленьких размеров. Самый большой имеет диаметр 4,4 см, а самый маленький 1,9 см. Толщина нуклеусов колеблется в пределах 0,9-1,5 см.

Среди коллекции нуклеусов особо выделяется находка 2009 года, которая представляет собой массивный многоплощадочный нуклеус из коричневого кремня (Рис. 5, № 11). На одной из сторон нуклеуса сохранена естественная корка. Несмотря на то, что по ряду характерных признаков данный нуклеус и можно классифицировать как мустьерский нуклеус, а именно: 1. Нуклеус имеет характерную для мустьерских нуклеусов бомбовидную форму и обработан с трех сторон. 2. Судя по негативам сколов, целью было не подготовка нуклеуса к снятию одной единственной заготовки леваллуа, а к получению серии отщепов, скорее он является аморфным и не поддающимся классификации. В любом случае, обнаружение нуклеуса и отходов производства, дает основание говорить о том, что на стоянке производилась не только вторичная обработка орудия, но и первичное расщепление камня.

Сколы

В коллекции пещерной стоянки Газма насчитывается 767 сколов и различных обломков и осколков. Все имеющиеся заготовки разделены на две большие группы: сколы леваллуа и сколы нелеваллуа, их соотношение демонстрирует График 3.

График 3

Соотношение определимых сколов леваллуа и нелеваллуа, в%

□ леваллуа ■ нелеваллуа

На круговой диаграмме видно, значительное преобладание сколов нелеваллуа (62%) против сколов леваллуа (38%) в пещере Газма, что собственно характерно для любой мустьерской коллекции полного состава [Любин, 1965].

Типологическая характеристика

По характеру вторичной обработки каменные изделия можно разделить на несколько групп, характеризующих технико-типологические особенности каменной индустрии. Среди них выявлены леваллуазские и мустьерские остроконечники, различные скребла, лимасы, ножи, скребки, отщепы, пластины, отходы производства (Рис. 5 № 4-10). Заготовкой в основном служили отщепы, треугольные сколы и пластины. Ниже дана характеристика некоторых образцов этих орудий.

Остроконечники леваллуазские (5 экз.). Все изделия из кремня и кремнистого сланца. Изделия выполнены на треугольных сколах, без следов вторичной обработки. Хорошо сохранены ударная площадка и ударный бугорок. Одно из изделий массивное как по длине, так и по толщине (4,7x3,1x0,9).

Остроконечники леваллуазские ретушированные (17 экз.). 9 изделий из обсидиана, 8 – из кремня и кремнистого сланца. При обработке орудий применены различные виды ретуши – тонкая приотстригающая, мелкая, высокая, крутая, полукрутая, субпараллельная. На одном из орудий из обсидиана сохранена только базальная часть, дистальная часть сломана в древности. Другое орудие из кремнистого сланца, обработанное мелкой ретушью, могло быть использовано в качестве проколки.

Остроконечники мустьерские (12 экз.). 11 орудий изготовлено из обсидиана, 1 – из кремня. Поверхность остроконечников полностью отретуширована. Рабочие края обработаны крутой приотстригающей, полукрутой и тонкой ретушью. На двух орудиях отсутствует базальная часть. Один из мустьерских остроконечников представляет собой очень массивное изделие из обсидиана с полностью обработанной поверхностью (Рис. 5, № 8). Рабочий край орудия обработан высокой полукрутой ретушью. Другое орудие представляет собой удлиненный мустьерский остроконечник, рабочий край которого обработан высокой крутой приотстригающей ретушью.

Скребла простые (10 экз.). 6 орудий из обсидиана, 4 из кремня. В коллекции встречаются прямые, выпуклые и вогнутые разновидности простых скребел. Большинство простых

скребел изготовлены на пластинах, некоторые на отщепях. Рабочие края орудий обработаны мелкой приостряющей, крутой и полукрутой ретушью. На одном из скребел, изготовленном из кремня сохранена естественная корка. Другое орудие, изготовленное на пластине из обсидиана, представляет собой простое выпуклое скребло, обработанное полукрутой ретушью.

Скребла двойные (24 экз.) 19 орудий из обсидиана, 5 – из кремня. Орудия изготовлены в основном на пластинах (7 экз.), и отщепях (16 экз.). В коллекции встречаются различные типы двойных скребел. Рабочие края орудий обработаны приостряющей тонкой и высокой ретушью. Одно из орудий из обсидиана на отщепе, представляет собой выпуклое скребло с противоположащей ретушью. Другое скребло изготовлено на массивном удлиненном отщепе из обсидиана, рабочий край которого обработан крутой ретушью.

Угловатые скребла (15 экз.) 12 орудий из обсидиана, 3 – из кремня. Изделия изготовлены как на треугольных сколах, так и на отщепях и пластинах. При вторичной обработке орудий использована крутая, мелкая приостряющая и параллельная ретушь. На одном из изделий ретушь нанесена с брюшка.

Скребки (5 экз.). Все изделия из обсидиана. Изготовлены как на пластинах, так и на отщепях. Рабочие края скребков обработаны очень мелкой ретушью. Базальная часть одного из скребков сломана.

Ножи (2 экз.) Один из ножей изготовлен из обсидиана, второй из кремня. Орудия изготовлены на пластинах и обработаны очень мелкой приостряющей ретушью. На одном из ножей из кремня сохранена естественная корка.

Лимасы (7 экз.). Все изделия из обсидиана на пластине. Орудия обработаны мелкой приостряющей и высокой ретушью. Два орудия были обломаны в древности.

Наряду с вышеописанными изделиями, на стоянке были выявлены также фрагментированные орудия, как непреднамеренно фрагментированные изделия, так и сознательно фрагментированные. В большинстве своем это непреднамеренно фрагментированные орудия, которые были сломаны либо при вторичной обработке, либо в процессе утилизации, а в последствии

обломанные края были обработаны.

Основное место среди орудий из палеолитической пещерной стоянки Газма занимают леваллуазские и мустьерские остроконечники и скребла. По технико-типологическим особенностям они могут быть отнесены к мустьерской культуре. Некоторые из вышеописанных орудий были обнаружены как в III слое Азыха, так и в Тагларской пещере. В частности угловатые скребла, одна из самых многочисленных разновидностей скребел в тагларской коллекции (Джафаров, 1983). Интерес представляет также единственное скребло с противоположащей ретушью из V слоя Газмы. Аналогичное орудие в тагларской коллекции также представлено в единичном экземпляре (Джафаров, 1983). Каменный инвентарь пещеры Газма имеет некоторые параллели с индустриями Закавказья и Ближнего Востока, относимых к типично мустьерской линии развития.

Заключение

Неравномерность соотношения определяемых сколов и отходов производства в разных слоях, а также данные о количестве костей, дают основания сделать предварительные выводы о характере стоянки. Данное соотношение отражено на ниже приведенном Графике 4.

На этом графике хорошо видна определенная связь между соотношением определяемых сколов и отходов производства и количеством обнаруженных в культурных слоях костей. В VI слое, где наиболее высокий процент отходов производства и самый низкий процент определяемых сколов обнаружена наименьшее число костей. В то же время в IV слое, где при самом высоком проценте определяемых сколов и самом низком проценте отходов производства количество костей значительно выше, чем в VI слое.

Совокупность этих данных дает основание предположить, что пещерная стоянка Газма не всегда использовалась одинаково. По видимому в период накопления наиболее раннего VI слоя стоянка больше использовалась как мастерская. Об этом говорит: 1) наименьшее число костей животных; 2) почти отсутствие нуклеусов (всего 1 экземпляр); 3) наиболее высокий процент отходов производства.

График 4.

Примечание: в графике не учтены находки 2008-2009 годов.

В период накопления V слоя есть основания предположить, что стоянка в равной степени использовалась и как мастерская и как жилище. Об этом свидетельствует совокупность таких данных как: наибольшее число костей и наибольшее количество нуклеусов (7 экз) при сохранении тех же пропорций определимых сколов (42,3%) и отходов производства (57,7%), а также остатки очагов, в том числе обложенного камнями.

В период же накопления IV слоя при достаточно высоком количестве обнаруженных костей резко меняется соотношение определимых сколов (58,1%) и отходов производства (41,9%) и нет ни одного нуклеуса. Эти данные дают основание предположить, что в этот период стоянка больше использовалась как охотничий лагерь, чем мастерская.

В период накопления мустьерских слоев климат был хоть и аридным, но более влажным, чем сейчас. Интересен и тот факт, что обитание человека в пещере Газма совпадает с процессом увеличения влажности климата всего района. Когда же эта

влажность стала уменьшаться, то человек покидает пещеру.

Основными объектами охоты первобытных обитателей пещеры Газма были плейстоценовый осел, джейран, олень и козел - остатки которых были обнаружены во всех трех мустьерских слоях пещеры.

Выявленные материалы из пещеры Газма позволяют говорить о том, что мустьерцы жили здесь на протяжении длительного времени и основным видом хозяйственной деятельности у них была охота.

Пещерная стоянка Газма является первой и пока единственной хорошо стратифицированной палеолитической стоянкой на территории Нахчыванской Автономной Республики Азербайджана.

Список литературы:

Əyyubov F.C., Əliyev A.Ə. Naçıvan MSSR-də karst mağaraların əməlgəlmə şəraiti və əsas morfoloji xüsusiyyətləri // Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri. Yər haqqında elmlər seriyası, 1973, № 3, s. 41-46

Hüseynov M.M. Azərbaycan arxeologiyası (daş dövrü). Bakı: ADU-nun nəşri, 1975, 165 s.

Hüseynov M.M., Cəfərov A.Q., Zeynalov A.Ə. Qazma paleolit düşərgəsi // Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası, 1991, № 1, s. 78-85

Абасов М.А. Геоморфология Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1970, 150 с.

Азизбеков Ш.А. Геология Нахичеванской АССР. М.: Госгеотехиздат, 1961, 502 с.

Гусейнов М.М. Работы в Нахичеванской АССР / Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985, с. 484

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: Элм, 1985, 72 с.

Джафаров А.К. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку: Элм, 1983, 96 с.

Джафаров А.К. Средний палеолит Азербайджана. Баку: Элм, 1999, 343 с.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеоли-

тических каменных орудий // МИА, 1965, № 131, с. 7-75

Мансуров М.М. Нижний палеолит Западного Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1978, 27 с.

Поляков И.С. Дневник археологических работ веденных в Закавказском крае. Осень 1879 года / Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета. М.: 1882, с. 157-215

Рис. 5. Пещера Газма. (1-3) Обработанные кости, (4-11) образцы каменных орудий.

Зенин А.Н., Зенин В.Н.
(Новосибирск, Россия)

РЕГРЕССИИ КАСПИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЙ С КАВКАЗА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Процесс первоначального заселения Евразии берет начало примерно 2 млн л. н. На пути из Африки через Ближний Восток и Аравию древнейшие популяции проникли на Кавказ, в Центральную (Среднюю) Азию, Индостан и юго-восточную Азию. Наиболее ранние стратифицированные местонахождения палеолитического инвентаря на Кавказе (Дманиси, Азых, Рубас 1, Айникаб, Мухкай, Богатыри, Родники и др.) принадлежат эпохе Матуяма [Lumley et al., 2005; Гусейнов, 1985; Деревянко и др., 2009; Амирханов, 2007; Щелинский, Кулаков, 2009]. В Центральной Азии древнейший стратифицированный палеолитический комплекс выявлен В.А. Рановым на местонахождении Кульдара в Таджикистане, возраст которого оценивается около 0,9 млн л.н. [Ранов, Шеффер, 2000; Додонов, 2002] Редкие артефакты выявлены в эоплейстоценовых/ раннеоплейстоценовых конгломератах высокой террасы р. Арыстанды на юге Казахстана [Медоев, 1982; Додонов, 2002].

Судя по имеющимся оценкам возраста стратифицированных местонахождений, проникновение древних популяций на Кавказ произошло раньше чем в Центральную Азию. Если Кавказ заселялся, скорее всего, с Ближнего Востока [Деревянко, 2009], то в вопросе путей заселения Центральной Азии много неясного. Возможно, древние миграции осуществлялись с юга (Иран, Афганистан, Пакистан), но нельзя исключать и возможность проникновения носителей галечных и ашельских индустрий с Кавказа. Существенным природным барьером на этом пути является Каспийское море. Но всегда ли оно являлось препятствием? Рассмотрим эту проблему с позиции палеогеографии Каспия времени распространения галечных (Mode 1) и ашельских (Mode 2) индустрий.

Первое появление индустрий с ручными рубилами фикси-

руется на Африканском континенте примерно 1,7-1,5 млн л.н. и знаменует начало длительной (более 1 млн лет) ашельской эпохи. В последующее время индустрии с бифасами распространяются на Ближний Восток (1,4 -- 0,9 млн.л.н.) и далее – в Индию (0,67 млн л.н.), на Кавказ (~ 0,7 -0,5 млн л.н.) и в Европу (~ 0,6 – 0,45 млн.л.н.) [Mishra S. et al, 1995; Деревянко, 2009]. По мнению А.П. Деревянко [Деревянко, 2009], миграционное продвижение носителей ашельской индустрии с Ближнего Востока на восток Евразии началось не позднее 450 тыс.л.н.

Проявлением этой глобальной миграционной волны следует, видимо, считать и многочисленные местонахождения с морфологически выраженным ашельским инвентарем в Западной Туркмении, Западном и Центральном Казахстане [Любин, 1984; Медоев, 1982; Волошин, 1990]. Подавляющее большинство местонахождений выявлено в поверхностном залегании и не имеет стратиграфического обоснования возраста палеолитических комплексов. Культурно-хронологическая оценка индустрий чрезвычайно сложна и дается преимущественно на основе косвенных признаков - геоморфологического положения, сохранности поверхности артефактов, анализа сырьевых ресурсов и технико-типологических параметров. А.Г. Медоев [Медоев, 1982] древний палеолит Мангышлака («протолеваллуа – ашель», «леваллуа – ашель I и II») относил к хронологическому диапазону от «позднего плиоцена до конца среднего плейстоцена». В.П. Любин [Любин, 1984] считает, что «бифасы Мангышлака, Сары-Арка и Прииртышья ... типологически являются мустьерскими и верхнеашельскими», а А.Г. Медоев «чрезмерно удреняет возраст своих находок».

С открытием ашельских комплексов в Мугоджарах и Северном Приаралье [Деревянко и др., 2001; Деревянко и др., 1999] стало очевидным, что Каспийско-Аральский регион входит в зону распространения классических ашельских индустрий с бифасами. «Памятники Мугоджарских гор по технико-типологическим показателям индустрии и типу вполне сопоставимы с кавказскими объектами. На этом основании можно говорить о том, что хронологическая позиция ашельских комплексов Мугоджар (без уточнения нижней границы) в самом общем виде

совпадает с возрастом аналогичных индустрий Кавказа» [Деревянко и др., 2001]. Действительно, такое сопоставление индустрий представляется логичным ввиду их территориальной близости и наличию руководящих типов изделий (прежде всего – бифасов). Отсюда возникает ряд проблем, касающихся корреляции широко варьируемых ашельских индустрий Кавказа и Каспийско-Аральского региона. В настоящее время мы не располагаем данными о «культурной идентичности» индустрий, географически разделенных котловиной Каспийского моря, но допускаем такую вероятность. Речь идет о появлении ашельских индустрий Мангышлака, Мугоджар и, возможно, Приаралья в результате миграций с Северного Кавказа. В пользу последнего говорит, на наш взгляд, распространение индустрий с бифасами (ашель-верхний палеолит) в Северном и Центральном Казахстане. Для более южных территорий они не характерны. (Рис. 1).

К настоящему времени «плейстоценовая история Каспийского бассейна изучена относительно неплохо. ... Однако ряд вопросов ... остаются неясными или спорными. К их числу относятся: количество, возраст и периодичность трансгрессивно-регрессивных фаз Каспийского моря, а также размах колебания его уровня» [Рычагов, 1997]. В своей работе мы основываемся на общепризнанных эпизодах плейстоценовой истории моря и картографических материалах, включая имеющиеся сведения о расположении ашельских комплексов с бифасами, о современных глубинах акватории Каспия и распространении на мелководьях крупных фракций каменных материалов [Кленова и др., 1962] (Рис. 1).

Теоретически миграционные пути продвижения носителей ашельских традиций (ашельских популяций) с Кавказа на восток могли осуществляться вдоль северных и южных берегов Каспия в условиях трансгрессивного уровня моря. Основным препятствием такого допущения является отсутствие ашельских местонахождений в границах Прикаспийской низменности и ее обрамления. На возможность южного маршрута могут указывать единичные бифасы на стоянке Гяндж Пар [Biglari], в долине р. Керманшах и Восточном Азербайджане в северо-западном Иране [Ранов, 1978], однако далее на восток в направлении Ко-

петдага ашельские бифасы до сих пор не обнаружены [Вишняцкий, Любин, 1995].

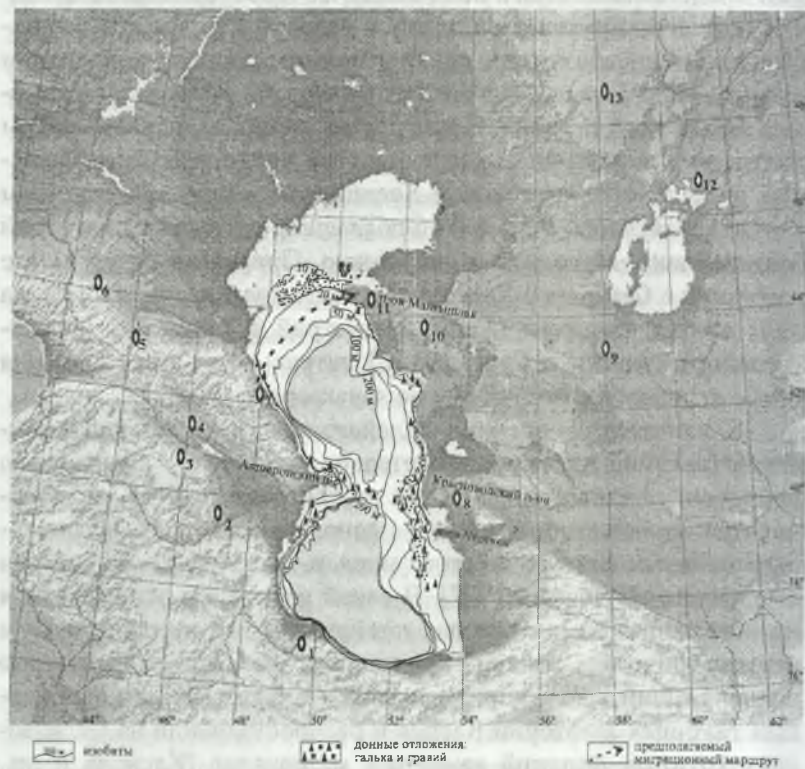

Рис. 1. Карта расположения палеолитических местонахождений с бифасами в Каспийско-Аральском бассейне: 1 - Гяндж Пар; 2 - Азых; 3 - Юкары-Салахлы, Гаялы; 4 - Качрети, Зиари; 5 - Владикавказ; 6 - Кипжал; 7 - Дарвагчай, Дюбекчай, Чумус-Иниц; 8 - Краснодарское плато; 9 - Есен 2; 10 - Узень 11; 11 - Шахбагата; 12 - Арал; 13 - Мугоджары.

Гипотеза о проникновении ашельских индустрий в районы Восточного Прикаспия с Северного Кавказа в условиях глубокой регрессии моря впервые была предложена В.П. Любиным [Любин, 1984] и положительно воспринята другими исследователями [Деревянко и др., 2001]. С открытием ашельских рубил в Дагестане [Деревянко и др., 2005] стало возможным вновь обра-

титься к гипотезе северокавказского происхождения ашеля Восточного Прикаспия. Наиболее раннее появление рубил в Дагестане фиксируется в верхнебакинских (b_2) отложениях (вторая половина раннего неоплейстоцена). Логично предположить, что миграция ашельского населения могла осуществляться во время последующих регрессий моря (Рис. 2.), но не позднее последнего межледниковья (5 ИКС).

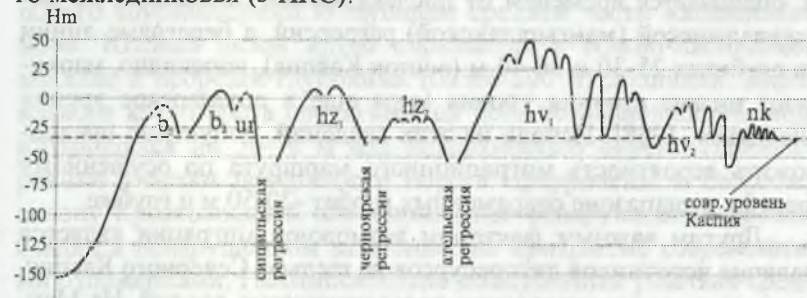

Рис. 2. Схема колебания уровня Каспийского моря в неоплейстоцене (горизонтальный масштаб условный) (по Рычагову, 1997, рис. 40)

Исследователи плейстоцена Каспия для данного отрезка времени выделяют от двух [Рычагов, 1997] до пяти [Янина, 2009] регрессий. Нет согласия и в вопросе хронологии и глубины регрессивных этапов. Традиционно наиболее значительными считаются регрессии между бакинско-урунджикской (b_2 -ur) и раинехазарской (hz_1) трансгрессиями, и между ранним и поздним (hz_2) казаром. На схеме Г.И. Рычагова [Рычагов, 1997] (Рис. 2) уровень моря в период первой (сингильской) регрессии был ниже отметки -50 м абс., а по данным Т.А. Яниной [Янина, 2009] достигал -75 м абс. О глубине внутривосточной (черноярской) регрессии точных данных нет, но указывается, что она была значительной [Рычагов, 1997].

В рельефе шельфа и дна Каспийского моря исследователи отмечают серию ступенчатых перегибов – древних береговых линий. В западной части Среднего Каспия прослежены подводные террасы вдоль всего побережья на глубинах 4, 12-14, 22-26,

34-41 и 52-59 м. В восточной части береговые линии фиксируются на глубинах 4, 12-14, 20-23, 25-30, 36-40, 60-70 м. В северной части подводные террасы обнаружены на глубине 4, 6, 12-13 и 20-21 м [Кленова и др., 1962]. Сведений о возрасте подводных террас крайне мало и они весьма противоречивы. Так, возраст древней береговой линии, прослеживаемой на глубине 20 м, оценивается временем от послехазарской (ательской) до послехвалынской (мангышлакской) регрессий, а береговые линии на глубинах 25-30 и 36-40 м (восток Каспия), «очевидно, маркируют низкие стояния уровня моря еще в дохазарское время» [Леонтьев, 1968]. Исходя из этих сведений, допустимо предположить вероятность миграционного маршрута по осушенному шельфу в диапазоне современных изобат -20-50 м и глубже.

Другим важным фактором возможной миграции является наличие источников литоресурсов на шельфе Северного Каспия, пригодных для изготовления палеолитических орудий. На Мангышлакском пороге до изобаты -20 м на схеме донных отложений Каспия [Кленова и др., 1962] отмечено распространение гравиев, что не исключает вероятность присутствия в них и галечных материалов. Сведениями о петрографическом составе терригенных материалов мы, к сожалению, не располагаем. На Мангышлаке палеолитические изделия выполнены из кремня датского яруса верхнего мела [Медоев, 1982]. Аналогичное сырье широко использовалось и в Дагестане [Деревянко и др., 2009]. Песчаники и кремнистые известняки использовались редко, в основном для изготовления крупных орудий. Близкий состав пород можно предполагать и на шельфе Северного Каспия. Их вынос мог осуществляться палеоруслуями Сулака, Терека, Волги и Урала при понижении базиса эрозии в регрессивные стадии Каспия, но это лишь предположение.

Исходя из палеогеографических реконструкций четвертичной истории Каспия и расположения палеолитических местонахождений с бифасами, гипотеза о миграциях носителей ашельских традиций (ашельского населения) с Кавказа в Центральную Азию не имеет принципиальных препятствий. Продвижение популяций, владеющих ашельскими технологиями, могло осуществляться вдоль северного берега моря в периоды глубоких рег-

рессий среднего неоплейстоцена (~ 11, 9 и 7 ИКС). Допустимо предположить, что более древние миграции с Кавказа (с галечными технологиями) в Центральную Азию могли осуществляться и по Апшеронскому порогу в период глубокой (-150-200 м) тюркянской регрессии Каспийского моря (~ 20-18 ИКС).

Поверхность Апшеронского порога (максимальная глубина 198 м) представляет собой слабо наклоненную к северу равнину, полого спускающуюся к глубинам средней части Каспийского моря. Южный склон круто обрывается к Южно-Каспийской впадине и прорезан глубокими (более 200 м) долинами. Вдоль южного края порога протягивается цепь возвышенностей, поднимающихся на 50-70 м над поверхностью порога. Наиболее ровные участки поверхности порога приурочены к пологому склону Краснодарской платформы, где обнаружены бакинские осадки в ненарушенном залегании, не прикрытые современными отложениями. На относительно повышенных участках среди бакинских пород иногда вскрываются более низкие горизонты. На поверхности бакинских отложений отмечаються железомарганцевые корки, сцементированные ожелезненные прослойки, горизонты выветривания и небольшие трещины в виде карманов. Их образование связывают с субаэральной стадией существования бакинских пород. Апшеронский порог, таким образом, можно рассматривать как часть поверхности выравнивания, погружившейся под уровень Каспия значительно позднее своего образования [Кленова и др., 1962].

В серии грунтовых проб с поверхности порога (глубина 185-192 м) подняты многочисленные гальки (кварцевый пссчаник, черная кремнистая порода, глинистый сланец, известняк, кварцит) размером 1,5-5 см. Отдельные гальки одеты «пустынным загаром». На участках расположения подводных газогрязевых вулканов («банок») часты выбросы обломков коренных пород. В составе образцов коренных пород (до 50 см в диаметре) в банке Ливанова определены алевролиты, мергели, известняки, сопочная брекчия, прочные кварцевые песчаники, доломиты и сидериты. Это позволяет думать о длительном периоде наземного существования поверхности порога, на которой за это время образовался почвенный слой с развитым иллювиаль-

ным горизонтом, частично смытый впоследствии при погружении бакинской поверхности под уровень моря [Кленова и др., 1962].

Особого внимания в рассматриваемой проблеме древних миграций заслуживают проявления в регионе грязевого вулканизма, сопровождающегося выбросами коренных пород и самовозгорающихся углеводородных газов. Ярким примером использования обломочных пород (окварцованные доломиты) из древних грязевых вулканов в качестве сырья для изготовления орудий являются стоянки Богатыри и Родники в Приазовье [Щелинский, Кулаков, 2009]. Интригующим представляется и эффект самовозгорания углеводородных газов и их длительного (до двух лет) горения в виде факелов [Шнюков и др., 2009; Сокол и др., 2007; Сокол и др., 2008]. Грязевой вулканизм весьма характерен для тектонически активных зон нефтегазоносных бассейнов Азербайджана, Туркмении, Ирана, Ирака и др. [Сокол и др., 2008]. Имеются сведения, что в среднеапперонское время по всему побережью Каспийского моря происходили извержения грязевых вулканов [Кленова и др., 1962]. Вполне возможно, что грязевые вулканы с газовыми факелами вдоль тектонически активных зон Ближнего Востока, Прикаспия и Приазовья способствовали процессам древнейших миграций в палеолите. Они могли обеспечивать людей источниками огня и литоресурсами.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 08-01-00321а), РФФИ (проект 07-06-00096а) и проекта РАН № 25.1.6. «Феномен бифасиальных индустрий раннего и среднего палеолита Каспийско-Аральского региона»

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на северо-восточном Кавказе. – М.: ТАУС, 2007.
2. Вишняцкий Л.Б., Любин В.П. Палеолит Туркмении: древнейшие индустрии и проблема первоначального заселения // Археологический альманах. – Донецк, 1995. - №4. – С. 41-46.
3. Волошин В.С. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Се-

верной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). – Новосибирск: Б.и., 1990. - С. 99-106.

4. Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку: Изд-во Элм, 1985.

5. Деревянко А.П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат-лы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – С. 5-28.

6. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Первые находки ашельских рубил в Дагестане. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, часть I. – С. 49-53.

7. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит юго-восточного Дагестана – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 124 с.

8. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин В.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 136 с.

9. Деревянко А.П., Таймагамбетовым Ж.К., Петриным В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зеин В.И., Искаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы VII Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 46 – 49.

10. Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002.

11. Кленова М.В., Соловьев В.Ф., Алексина И.А., Вихренко Н.М., Кулакова Л.С., Маев Е.Г., Рихтер В.Г., Скорнякова Н.С. Геологическое строение подводного склона Каспийского моря. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 638 с.

12. Леонтьев О.К. Эволюция берегов Каспия в верхнем плиоцене и четвертичном периоде // Геоморфологический анализ при геологических исследованиях в Прикаспийской впадине. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – С. 106-140.

13. Любин В.П. Палеолит Туркмении // Советская археология, 1984, № 1. – С. 26-45.

14. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1982. – 64 с.

15. Ранов В.А. Палеолит Переднеазиатских нагорий / Палеолит Ирана // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л.: Наука, 1978. – С. 213-226.

16. Ранов В.А., Шеффер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. - № 2. - С. 20-32.

17. Рычагов Г.И. Плейстоценовая история Каспийского моря. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 268 с.

18. Сокол Э.В., Иовиков И.С., Вапник Е., Шарыгин В.В. Горение газов грязевых вулканов как причина возникновения высокотемпературных пирометаморфических пород формации Хатрурим (район Мертвого моря) // Доклады Академии Наук. – 2007. - Том 413. - № 6. - С. 1-7.

19. Сокол Э.В., Новиков И.С., Затеева С.И., Шарыгин В.В., Вапник Е. Пирометаморфические породы спурит-мервинитовой фации как индикаторы зон разгрузки залежей углеводородов (на примере формации Хатрурим, Израиль) // Доклады Академии Наук. – 2008. - Том 420. - № 1. - С. 1-7.

20. Шнюков Е.Ф., Сокол Э.В., Игматулина Е.Н., Коржова С.А., Гусаков И.Н. // «Огненное извержение» грязевого вулкана Карабетова Гора, 2000 г.: сценарий события, продукты извержения, минералогия и петрография плавленых пород // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. – 2009. - №4. - С. 77-94.

21. Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы международного симпозиума. - Новосибирск: Изд-

во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2009. – С. 188-206.

22. Янина Т.А. Палеогеография бассейнов Понто-Каспия в плейстоцене по результатам малакофаунистического анализа // Автореф. дисс. докт. геогр. наук. – М., 2009. – 42 с.

23. Biglari F., Heydari S., Shidrang S. Ganj Par: The First Evidence for Lower Paleolithic Occupation in the Southern Caspian Basin, Iran. - http://www.cais-soas.com/CAIS/Archaeology/Pre-History/ganj_par.htm

24. Lumley H., Nioradze M., Barsky D. et al. The Pre-Oldowayan lithic industry from the beginning of the Lower Pleistocene at the Dmanissi site in Georgia. // *L'anthropologie* 109 (2005) 1–182

25. Mishra S., Venkatesan T.R., & Somayajulu B.L.K. Earliest Acheulian industry from Peninsular India // *Current Anthropology* 36 (5), 1995. - P. 847-851.

Кулаков С.А.
(Санкт-Петербург, Россия)

ОБ ОДНОЙ УНИКАЛЬНОЙ ЧЕРТЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Своеобразие и, даже уникальность, некоторых черт среднепалеолитических индустрий Северо-Западного Кавказа была отмечена еще первым исследователем палеолита этого региона С.Н. Замятниным. В Ахштырской пещере, в «нижнем мустьерском слое», в 90 м² раскопе 1937-1938 гг., был обнаружен обломок двустороннего листовидного наконечника, по мнению автора «орудие типа двустороннего остроконечника Ильской стоянки» (Замятнин, 1961, с. 116) (Рис. 1-5). Характеризируя культуру «нижнего мустьерского слоя» Ахштырской пещерной стоянки, С.Н. Замятнин сравнивал его с «материалом Ильской стоянки», считая возможным при этом, относить ахштырские материалы «ко времени позже Ильской стоянки, по-видимому, к концу мустье» (1961, с. 117).

В Ахштырской пещере, в раскопах Е.А. Векиловой 1961 – 1965 гг., на площади около 50 м², в «нижнем мустьерском слое», также был обнаружен дистальный обломок листовидного наконечника – «обломок верхней части наконечника дротика» (Рис. 1-2) (Векилова, Грищенко, 1972, с. 50). Дальше этого определения ни уникальная находка, ни сам слой, не характеризовались. Рассматривая Ахштырскую культуру зубчатого мустье, Е.А. Векилова ограничивается только констатацией, что в каждом слое присутствуют «единичные своеобразные орудия», так в «нижнем (12) мустьерском слое» – это «верхняя часть двусторонне-обработанного наконечника дротика» (Векилова, 1973, с. 53).

Следующая, по времени публикации, а не по времени обнаружения, была находка базального обломка незаконченного листовидного наконечника на местонахождении Богос, на реке Псоу (Рис. 1-6) (Любин, Щелинский, 1972, с. 97). В.П. Любин первый объединил все находки листовидных острий и их обломков в одну группу, фиксирующую «круг нижнепалеолитических памятников...», в котором традиция двусторонней обработ-

ки камня сохранялась длительное время» (Любин, Щелинский, 1972, с. 97). В 1977 г., предлагая новый культурологический взгляд на мустье Кавказа, В.П. Любин основное внимание уделил поздним, вюрмским мустьерским культурам, среди которых была выделена хостинская культура зубчатого мустье на Северо-Западном Кавказе (Любин, 1977). Следуя за принятой в то время схемой членения палеолита, корни кавказских мустьерских культур он видел в местном ашеле, поэтому генезис этих культур им подробно не рассматривался (Любин, 1977, 1989).

И.И. Коробков, в 60-70-ые гг. XX в., углубленно изучая артефакты с местонахождений Западного Кавказа (Сочи-Абхазское Причерноморье), выделил на местонахождении Яштух три индустрии раннего мустье: «пластинчато-леваллуазская, пластинчато-ожелезненная и тейяско-зубчатая» (Коробков, 1971). Первые две индустрии при всем сходстве-различии, согласно И.И. Коробкову, имеют одну уникальную общую черту – присутствие в единичных экземплярах двустороннеобработанных листовидных форм (Рис. 1-1), истоки которых автор видел в местном, яштухском ашеле (Коробков, 1971, с. 85, Рис. 2-5, 11-2). Исследуя также ожелезненную индустрию местонахождений возле сёл Хейвани – Бароновка (Северная Абхазия) (к сожалению, одну из немногих опубликованных), в которой также был обнаружен листовидный бифас, И.И. Коробков приходит к, на его взгляд, «неожиданному» выводу, что эти выраженные леваллуазские коллекции имеют «индустриальный облик мустье, близкий к типичному его варианту. Ничего подобного нет ни в одном пещерном памятнике на Черноморском побережье Кавказа» (Гумилевский, Коробков, 1967, с. 99-100).

Д.А. Чистяков, наиболее полно изучивший в 80-ые годы XX вв. причерноморские мустьерские коллекции Северо-Западного Кавказа, выделил «своеобразный пласт» индустрий «с двусторонне-обработанными орудиями», считая его «ранним (рисс-вюрмским?) пластом индустрий мустье типичного (по схеме Борда – Любина: С.К.) или, что вероятнее, с позднеашельской подосновой этого пласта или даже всего мустье Сочинского района» (Чистяков, 1996, с. 116).

Открытие и изучение в 80-ые годы XX в. на северном скло-

не Западного Кавказа (Лагонакское нагорье) пещерной стоянки Матузка дало новые и достаточно неожиданные факты распространения рассматриваемого бифасиального вида орудий (Голованова, 1994, 78-98). На стоянке исследовано 10 археологических уровней, индустрии двух нижних (7, 6) Л.В. Голованова считает архаичными и обособленными, не имеющими ближайших аналогий на Кавказе, слой 5В, в котором был найден уникальный двусторонний листовидный наконечник (Рис. 2-5), рассматривается также обособленным, имеющим аналогии в «раннепалеолитических индустриях» (Голованова и др., 2006, с. 47-51). Горизонты 4С, 4С, 4А, 3В содержат артефакты, которые напрямую Л.В. Головановой связываются с хостинской мустьерской культурой и индустрией Ахштырской пещеры (Голованова и др., 2006, с. 39-47). В слое 4А, также был найден обломок двустороннего изделия (Рис. 1-4). В крупных обобщающих статьях, посвященных палеолиту Кавказа и вышедших в последнее время, Л.В. Голованова и В.Б. Дороничев безоговорочно относят слои 3А, 3В и 4А пещеры Матузка к хостинской мустьерской группе, датируемой кислородной стадией 3. А слои 5 – 7 этой пещеры рассматриваются как специфическая ранняя индустрия среднего палеолита, стоящая «особняком среди других памятников Кавказа»; слой 7 датируется стадией 5е, слой 6 – стадией 5с, слой 5В – стадией 5а, а слой 5А датируется 4 стадией кислородно-изотопной шкалы (Голованова, Дороничев, 2003, 2005).

Интересно отметить, что в последней, по времени, обобщающей работе по палеолиту Кавказа, В.П. Любин и Е.В. Беляева не относят среднепалеолитические памятники Кавказского Причерноморья к «ранней преистории Кавказа» и никак не учитывают их, за исключением слоёв 5-7 пещеры Матузка, которые, по их мнению, в связи с малочисленностью артефактов, не несут культурологической нагрузки (Любин, Беляева, 2006, с. 81-85).

В 2009 г. во время аварийно-спасательных работ на южной окраине села Ахштырь, за современным сельским кладбищем, на местонахождении 3 (по схеме В.В. Бжания, Отчет, 1973) было найдено незаконченное двусторонне листовидное орудие (Рис. 2-6). Его стратиграфическое положение, впрочем, как и

всех других артефактов эпох палеолита, бронзы и средневековья, определенное – все находки залегают в серо-желтом суглинке, вперемешку, во взвешенном состоянии (Кулаков, Отчет, 2010).

Орудие (Рис. 2-6) – 12,7х3,7х2,8 см, изготовлено из местного кремня (окремненного известняка) невысокого качества, темно-серого цвета, с белыми вкраплениями растительных остатков. Сохранность артефакта хорошая, края и грани не побиты и не оглажены, изделие не окатано и не оглажено. Около 60% поверхности орудия покрыто черно-коричневой корочкой ожелезнения. Изделие незаконченно, на обоих концах сохранились маленькие участки корочной поверхности отдельности кремня. Произведена была только самая первая оббивка крупными и средними сколами, в результате которой изделию был предан четкий двояковыпуклый профиль, на этом этапе процесс изготовления наконечника был остановлен, и изделие было оставлено, скорее всего, на стадии заготовки. Несмотря на это, орудие хорошо вписывается в ряд незаконченных форм, обнаруженных на местонахождениях Хейвани (Рис. 2-1, 2), Сулево (Рис. 2-4), Богос (Рис. 1-6) и по технике изготовления и по морфологии.

Сильное ожелезнение поверхности этого изделия не двусмысленно говорит об его археологизации в отложениях коллидных красноземов (желтоземов) в теплое и очень влажное время, в эпоху гораздо теплее и влажнее современной, скорее всего в эпоху последнего межледниковья – рисс-вюрм (микулино), стадия 5е кислородно-изотопной шкалы, 130/126000 – 118/115000 л.т.н.

Самое последнее, по времени, изучение ахштырской пещерной стоянки в 1999 – 2008 гг., анализ новых данных полученных в его результате, позволяет (на основании пока только геохимического анализа, проведенного М.А. Кульковой) уверенно утверждать, что самый нижний уровень обитания человека в Ахштырской пещере – слой 6/1 современной номенклатуры, «нижний мустьерский слой» С.Н. Замятнина, слой 11 по номенклатуре Е.А. Векиловой – М.Н. Грищенко, формировался «в условиях влажного и теплого климата». Перекрывающие отложения слоя 5/2, в нижней части которого залегают верхи нижнего уровня

обитания человека, формировались уже иных условиях, «климат в этот период стал немного прохладнее и суше». В 1998 г. в лаборатории МГУ (Москва) О.А. Куликовым было получена радиотермолюминисцентная дата для суглинка из середины слоя 5/2 ахштырского разреза – $112\ 000 \pm 22\ 000$ лет т.н. (РТЛ-927) (Кулаков, 2000, с. 25). Десять лет назад эта дата казалась не совсем понятной, но проведенные комплексные исследования памятника в 1999 – 2008 гг. показывают, что РТЛ-датирование ахштырских отложений правомочно, так как оно не противоречит всему комплексу полученных естественнонаучных данных по хронологии стоянки. Следовательно, в настоящее время, мы достаточно уверенно можем привязать самый древний уровень обитания человека в пещере, в слое 6/1, к микулинскому межледниковью (рисс-вюрм), к кислородно-изотопной стадии 5e ($130/126\ 000 - 118/115\ 000$ лет т.н.). А отложения слоя 5/2, с РТЛ датой, можно сопоставлять с началом стадиала (вюрм 1), стадией 5d ($115\ 000 - 105\ 000$ лет т.н.).

Таким образом, в микулинское межледниковье (рисс-вюрм) на Северо-Западном Кавказе вполне определенно можно выделить пласт ранних среднепалеолитических индустрий, наиболее богато представленных в Сочинско-Абхазском Причерноморье: местонахождения Яштух, Хейвани, Сулево в Абхазии; местонахождения Богос, Ахштырь в Адлерском районе; самые древние культурные горизонты в Ахштырской пещере и в пещере Матюзка. Эти памятники вытянулись своеобразной цепочкой с юго-востока на северо-запад на протяжении около 150 км по прямой с юго-западного на северный склон Главного Кавказского хребта, располагаются и располагались они на разной высоте и, следовательно, в различных геоморфологических условиях от морских и речных террас приморских равнин и низкогорья, до среднегорья (до высоты почти 1000 м). Индустрии памятников имеют свои местные особенности, обусловленные в первую очередь качеством и количеством доступного каменного сырья. Но при этом, по крайней мере, три характеристики представлены во всех индустриях, что на наш взгляд и является объединительным началом:

1. Самая яркая черта – во всех индустриях обязательно при-

сутствуют, пусть в единичном количестве, двусторонние листовидные формы, которые все имеют только двояковыпуклый профиль.

2. В орудийных наборах всех коллекций, при абсолютном преобладании скребел и скребловидных изделий, на втором месте стоит категория скребков и скребковидных орудий, как правило, высокой формы (Кулаков, 2006).

3. В технологии и технике расщепления камня во всех индустриях, при знании и использовании леваллуазской технологии получения сколов-заготовок, преобладающей технологией все же было явное стремление древних мастеров получать на каждом конкретном виде сырья удлиненные сколы-заготовки самой разной морфологии, то есть преобладало конкретноситуационное расщепление ядрищ.

Генезис и дальнейшее развитие этих индустрий не совсем ясно. Данных для такого анализа чрезвычайно мало, так как на Северо-Западном Кавказе пока нет ни одного стратифицированного памятника рисского времени, а подъемные материалы не так выразительны, как артефакты рисс-вюрмской эпохи. Пока можно согласиться с общим мнением, высказанном и высказываемым И.И. Коробковым, В.П. Любиным, Л.В. Головановой, об истоках этого пласта ранних среднепалеолитических индустрий в местном позднем ашеле в самом общем виде. Дальнейшее развитие этих индустрий также пока не ясно, так в самой Ахштырской пещере в вышележащих среднепалеолитических горизонтах, при всей схожести технико-технологических показателей и орудийного набора с самым древним уровнем обитания, нет ни одной находки листовидных острий. Да и в других пещерных стоянках Сочи-Адлера: Малой Воронцовской, Навалищенской, Хостинских 1 и 2, Ацинской, нет двусторонних листовидных форм, представляется, что отложения в этих пещерах надстраивают основную пачку пещерных отложений Ахштыря, содержащую практически все среднепалеолитические горизонты. Таким образом, получается, что традиция изготовления двусторонних листовидных наконечников на Северо-Западном Кавказе обрывается достаточно резко, где-то в начале первого вюрмского похолодания, в начале кислородно-изотопной стадии 4.

В заключение хочется отметить одно, на наш взгляд, интересное наблюдение. Далеко от Кавказа, на Юго-Западе Русской равнины, в Приднестровье, индустрия «нижнего культурного слоя» стоянки Стинка 1 (Анисюткин, 2005) дает, на наш взгляд, те же три своеобразные характеристики, только листовидных наконечников на Стинке гораздо больше, примерно столько, сколько их всего на Северо-Западном Кавказе, да датирует исследователь памятник кислородно-изотопной стадией 4 – холодным стадиалом (Анисюткин, 2005, с. 65). Выяснение того, если это возможно, что стоит за этим сходством, требует, как кажется, более внимательного изучения ранних среднепалеолитических индустрий всего юга Русской равнины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисюткин И.К. 2005. Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблемы перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН. – 2005. 186 с.
2. Бжания В.В. 1973. Отчет об охранных работах Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР в Адлерском районе г. Большие Сочи в 1973 г. // Архив Института археологии РАН. – 1973. – Ф. Р-1. – 5247.
3. Векилова Е.А. 1973. О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры // Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 137. – М.: Наука. – 1973. С. 46-53.
4. Векилова Е.А., Грищенко М.Н. 1972. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961-1965 гг. // Палеолит и Неолит. Т. УП. (МИА СССР № 185). – Л.: Наука. – 1972. С. 41-54.
5. Голованова Л.В. 1994. Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. – СПб.: Петербургкомстат. – 1994. – 170 с.
6. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2003. Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. – Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета. – 2003. – С. 3-44.
7. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. – Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета. – 2005. – С. 3-72.
8. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. 2006. Пещера Матузка. – СПб.: Изд-во «Островитянин». – 2006. – 194 с.
9. Гумилевский Н.И., Коробков И.И. 1967. Местонахождение памятников каменного века у села Хейвани // Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 111. – М.: Наука. – 1967. – С. 91-100.
10. Замятин С.Н. 1961. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. – М.-Л.: Наука. – 1961. С. 67-118.
11. Коробков И.И. 1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // Палеолит и неолит СССР. Т. 6. (МИА СССР. № 173). – Л.: Наука. – 1971. С. 61-99.
12. Кулаков С.А. 2010. Отчет об охранных-спасательных работах в окрестностях села Ахштырь, Адлерского района г. Сочи. // Архив Института археологии РАН. – 2010.
13. Кулаков С.А. 2000. Некоторые новые данные к изучению Ахштырской пещерной стоянки (Северо-Западный Кавказ) // Археологические вести ИИМК РАН. № 7. – СПб.: «Дмитрий Буланин». – 2000. С. 20-28.
14. Кулаков С.А. 2006. Об одной индустриальной особенности раннего и среднего палеолита Северо-Западного Кавказа // Первая абхазская международная археологическая конференция: Материалы. – Сухум: «Алашарбага». – 2006. – С. 225-230.
15. Любин В.П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука. – 1977. – 224 с.
16. Любин В.П. 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Палеолит мира. – Л.: Наука. – 1989. – С. 9-142.
17. Любин В.П., Беляева Е.В. 2006. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2006. – 108 с.
18. Любин В.П., Щелинский В.Е. 1972. Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья //

19. Чистяков Д.А. 1996. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. – СПб: Европейский дом. – 1996. – 146 с.

Рис. 1. Листовидные формы Северо-Западного Кавказа.

1. Местонахождение Яхтух, по И.И. Коробкову.
2. Ахтырская пещера, по Е.А. Векловой.
3. Местонахождение Ахтырь, по В.П. Любину.
4. Пещера Матузка, по Л.В. Головановой.
5. Ахтырская пещера, по С.Н. Замитину.
6. Местонахождение Богос, по В.П. Любину.

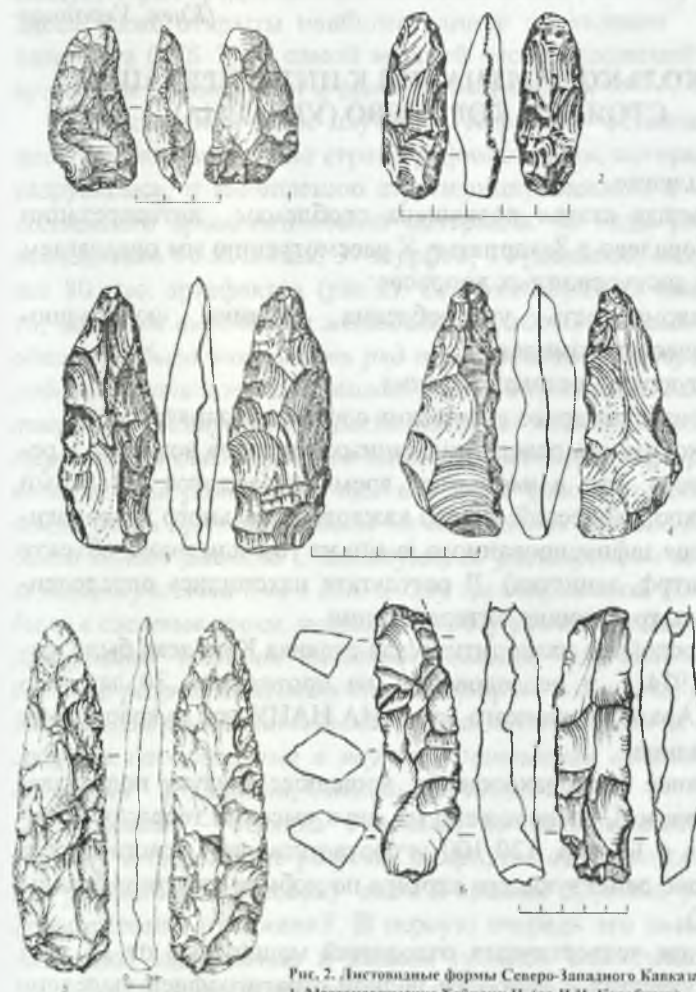

Рис. 2. Листовидные формы Северо-Западного Кавказа.

1. Местонахождение Хейвани II, (по И.И. Коробкову).
2. Местонахождение Хейвани II, (по В.П. Любину).
3. Местонахождение Ахтырь, (по В.П. Любину).
4. Местонахождение Сулево II, (по В.П. Любину).
5. Пещера Матузка, слой 5Б, (по Л.В. Головановой).
6. Местонахождение Ахтырь, 2009 г.

Кулаковская Л., Усик В.
(Киев, Украина)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТОЯНКИ КОРОЛЕВО (УКРАИНА)

Вступление

Настоящая статья посвящена проблемам интерпретации стоянки Королево в Закарпатье. К рассмотрению мы предлагаем несколько дискуссионных вопросов:

1. правомерность употребления термина «культурно-хронологический комплекс»;
2. структура местонахождения
3. количество археологических слоев на стоянке;

Необходимость освещения данных вопросов возникла в результате того, что в настоящее время проводится детальный технико-типологический анализ каждого отдельного археологического слоя зафиксированного *in situ* на том или ином объекте (раскоп, шурф, зачистка). В результате накопились определенные данные, требующие интерпретации

Многослойная палеолитическая стоянка Королево была открыта в 1974 г. и исследовалась на протяжении 30 лет коллективом Археологического музея ИА НАНУ под руководством В.Н.Гладилина.

Основное местонахождение, вошедшее в науку под названием Королево I, расположено на двух высоких террасах (Гострый Верх и Бейвар, 120-100 м соответственно) левого берега Тисы в зоне действующего карьера по добыче андезито-базальтов (рис. 1).

В толще четвертичных отложений мощностью от 14 до 1 метра на участках с наиболее полной стратиграфией выделено семь ископаемых почв, разделенных суглинками. По имеющимся на сегодня данным на местонахождении суммарно обнаружено 10 археологических слоев (нижний палеолит – неолит-эпоха бронзы).

К нижнему палеолиту отнесено два слоя (VII и VI), которые соотносятся с OIS 23/25 и OIS 14 соответственно, затем

следует серия среднепалеолитических слоев (Va - Ib) (OIS 7-4). Здесь также открыты наиболее ранние проявления верхнего палеолита (OIS 3). В самой верхней части отложений залегают артефакты не связанные с палеолитом (слой 1).

На начальном этапе изучения Королево основное внимание уделялось изучению стратиграфии стоянки, которая активно разрушалась, и накоплению стратифицированного и массового подъемного археологического материала. За годы работ было исследовано 16 зачисток, 37 шурфов, 14 раскопов, получено более 80 тыс. артефактов (рис.2). Следует обратить внимание на то, что *“При выработке методики исследований памятника необходимо было учитывать ряд объективных факторов: неразработанность вопросов геологической и археологической стратиграфии Закарпатья; расположение местонахождения на территории действующего камнедобывающего карьера, производственные работы на тех или иных участках которого не могли быть приостановлены на длительное время... Путь разбивки одного раскопа с последующим расширением его на прилегающие участки был в данном случае неприемлем. Необходимо было в сжатые сроки, учитывая угрозу уничтожения карьером, установить границы местонахождения, получить его генеральный разрез, выяснить стратиграфию различных участков, локализацию палеолитических комплексов в плане и профиле, собрать достаточные в научном отношении археологические коллекции”* [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 27].

Королево - стоянка сложная во многих аспектах. В-первых, четвертичные разрезы Закарпатья отличаются от разрезов равнинной (лессовой) части Украины другими условиями формирования отложений. В первую очередь это связано с повышенной влажностью и низким уровнем накопления лессов, что привело к формированию полигенетичных почв, в профиле которых сочетаются признаки нескольких стадий почвообразования **без стерильных прослоек**. Обе вершины (Бейвар и Гострый Верх) в той или иной мере разрушались эрозионными процессами в древности, в результате чего возникали глубокие балки, часть которых была вскрыта археологическими раскопками. В таких условиях на отдельных участках археологические

слои **явно** периодически подвергались размыву и перемещению*.

Во-вторых, в силу специфики химического состава отложений, органические, в первую очередь фаунистические, остатки не сохранились.

В-третьих, физико-химический состав основного сырья, условия его захоронения и длительность воздействия отложений на эти материалы также имели определенное влияние на характер сохранности артефактов. Основным сырьем Королево является вулканическая порода – андезит. В не патинированном состоянии он имеет черный цвет, матовую поверхность и хорошо раскалывается. Со временем поверхность этой породы покрывалась патиной (от серой до белой) и ячейками выщелачивания. В естественном состоянии андезит представлен массивными кубовидными блоками и вулканическими бомбами с сильно патинированной губчатой поверхностью. Ячейки выщелачивания на его поверхности иногда достигают 1-1,5 см в диаметре и до 1 см в глубину. *Артефакты из андезита, которые были найдены на местонахождении, указывали на стойкую тенденцию уменьшения степени разрушения поверхности в зависимости от уровня их залегания в разрезах. Эта тенденция впоследствии была использована для определения относительного возраста этих изделий (Гладилин, Ситливый, 1989, с.23).* Перечисленные факторы, в общем, имели решающее значение на появление такого термина как «культурно-хронологический комплекс».

«Культурно-хронологический комплекс» или «археологический слой»?

В первых публикациях посвященных материалам местонахождения Королево использовался термин «культурный горизонт», что, собственно, соответствует значению термина «археологический слой» (Гладилин, 1975; 1978).

В последующие годы с увеличением количества артефактов (из разных раскопанных объектов и осыпей стенок карьера), возможности визуальной корреляции и расчленения андезитовых

поделок на разные горизонты появилось определение «культурно-хронологический комплекс» (Гладилин, 1980).

Итак, «культурно-хронологический комплекс» в Королево во многих случаях представлял коллекцию, которая объединяет артефакты из разных участков стоянки, найденных *in situ*, в переотложенном состоянии, а также подъемных материалов. Одним из весомых признаков при создании «культурно-хронологических комплексов» было, все-таки, состояние внешней поверхности андезитовых поделок. *«Подкрепляя и уточняя стратиграфические и планиграфические наблюдения, это обстоятельство (степень сохранности поверхности изделий из вулканического сырья – Л.К., В.У.), наряду с технико-типологическими особенностями находок, позволяет привязать к тем или иным культурным горизонтам находок, залегающим *in situ*, обильный подъемный и переотложенный в древности материал как на самом Королевском местонахождении, так и на ряде других палеолитических пунктов Закарпатья»* (Гладилин, Ситливый, 1990, с.28).

Однако если степень сохранности андезитов может выступать критерием формирования такой единицы как «культурно-хронологический комплекс», то изделия из другого сырья (кварцит, кремнь и т.д.), найденные не *in situ* таковыми признаками не обладают. С другой стороны не все «культурно-хронологические комплексы» представляют собой искусственные объединения материалов. Например: коллекция «культурно-хронологического комплекса» Ia (ранний верхний палеолит) происходит с ограниченной территории (Гострый Верх раскоп XII, шурфы 18, 26.) и представлена исключительно артефактами залегающими *in situ*. Аналогичная ситуация отмечена для слоя II-b (классическое остринное леваллуа), который найден только в раскопе XIV на Гостром Верхе и слоя II с шарантской индустрией (Бейвар, раскоп I).

Первоначально на стоянке при выделении «культурно-хронологического комплекса» предполагалась наличие как бы «королевской триады»: стратиграфическая позиция, состояние андезитового сырья и технико-типологический облик артефактов. Однако, реальное положение вещей, как видно из сказанного

выше, оказалось несколько другим.

Получилось, что некоторые «культурно-хронологические комплексы» Королево представляют собой разные по происхождению материалы, что не может не влиять на состав коллекций и конечную интерпретацию каменных индустрий.

Что же касается собственно андезита, то, конечно же, нет оснований полностью игнорировать факт хронологических различий, которые проявляются в степени сохранности поверхности этого материала. Тем не менее, при использовании последнего критерия для определения «возраста» находок с целью отнесения к тому или иному «комплексу» в работе с коллекциями возникли определенные противоречия, которые нельзя не учитывать. В стратифицированных слоях встречается, как правило, несколько видов патинизации и выщелоченности этого сырья, как например, в слое Па (Кулаковская, 1989, с. 35). Аналогичные выводы сделаны и для материалов слоев V и Va. (Усик, 2006). В данном контексте показательным является пример интерпретации отдельной части диагностичных для слоя Va двусторонних листовидных острий. В свое время все эти изделия были найдены в одном раскопе XI (Бейвар), на одних и тех же квадратах (А-4, А-6) в пределах одного литологического горизонта на одной глубине (3,15-3,25 м), но по внешним признакам их распределили по разным комплексам (V, Va, Vb, VI) (Гладилин, Ситливый, 1990а). Такое разделение не представляется сейчас объективно обоснованным (Кулаковская, 2009).

По нашему мнению на современное состояние поверхности андезитовых поделок могли повлиять три основных фактора:

1. Химический состав андезитового сырья неоднороден (Кулаковская, 1989, с. 35; Гладилин, Ситливый, 1990, с. 24; Усик, 2006). Одним из подтверждений этого тезиса являются андезитовые артефакты, которые имеют на поверхности участки с различной по цвету патиной. Речь не идет о случаях реутилизации.

После ознакомления с андезитовым сырьем из стоянки Королево к.г.н Н.Кулик (ИАЭ СО РАН) пришла к таким предварительным выводам: «даже у одного вулкана состав расплава и характер излияний меняются со временем, поэтому в районе па-

мятника просто обязано быть присутствие разных эффузивных пород, включая переходные разности. Многократность излияний непременно должна была приводить и к появлению вулканических бомб и туфов за счет обломков лав предыдущих извержений и экструзивного материала, закупоривавшего вулканический канал. Все это потом спекалось и прошпаривалось агрессивными поствулканическими растворами, причем изменение могло быть разным и за счет разного состава исходных эффузивов (окремнение, каолинизация, алунитизация, альбитизация), и за счет разной степени изменения. Это также должно сказываться на петрофизических свойствах пород, использовавшихся в качестве сырья каменных индустрий» (устное сообщение).

2. Изменение степени разрушения поверхности андезитовых артефактов зависит от древности, положения в геологическом слое и воздействия химического состава седиментов на сырье (ископаемая почва – лессовидный суглинок).

3. Степень разрушения поверхности андезитового сырья сама по себе не может выступать исключительным хронологическим репером, учитывая тот факт, что речь идет лишь о субъективном визуальном определении. Динамика и конечный результат процесса разрушения, по-видимому, зависит от множества факторов: тип, время, продолжительность извержения, химический состав изверженной породы, а также возраст и химический состав палсопочв и суглинков, в которых артефакт погребен.

Созданная на материалах Королево шкала изменения поверхности андезитов и ее корреляция со стратиграфией, конечно же, может быть использована для подтверждения относительной хронологии археологических слоев. Однако в результате наших исследований при анализе стратиграфии и состава коллекций было установлено, что в каждом из ситном горизонте присутствует не один, а несколько эталонов андезитов с разной степенью разрушения поверхности, которая ранее зачастую служила основанием для распределения одного слоя по различным комплексам.

В интерпретации относительной хронологии андезита мы

выступаем не против правомерности использования самого принципа. Просто сейчас у нас нет достаточных аргументов для безоговорочного использования тезиса о том, что «различия в степени сохранности находок из вулканического сырья в основном прямо пропорционально зависят от возраста» (Гладилин, Ситливый, 1989, с.24). Другими словами при анализе поверхности артефактов необходимо делать поправку на то, что отдельные образцы имеют несколько большую степень разрушения, которая зависит не от возраста находок, а от физико-химических особенностей сырья.

Наиболее четкими примерами для такого заключения выступают предметы с так называемой полосчатой структурой, на которых присутствуют участки с серо-голубой и белесой патинной и, соответственно, с несколько большей и меньшей степенью разрушения (Усик, 2006, с.52). Если строго следовать методике определения хронологии артефактов по степени выщелоченности и патине, то одна часть одного и того же предмета должна быть отнесена по возрасту к более «молодому» образованию, а другая – к более «древнему»?

Это еще раз доказывает неприемлемость выделения из гомогенного слоя Va такого комплекса как Vb (Гладилин, Ситливый, 1990а). Вероятно, нечто подобное произошло при разделении единого слоя, на комплексы VI и VII (Koulakovska, Usik, 2008; Koulakovska, Usik, Haesaerts, 2010, в печати).

Искусственное разделение гомогенных коллекций, равно как и включение в коллекции материалов с поверхности по признакам близости внешних признаков андезитов может приводить к изменению оригинальных технико-типологических показателей, а также наполнению «культурно-хронологических комплексов» изделиями нехарактерными в конкретных индустриях.

Учитывая все это, мы считаем, что более целесообразно использовать термин «культурный/археологический слой» к тем материалам Королево, которые происходят в каждом отдельном случае с различных объектов (раскопов, шурфов, зачисток) и были найдены в определенной стратиграфической позиции.

Правомерность наших выводов может быть подтверждена

примерами других памятников, в культурных слоях которых, в силу объективных причин, не сохранились полностью органические компоненты (фауна, очаги и т.д.) Существует еще одна объективная причина, по которой однозначно возникает необходимость использовать именно в Королево термин «культурный слой». Хронологический фактор степени сохранности андезита перестает работать в отношении относительно одновременных каменных собраний. Так среднепалеолитические слои II, II-a, II-b, залегающие в близких стратиграфических условиях в лессовидных отложениях OIS 4 визуальнo практически неотличимы. Каждая из коллекций происходит из разных археологических объектов и обладает своими уникальными технико-типологическими признаками (табл.1).

К сожалению, наши коллеги по-прежнему продолжают пользоваться термином «культурно-хронологический комплекс», не вникая в сущность этого понятия и игнорируя реальную действительность на местонахождении (Дороничев и др., 2006; Кухарчук, 2007; Степанчук, 2006, 2008; Stepanchuk et al., 2010, в печати).

Не применим этот термин и для материалов стоянки Малый Раковец IV в Закарпатье. Местонахождение находится на высоких террасовых уровнях (более 200м) левого берега Тисы, разрушенных и разрушаемых эрозионными процессами, как в древности, так и сейчас. Стратиграфический разрез на стоянке крайне маломощный, каменные изделия переотложены (Ситливый, 1989). Почвенные горизонты практически накладываются один на другой, выщележащие по затекам и трещинам попадают в нижележащие отложения (Рыжов и др., 2009, с.62-63). Имея опыт расчленения подобных участков в Королево, можно с уверенностью сказать, что определить в таком разрезе стратиграфическую позицию археологических слоев очень сложно, практически невозможно. На этой стоянке более-менее четко выделяется лишь один среднепалеолитический слой II (культурно-хронологический комплекс II по С.Рыжову), коллекция которого выглядит относительно гомогенной. Другие «культурно-хронологические комплексы» формируются автором исследований, преимущественно, на основании визуального наблюде-

ния за степенью сохранности обсидианов.

Еще более сложной выглядит ситуация в Рокосовской группе памятников (левый берег Тисы, террасы высотой 200 м и более). Обсидиановые, кварцитовые, кремневые и андезитовые поделки собраны на поверхности вне стратиграфических условий залегания. Объединять материалы из 15-и разных пунктов в культурно-хронологические комплексы (Гладилин, Ситливый, 1990) некорректно, так как их хронология неизвестна, а «близкие» по сохранности изделия из вулканических пород могут принадлежать абсолютно разным индустриям.

После всего сказанного выше возникает извечный вопрос – что делать? Как поступить с многочисленными подъемными материалами Королево, нестратифицированными и/или переотложенными находками из Рокосово, и Малого Раковца IV? Вероятно, в этой ситуации более резонно отказаться от термина «культурно-хронологический комплекс» нежели им пользоваться. Целесообразным было бы разделить эти материалы на группы, учитывая конкретное место находок, их технико-типологический облик и степень сохранности вулканического сырья. Однако, как бы ни расчленили мы эти материалы, как бы ни называли эти образования, «за бортом» останется немалое количество, зачастую, очень показательных артефактов из других видов сырья, а порой и обсидиановых, которые не вписываются в «комплексы».

Количество археологических слоев на стоянке Королево.

Долгое время речь шла о присутствии на стоянке Королево 15 палеолитических слоев, один из которых был отнесен к верхнему палеолиту (I-a), семь – к мустье (I, II, II-a, II-b, III, IV, IV-a), семь к ашелю (V, V-a,b,c, VI, VII, VIII).

Продолжающаяся работа с коллекциями: уточнение и корреляция стратиграфии стоянки, более детальное изучение технико-типологических особенностей индустрий, наблюдения за вариациями состояния поверхности андезитов внутри каждого гомогенного слоя позволили нам внести определенные коррективы в культурно-хронологическую колонку Королево (табл. 1). Эти изменения во многом продиктованы также

тем, что из коллекции каждого культурно-хронологического комплекса изъяты собранные на поверхности материалы, отношение которых к определенному культурному слою не было зафиксировано во время раскопок (разрушение слоя карьером на месте раскопа) или в дальнейшем не было не подтверждено методом ремонтажа.

Таблица 1

Культурно-хронологические комплексы и археологические слои.

Культурно-хронологические комплексы (по Гладилину)	Археологические слои	Хронология
I – мустье зубчатое	I – неолит – эпоха бронзы	OIS 1?
I-a – ранний верхний палеолит	I-a – ранний верхний палеолит	OIS 3
II – мустье одностороннее II-a – мустье вустороннее II-b – леваллуа	II – шарантская индустрия тип Кина, полу-Кина (раскоп I) II-a – микок (раскоп XI) II-b – леваллуа для острий (раскоп XIV)	OIS 4
III – леваллуа IV – леваллуа IV-a – леваллуа	III – леваллуа черепаховидное (раскопы VI, IX, XII; шурфы 18,26) IV – ?, (раскоп I)	OIS 5a
V – переходный от ашеля к мустье	V – средний палеолит с пластинчатым компонентом (раскоп VI, шурфы 18, 26)	OIS 6
V-a – переходный от ашеля к мустье V-b – ашель V-c – ?	V-a – средний палеолит с листовидными остриями (раскоп XI)	OIS 7
VI – ашель	VI – нижний палеолит “Mode 1” (раскопы IX, XI, XIII, шурфы 18,26)	OIS 14
VII – ранний ашель VIII – поздний оловый, ранний ашель	VII – нижний палеолит “Mode 1” (раскоп XIII)	OIS 23?-25?

Слой I во всех случаях найден в переотложенном состоянии в отложениях над первой ископаемой почвой в секторах Гострый Верх и Бейвар. На материалах этого слоя и сборов в окрестностях (пункты близ сел Черна, Хижа, Новоселица) была выделена чернинская мустьерская культура: мустье зубчатое (Солдатенко, 1982; Кулаковская, 1989). Ниже этой почвы в стратиграфической позиции находился верхнепалеолитический слой Ia. Таким образом, на стоянке Королево, фиксировался уникальный момент переслаивания среднего и верхнего палеолита. Естественно, подобная гипотеза нуждалась в более, чем серьезной всесторонней перепроверке. В первую очередь, это касалось согласования возраста первой ископаемой почвы. В результате последних геологических исследований первая почва Королево была определена как витачевская (55-27 т.л.). Более того, достаточно часто над этой почвой залегали уже непосредственно голоценовые отложения, как например в разрезе 1998 г. (Haesaerts, Koulikovska, 2006). Такую же картину можно было наблюдать и при зачистке стенок шурфа 26, где прослеживались участки как с четвертичными седиментами над первой почвой, так и с их отсутствием. Аналогичная картина зафиксирована и на отдельных участках стоянки Сокирница (Герасименко, 2006). Подобная ситуация, вызванная палеоклиматическими особенностями региона типична для плейстоценовых разрезов Закарпатья.

Андезитовая коллекция слоя I неоднородна в своем технико-типологическом выражении. Что касается ее «мустьерской» части, то здесь очень несовершенна техника первичного раскалывания, ударные площадки не подготовлены, нуклеусы, практически сработаны до предела большей частью без определенной системы. Иногда создается впечатление, что раскалывание производилось не каменным отбойником, а металлическим предметом. Зубчатые орудия оформлены скорее т.н. «клектонскими» выемками. Этот «завершающий аккорд» закарпатского мустье» (Кулаковская, 1989, с.120) выглядит слишком уж архаичным для среднего палеолита. Следует сказать, что технологические приемы первичного раскалывания и вторичной отделки в среднем палеолите обладают во всех отношениях более совер-

шенными подходами, определенной стандартизацией орудий, чего нельзя сказать о коллекции слоя I.

Практически везде каменная индустрия этого слоя сопровождалась находками керамики, а порой и развалов сосудов. Встречались остатки трупосожжения в глиняном горшке (рис.3). Керамика тоже не есть однородной. Часть из нее можно отнести к неолиту, часть к более позднему времени, как например эпохе бронзы. Такое мнение было высказано при знакомстве с материалами слоя I польскими коллегами проф. Я. Козловским и Я. Махником, профессиональный уровень которых и знание европейских (в частности карпатских) материалов ни у кого не вызывает сомнения. Более того, в коллекции андезитовых артефактов, ими было выделено несколько сколов оформления каменных топоров (рис.4).

К этому следует добавить, что в материалах, собранных на чернинских пунктах также присутствуют шлифованные топоры. Фрагменты аналогичной керамики есть в собраниях местонахождения Соргейдь, индустрия которого и по состоянию андезитового сырья и по технико-типологическим особенностям является полным аналогом слоя I Королево. Встречены фрагменты керамических сосудов в коллекциях Рокосовских пунктов, в верхней части отложений стоянок Шаян I Сокирница I, Малый Раковец IV.

Стало быть, индустрию слоя I следует исключить из круга среднего палеолита, признать предыдущие выводы ошибочными и констатировать полное отсутствие в настоящее время «мустье зубчатого» в Королево. Нет также данных, подтверждающих факт существования среднепалеолитической индустрии в Королево после появления там верхнепалеолитического слоя. Нам кажется, что предоставленных данных, которые появились после изучения стратиграфии ранее известных и новых памятников (Шаян I и Сокирница I), обработки других коллекций, уточнения возраста первой ископаемой почвы в Королево и вышележащих суглинков, достаточно для сделанного нами вывода.

Заключение о более позднем, нежели палеолит, возрасте слоя I уже опубликовано (Кулаковская, 1999), тем не менее, В.Н.Степанчук в работе, претендующей на статус «обобщения»

данных по нижнему и среднему палеолиту Украины, по-прежнему, пишет о «зубчатом мустье» в Закарпатье (Степанчук, 2006, с.90—91, 119). Он не владеет информацией, так как никогда не знакомился с материалами палеолита Закарпатья. С другой стороны он отличается умением очень небрежного обращения с публикациями коллег и «забывчивостью» ссылаться на них. Несколько удивляет позиция многолетнего участника работ в Закарпатье Ю.В.Кухарчука, который также считает слой 1 Королево среднепалеолитическим (Кухарчук, 2007, с.18, с.25). Именно Юрий Васильевич неоднократно фиксировал на разных участках местонахождения (к примеру, раскоп XI) находки андезитовых поделок слоя I вместе с керамикой. Именно он знает, что нигде и никогда в Королево слой 1 не был раскопан как однородный культурный слой. Вся коллекция состоит из отдельных находок, происходящих из верхов разных разрезов.

Слой IV(?). В раскопе I (Бейвар) на очень небольшой площади была собрана коллекция (317 пр.) андезитовых поделок, среди которых два нуклеуса (один из них отнесен к категории неопределимых) и фрагмент вентрального скребла. Многие из артефактов соединялись между собой. Индустрия была опубликована как леваллуазская (Кулаковская, 1989, с.20-22). Сомнения в самостоятельности этих материалов возникали периодически. С одной стороны, эти подделки прослежены в заполнении древнего оврага и планиграфически они залегали очень компактно, с другой – коллекция производит впечатление локализованного места раскалывания сырья без четкой связи с окружающими материалами. Поэтому и сейчас вопрос с этими материалами остается открытым.

Слой IV-а. Материалы этого слоя происходят из одних и тех же раскопов, что и слой III, зафиксированы в практически аналогичных стратиграфических условиях, но иногда имеют некоторые вариации в степени сохранности поверхности. Частые случаи ремонта изделий указывают на принадлежность к одной индустрии. В пользу их объединения свидетельствует и технико-типологический облик коллекций: леваллуазский чере-

паховидный принцип раскалывания (Кулаковская, 1999, 2003, 2004.)

Коллекции т.н. слоев **Vc** и **Vb** исключительно малочисленны и, скорее всего, были созданы искусственно. Стратиграфическая позиция, внешний вид андезитов и техника изготовления двусторонних изделий из слоя **Vb** [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 48] полностью соответствуют таковым для слоя **Va**. Более того, в слое **Vb** отсутствуют какие-либо следы изготовления двусторонних изделий. В материалах слоя **Va** представлены все слагаемые этого процесса: заготовки для изготовления двусторонних (листовидных) орудий, сколы оформления этих орудий, фрагменты и уже законченные образцы.

Вместо двух нижних слоев **VII** и **VIII** в новой колонке остался один слой – **VII**. Небольшая коллекция древнейших артефактов *in situ* была зафиксирована только в раскопе XIII (Гострый Верх), большая часть опубликованной коллекции происходила из других объектов как на Гостром Верхе, так и на Бейваре, а также включала подъемный материал. Согласно геологическим описаниям, отложения содержащие этот материал идентичны (Адаменко и др. 1989; Adamenko, Gladiline, 1989; Гладилин, Ситливый, 1990; Haesaerts, Koulikovska, 2006). Эти находки аналогичны и по степени сохранности андезитов. Таким образом, сегодня нет оснований говорить о существовании двух слоев в отложениях ниже границы Матуяма-Брюнес.

Приведенные данные изменений в стратиграфическом положении, количестве слоев и культурной интерпретации представляют только незначительную часть результатов, полученных за последнее время. Остаются необработанными огромные массивы материалов среднего и раннего палеолита, собранные на огромной территории местонахождения в различных раскопах, зачистках и шурфах. Явного прояснения также требует вопрос о количестве стоянок в Королево.

Королевская группа стоянок

Существует еще один важный аспект в исследовании памятника, на котором хотелось бы остановиться.

Итак, стоянка Королево расположена на двух вершинах

Археологическая стратиграфия

(Бейвар и Гострый Верх) на расстоянии 300 м. Первые находки были сделаны в осыпях восточной стенки Бейвара в 1974 г. тогда же там были проведены первые изыскания, которые и зафиксировали артефакты *in situ*. Памятник был назван КОРОЛЕВО. Основные работы в первые годы были сосредоточены на вершине Бейвар, несколько позже начались исследования и на Гостром Верхе.

Со временем стало ясно, что вершины различаются как в археологическом, так и в геологическом плане. Вершина Бейвар была подвергнута в древности более интенсивным эрозионным разрушениям. Особенно это касается более древних отложений. В свою очередь на Гостром Верхе лучше сохранилась геологическая последовательность, которая и послужило основой сводного (комбинированного) разреза стоянки Королево (шурфы 18 и 26). В конце 90-х годов П.Эзартс провел новые работы по изучению геологии и стратиграфии стоянки (профиль 1998 г) (Haesaerts, Koulakovska, 2006, fig.3-4) (рис.5).

Впервые была проведена:

- корреляция отложений стоянки Королево с кислородно-изотопными стадиями (OIS) (Shackelton N.J. et al., 1990);
- расчленение четвертичных отложений, основываясь на микроморфологическом анализе;
- в очередной раз подтвердилось наличие на стоянке границы Брюнес-Матуяма;
- сопоставление разреза стоянки с региональными схемами Центральной Украины, Волыни и Подолии, Венгрии) (Peesi, 1985; Bogutski et al., 2002).
- уточнен возраст первой ископаемой почвы.

Археологическая стратиграфия на этих вершинах в настоящее время выглядит таким образом:

Вершины ⇒ Слой ⇓	БЕЙВАР	ГОСТРЫЙ ВЕРХ
I (неолит -бронза)	+	+
I-a (ранний верхний палеолит)	-	+(раскоп XII)
II (средний палеолит, шарантский технокомплекс)	+(раскоп I)	-
II-a (средний палеолит, микокский технокомплекс)	+(раскоп XI)	-
II-b (средний палеолит, леваллуа-мустье для острий)	-	+(раскоп XIV)
III (средний палеолит, леваллуа-мустье черепаховидное)	+(раскоп VI, IX, XI)	+(раскоп XII)
IV	+	-
V (ранний средний палеолит с пластинчатой индустрией)	+(раскоп I(?), VI, IX, XI)	+18,26(раскоп XII)
V-a (средний палеолит с листовидными остриями)	+(раскоп XI)	?
VI (нижний палеолит)	+(раскоп IX, XI)	18, 26 + зачистка 1998 г.
VII (нижний палеолит)	-	+(раскоп XIII)

По последним данным можно говорить, что в «КОРОЛЕВО-БЕЙВАР» преобладают среднепалеолитические слои, в то время как «КОРОЛЕВО-ГОСТРЫЙ ВЕРХ» включает остатки поселений раннего верхнего палеолита (Ia), немногочисленные среднепалеолитические материалы (2b, III, V) а также два слоя нижнего палеолита (VI, VII). С другой стороны, не сложно заметить, что на каждой из вершин раскопы, содержащие остатки древних поселений, расположены отдельными пятнами (рис.2), которые находятся иногда на расстоянии до 100-300 м друг от друга. Конечно же, следует учитывать тот факт, что к 1974 г. работами карьера (интенсивное производство началось в 1946 г) уже была уничтожена значительная площадь стоянки.

Немаловажным есть и то, что в отличие от археологов работавших до 5 месяцев, предприятие работало круглогодично. Однако на обеих вершинах существуют т.н. стерильные пространства (это подтверждается раскопанными объектами, в которых отсутствуют те или иные слои). Скорее всего, в окрестностях Королево существовала группа стоянок. Именно здесь на протяжении длительного отрезка плейстоцена с периодическим постоянством появлялись отдельные первобытные коллективы - носители абсолютно разных технико-типологических традиций. Вероятно, в одних случаях можно говорить о долговременных и обширных поселениях, стоянках-мастерских, в других – о кратковременных стоянках, собственно посещениях местонахождения. Привлекало сюда первобытного человека обилие сырья, охотничьи угодья открытых пространств Среднедунайской (Паннонской низменности), водные источники. Подобная ситуация, скорее всего, характерна и для Рокосовской группы стоянок.

Все сказанное позволяет нам считать эти две вершины двумя отдельными местонахождениями. Чтобы не вносить путаницу в уже устоявшиеся представления о стоянке, мы называем их **КОРОЛЕВО-БЕЙВАР** и **КОРОЛЕВО-ГОСТРЫЙ ВЕРХ**.**

В 500 м на юго-запад от Бейвара на более низком (20м) террасовом уровне расположено местонахождение **КОРОЛЕВО П**. В переотложенном состоянии здесь присутствуют изделия верхнепалеолитического облика (граветт?). В суглинке над ископаемой почвой последнего межледниковья находится слой II с индустрией раннего верхнего палеолита, для которой характерна верхнепалеолитическая пластинчатая техника раскалывания и фасетированная система подготовки площадок. В типологии индустрии присутствуют в основном верхнепалеолитические типы (скребки, резцы, острия на пластинах) в сочетании с двусторонними листовидными формами, скреблами, зубчатыми изделиями. Из верхов второй почвы происходит коллекция кварцитовых изделий среднепалеолитического облика: диско-видные и одноплощадочные нуклеусы, сколы. Ранее индустрия была определена как аналог слоя III местонахождения Королево (Кулаковская, 1989).

Выводы.

Итак, мы предлагаем такое видение стоянки Королево.

1. На протяжении длительного отрезка времени (900 тыс. лет - ~40-30 тыс. лет назад) в окрестностях современного с. Королево Виноградовского р-на Закарпатской области существовало три самостоятельные стоянки: Королево-Гострый Верх, Королево-Бейвар и Королево П. Вероятнее всего, что в Королево-Гострый Верх и Королево-Бейвар, можно говорить об остатках нескольких отдельных поселений.

2. Реальная действительность склоняет нас к отказу от термина «культурно-хронологический комплекс» и применению более объективного понятия «культурный / археологический слой».

3. Если принять два первых вывода, а также стратиграфические уточнения тогда становится понятным исчезновение некоторых «культурно-хронологических комплексов».

4. Сложно сказать что-либо более конкретное о материалах слоя I. Здесь явно речь идет об остатках более поздних, нежели палеолит, поселений, ареал распространения которых включал не только Королево, но и близлежащие террасы в р-не с. Черна, Новоселица, Плешка, урочище Соргейдь.

Предложенные коррективы в прочтении одного из опорных для центральноевропейского региона памятника никак не умаляют его значения. Королево – это наиболее раннее появление первобытного человека в этом регионе, многообразие среднепалеолитических технокомплексов, связанных с теми или иными традициями в обработке камня, своеобразные ранние верхнепалеолитические индустрии, существовавшие во время перехода от среднего к верхнему палеолиту. Стоянка, расположенная на восточной оконечности Центральной Европы, аккумулировала многие из известных, на европейском континенте, палеолитических традиций, часть из которых со временем проявилась на востоке от Карпат, часть могла исчезнуть.

В перспективе, опираясь на методику изучения материалов по принципу: объект, стратиграфия, культурный слой, сырье, технико-типологические характеристики, мы предполагаем получение новых данных о вариативности палеолита в Королево.

Благодарности: Авторы выражают благодарность П.Эзартсу, Л.Меньян, Ж.-М. Женесту, Н.Герасименко, Н.Кулик за помощь и сотрудничество.

*Высокое количество осадков в Закарпатье в настоящее время также способствует образованию уже современных промоин. Это мы наблюдаем на протяжении 30 с лишним лет в Королево, Рокосово, на стоянке Рубань.

** Более чем странным выглядит то, что В.Степанчук упоминая о «стоянках в районе Королево» (Stepanchuk V., 2010, с.4), как обычно, не утруждает себя ссылками на публикации, где об этом уже было сказано (напр. Кулаковская, 1999)

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаменко О.М., Адаменко Р.С., Гладиллин В.Н., Гродецкая Г.Д., Левковская Г.М., Пашкевич Г.А., Поспелова Г.А., Солдатенко Л.В., Шелкопляс В.Н. Палеолитическое местонахождение Королево в Закарпатье // БКИЧП. 1989. 58. с. 5-25.

2. Герасименко Н.П. Динамика палеоэкологических обстановок на стоянке Сокирница (Закарпатье) // The European Middle Palaeolithic. – Киев: Шлях, 2006. – С. 132-152.

3. Гладиллин В.Н. Итоги пятилетних исследований Закарпатской палеолитической экспедиции. //Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), К.1975.с.14-16

4. Гладиллин В.Н. Королево – опорный памятник раннего палеолита в Закарпатье.// Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.,Ужгород 1978, с.15-16

5. Гладиллин В.Н. О времени возникновения позднего палеолита в Европе.// Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР, Днепропетровск.1980.с.27-28

6. Гладиллин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. К., 1990а.

7. Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. Треугольная

пещера. Нижний палеолит Кавказа и Восточной Европы. – Санкт-Петербург, 2007. – 269 с.

8. Кулаковская Л.В. Палеолитические местонахождения в районе Королево // Археологический альманах. Донецк, 1999. № 8. с. 153-158.

9. Кулаковська Л. Левалузька замальовка із Королевого // Кам'яна доба. Київ: Шлях, 2003. - вип.4-С.112-120.

10. Кулаковская Л.В. Леваллуа. Королево. Слой III. //Археология и палеоэкология Евразии.- Новосибирск.- 2004.- С.138-149.

11. Кухарчук Ю.В. Закарпатська одісея В.М. Гладиліна // Кам'яна доба України. – Вип.10. – Київ: Шлях, 2007. – С. 9-28.

12. Рыжов С.Н., Матвишина Ж.Н., Пудовкина А.С., Левчук П.А. Стратиграфические и планиграфические исследования палеолитической стоянки Малый Раковец IV на Закарпатье // Vita Antiqua K., 2009. №7-8 . с.60-72.

13. Ситливый В.И. Раннепалеолитические комплексы Малого Раковца IV в Закарпатье.//Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев.1989.146-154.

14. Солдатенко (Кулаковская) Л.В. Мустье Тисо-Дунайского бассейна. //Автореф. дисс...канд. ист. наук. Л., 1982.

15. Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы, 2006.

16. Усик В.И. Королево. Новые аспекты исследований культурного слоя V // Европейський середній палеоліт. К., 2006. с. 50-78.

17. Adamenko O.M., Gladiline V.N. Korolevo - un des plus anciens habitats acheuléens et moustériens de Transcarpatie soviétique // L'Anthropologie. Paris. 1989. t. 93. n. 4. pp. 689-712.

18. Bogutski A., Lanczont M., Loess stratigraphy in the Halych Prydnistrovja region//Loess and Palaeolithic og the Dniester River Basin, Halyc Region (Ukraine). // Studia Geologica Polonica. Cracow. 2002. vol. 119. pp.366-373.

19. Haesaerts P., Koulakovska L. La séquence pédosédimentaire de Korolevo (Ukraine transcarpatique): contexte chronostratigraphique et chronologique // Европейський середній палеоліт. К., 2006. с. 21-37.

20. Koulakovskaya L., Usik V. Early Paleolithic of Korolevo site (Transcarpathian, Ukraine) level VII // Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск. 2008. с.260-267.

21. Koulakovska L., Usik V., Haesaerts P. Early Palaeolithic of Korolevo site (Transcarpathian, Ukraine) // Quaternary International. 2010. In Press.

22. Pecs M. Chronostratigraphy of Hungarian loesses and the underlying subaerial formation // Loess and the Quaternary. Budapest. 1985. pp.33-49.

23. Shackelton N.J., Berger A., Peltrier W.R. An alternative astronomical calibration of the lower Pleistocene timescale based on ODP Site 677. // Transaction of the Royal Society of Edinburgh: Earth Sciences. 1990. 81. pp.251-261.

24. Stepanchuk V.N. Medzhibozh, Ukraine: Early Middle Pleistocene of human dispersal at the East European Plain // Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск. 2008. с. 291-301.

25. Stepanchuk V., Ryzhov S., Rekovets L., Matviishina Zh. The Lower Palaeolithic of Ukraine: Current evidence // Quaternary International. 2010. In Press.

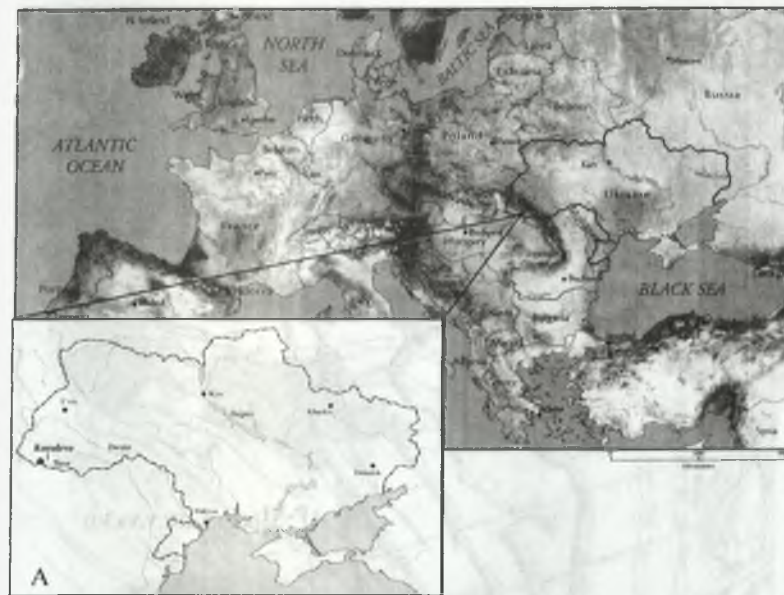

Рис.1 А- карта Европы и Украины:
1 – местонахождение Королєво. В – общий вид стоянки Королєво 1.

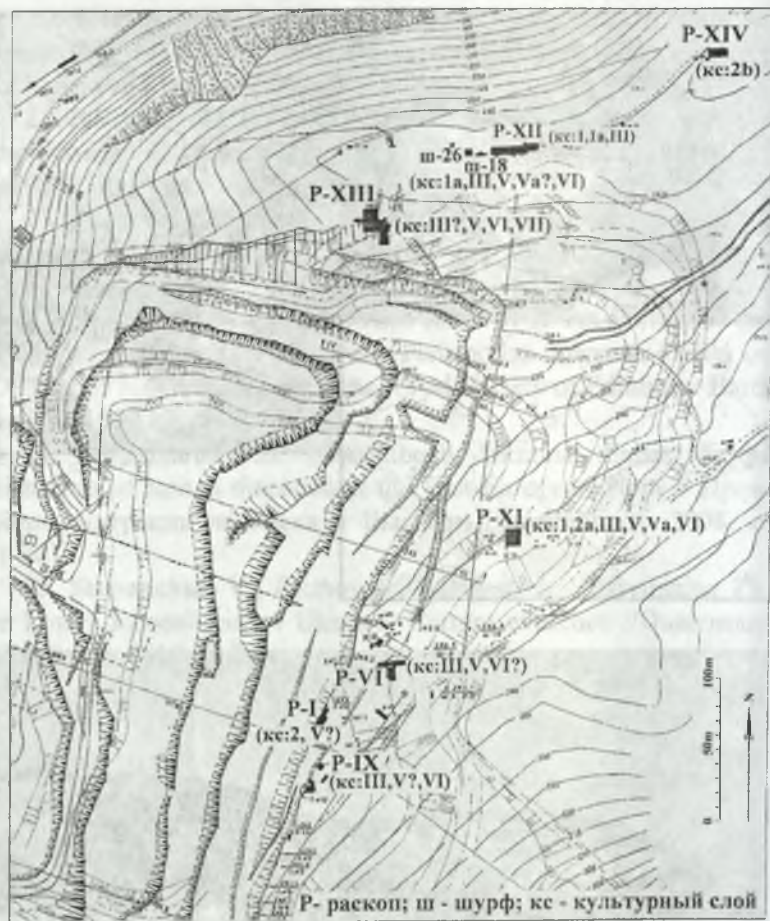

Рис.2. Королево. План карьера. Черным цветом отмечены раскопы (Р), шурфы (Ш), кс – культурный слой).

Рис. 3. Королево. Слои I. Керамические п

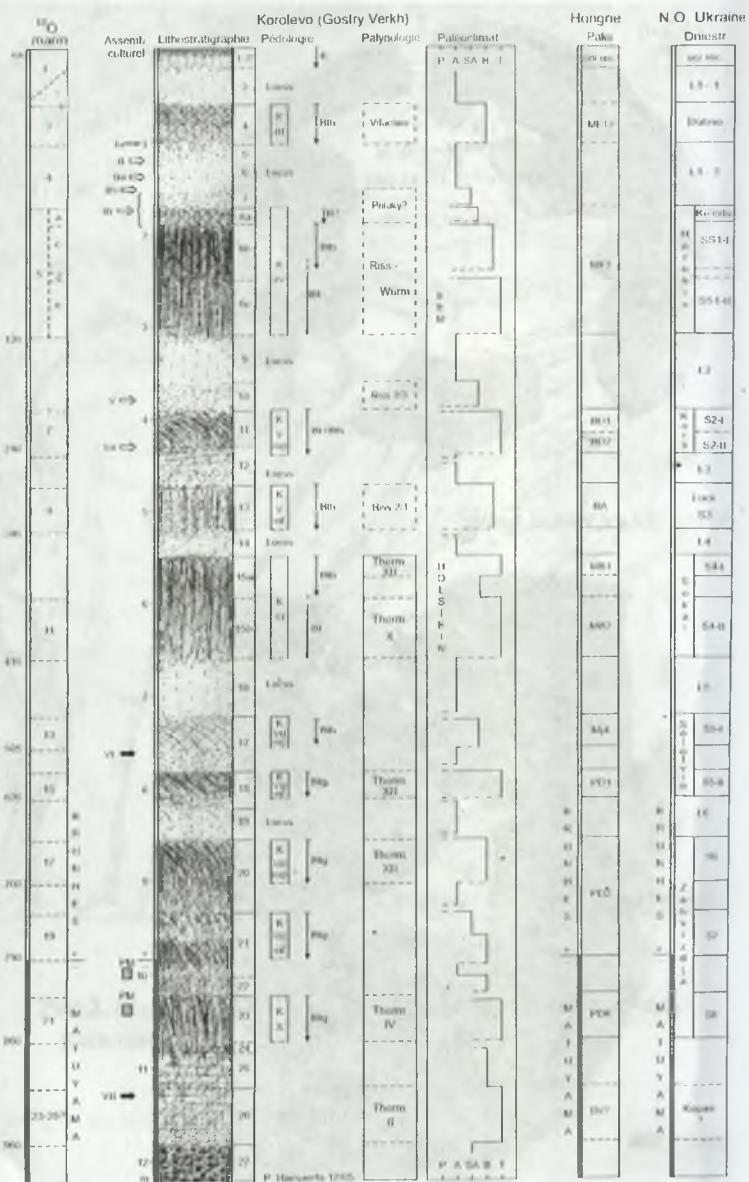

Рис.4. Слой I. Королево. Слой I. Изделия из андзита

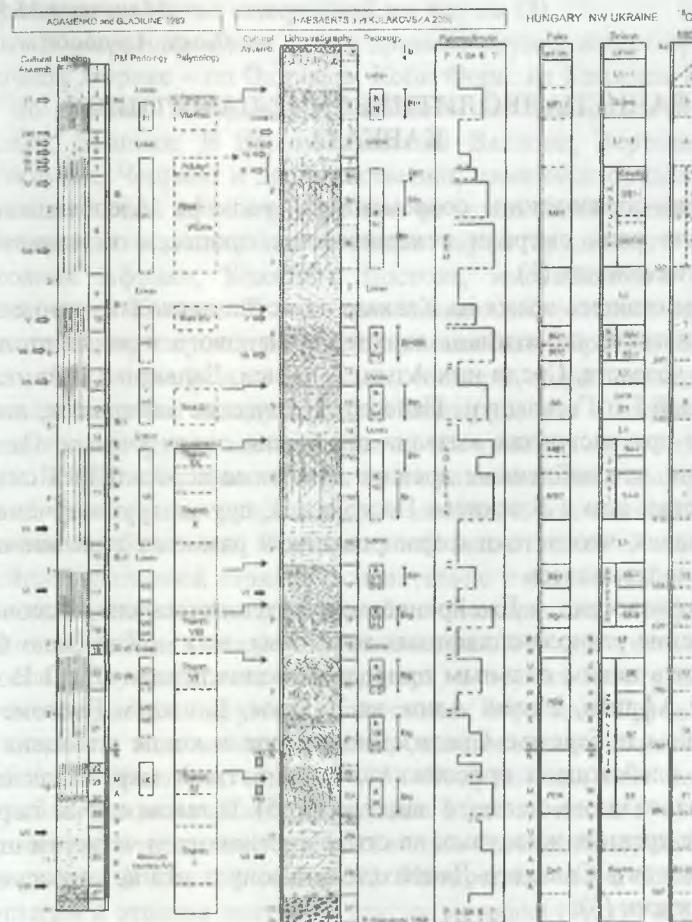

Рис.5. Лессово-почвенный разрез Королево, скорелированный с лессовыми разрезами Венгрии (Pécsi 1985) северо-западной Украины (Bogutski and Lanczont, 2002) и морскими изотопными стадиями ODP Site 677 (Shackleton et al., 1990). Обозначения: маленькая белая стрелка – ранний верхний палеолит; большая белая стрелка – средний палеолит; черная стрелка – ранний палеолит; P - перигляциальный; A - арктический; SA - субарктический; B - бореальный; T – умеренный (по Koulakovska L., Usik V., Haesaerts P.2010).

*Мансуров М.М.
(Баку, Азербайджан)*

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА

При образовании современного рельефа Азербайджана большую роль сыграли тектонические процессы и климатические изменения (1).

В настоящее время на Кавказе известно несколько раннепалеолитических памятников верхнеплиоценового и эоплейстоценового возраста. Среди них Азых, Дманиси, Дарвагчай, Айникаб I, Мухкай I и Гегелашур. Палеонтологические материалы, найденные при раскопках вызвали дискуссии среди ученых. Одни полагали, что найденные древние животные переселились сюда из Африки или с Ближнего Востока (1), другая группа учёных утверждала, что истоки формирования и развития этих животных находятся здесь.

Как известно, в Джейранчельской степи выявлено массовое погребение разноландшафтных животных, что можно было бы объяснить неким сильным природным катаклизмом (2). В Восточной Африке, Малой Азии, на Кавказе, Ближнем Востоке и восточном побережье Средиземного моря в конце плиоцена – начале плейстоцена прослеживается животный мир, характерный для саванно-степного ландшафта (5). В таком случае переселение древних животных на стыке третичного и четвертичного периодов в Салехето-Джавахетскую зону с юга не согласуется с фактами (6).

Как отмечено выше, в конце четвертичного периода на большей части территории Кавказа вулканические процессы, вздымание – опускание почвы и глобальные изменения климата привели к формированию животного мира на зональной основе. (3).

Уместно отметить, что на Южном Кавказе тоже найдены остатки приматов, понгид и гоминид. Можно указать находки из пещерной стоянки Кударо (5), зубы дриопитека с горы Удабно на западе Азербайджана, близ границы с Грузией (7), черепа

приматов и остатки синхронной им фауны (9).

В настоящее время самые древние орудия известны: в Восточной Африке – по Олдуваю, Коби Фора; на Ближнем Востоке – по стоянке Убейдия; на Кавказе – по пещерным стоянкам Азых, Дманиси. В Европе известны Валлоне, Вертешселлеш, Атепурка, Чепрано и др. Естественно, каменные орудия первобытных людей на каждой стоянке не могли быть одинаковыми. Но при этом улавливаются общие черты орудийного сервиса стоянок Африки, Ближнего Востока, юго-западного и юго-восточного Кавказа. В этих памятниках дисковидные одноплощадочные нуклеусы, простые однолезвийные скребла, многофасеточные резцы, ножи с обушком, чопперы, гладкоплощадочные отщепы похожи между собой. Интересно, что в дагестанских памятниках орудия изготовлены на кремнистых плитчатых камнях. В VIII – X слоях пещеры Азых ранние поселенцы производили свои орудия на кремнистых камнях, извлечённых из естественных обнажений. Орудия из нижних отложений этой древнейшей пещерной стоянки основательно отличаются от памятников, привлекаемых для сравнения по технике, морфологии, типологии. Так, в придонных отложениях Азыха, то есть в VIII – X слоях, нуклеусов не наблюдается, а орудия изготовлены на конгломератных округлых и плитчатых образцах. Орудия представлены в виде клинообразных, долотовидных, клювовидных рабочих элементов, скребел (12). Олдувай дал нам чопперы, скребла, резцы и выемчатые орудия. Здесь в I пачке культурных отложений вторичная обработка велась бессистемно, глубокими фасетками (сколовой техникой). Интересно, что в Коби Фора чопперы и отщепы получены другим методом (4): тут вторичная обработка шла уже системно, утончающими сколами. Тяжелые орудия оформлены как будто на нуклеусах (11). Таким образом, Коби Фора по своим приемам превосходит индустрию I пачки Олдувая, где вторичная обработка более примитивна и аморфна (4). В Дманиси же изготовление артефактов руками Homo erectus'ов вызывает некоторые сомнения: у дманисских гоминид черепная коробка узкая, лоб меньшей ширины и, главное, объем мозга менее 600 см³ (Лордкипанидзе, Векуа 2006). Не все гоминиды в Дманиси могли изготавливать орудия. Состав фауны тоже

не такой древний: в первых публикациях отмечается верхний виллафранкский возраст (6). С другой стороны фауна в отложениях представлена в смешанном виде. Некоторые скелеты целые, иногда не раздроблены отдельные крупные кости. Все это создает такое впечатление, что погребенные здесь трупы животных, черепа гоминид и каменные изделия попали в эти отложения с разных участков и в разное время, в силу сползания, селевых потоков и других природных процессов.

Орудия нижних отложений (VII – X слои) пещеры Азых по источникам сырья, форме, а также по приемам вторичной обработке сильно отличаются от каменных изделий Олдувая и Дманиси.

Структура VI слоя пещеры Азых очень сложна. В ходе Всесоюзной археологической сессии 1965 г. геологи признали этот слой аллювиальным по типу образования (16). Поздние раскопки показали, что прежний разрез отражал ситуацию подкапельной линии того времени, так что после образования отложений шло мощное вымывание, выполаскивание с передней площадки через стенную трещину на этом участке, отчего передняя часть слоя подверглась сложным изменениям, а каменные изделия и кости здесь отлагались в сглаженном, стертом виде.

В глубине пещеры, в 10 – 12 метрах от скальной платформы передней площадки, прослеживается другая картина. Внутри и снаружи этого участка отложения VI слоя лежат горизонтально. Формирование этого слоя соответствует Бакинскому геологическому ярусу, который характеризуется холодными и влажными условиями. Из этого слоя извлечены остатки ранних крупных позвоночных животных (древний медведь, носорог Мерка, лошадь, бизон Шотензака, лань, гигантский олень). В общей сложности определено 45 видов из VI слоя (17). В других пещерных памятниках Кавказа такого богатства фауны не встречается. Даже известный палеонтолог Н.И.Бурчак-Абрамович при ознакомлении с фауной пещеры Азых выразил мысль о том, что здесь очень высокая минерализация и фоссилизация. В действительности кости этого слоя окаменелые, тяжелые и красноватые. Если говорить о каменных изделиях памятников раннеплейстоценового возраста, то здесь отражены все ступени обра-

ботки камня. В коллекции слоя есть нуклеусы, чопперы, многогранники, кливеры, переходные формы от чоппера к рубилу, клювовидные и ретушированные орудия на отщепках (14). В заготовках прослеживаются укороченность, утонченность, а на ударных площадках – фасетирование и тонкая вторичная обработка (ретушь). Встречаются как будто верхнепалеолитические (скребки, резцы, ножи) типы орудий. В комплексе представлены мелкие орудия на разноцветных кремнях.

Многостороннее сравнение и показали, что Азых является. Нам также представляется, что изделия нижних (VII – X) слоев этой грандиозной пещеры более примитивны, аморфны и архаичны, чем I пачка Олдувая. Надо учитывать еще и то, что эти отложения вскрыты пока лишь на относительно узком участке...

X – IX слои дали орудия с носиками и клювовидные инструменты. Из IX слоя извлечены клинообразные, колотушковидные, ступкообразные орудия. Здесь же наблюдаются ножевидные и резцовые изделия. В VIII слое появляется орудие в виде утюжка. Но во все времена жизнь и деятельность первобытного человека сопровождали грубые рубящие орудия (19).

Отметим, что с верхнего горизонта отложений эоплейстоценового возраста (VIII слой) начинается формирование нуклеусов и освоение получения отщепов. А уже в VII слое появляются массивные удлинённые, широкие отщепы. Это уже приметы ашельского периода.

Материалы Дманисского местонахождения по техническому уровню соответствуют VII слою пещеры Азых. По условиям образования, структуре и составу III (3) слой Дманиси напоминает горизонт между VII и VIII слоями пещеры Азых, который датируется 730 тысячами лет.

Сырье в Дманиси – окремнённый туф, поэтому обработка камня впечатляет гладким и системным характером (8). В Азыхе как сырье иногда использовался кварцит и лавовые породы, отчего следы вторичной обработки остаются аморфными, расплывчатыми.

Технический уровень, состав фауны и геологические показатели позволяют оценить возраст Дманисского местонахождения в 1,4 млн лет: как известно, вулканическая магма дала 1,8-

миллионелетний возраст, а древние гоминиды могли поселиться на этом месте на несколько сот тысяч лет позже.

В Азербайджане найдена фауна абшеронского времени. Вскрыты палеонтологические комплексы плиоцена (агчагыльского возраста) в Джейранчельской степи. В нижних отложениях Азыха выявлены целые кости в разложившемся виде; по определению Д.В. Гаджиева, они принадлежат животным типа антилопы (20). Участок раскопа здесь всего 8 м², а если вскрыть еще несколько квадратных метров, то совместно с биологами и геологами удастся уточнить и геологическое положение, и онтологическую арену, а также детали зачаточной трудовой деятельности ранних гоминид, после чего этот памятник наверняка займет достойное место в мировой систематике.

Пока и сравнительные анализы данных по стратиграфии отложений, и геоморфологические сопоставления, и технические данные позволяют по-прежнему считать Азых самой древней стоянкой на Южном Кавказе. На сравнимой стоянке вторичная обработка системна, типы орудий серийные – такая системная, сложившаяся техника работы по камню могла появиться лишь на достаточно продвинутом этапе. Можно заключить, что нижние пачки пещеры Азых, по их степени вторичной обработки сколов и формам изделий, остаются самыми древними в этом регионе.

Геоморфологические разработки показывают, что уровень нижних отложений пещеры Азых относится к террасам Малого Кавказа давностью около двух миллионов лет. Установлено также, что Х слой Азыха лежит на агчагыльском галечнике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамедов А.В., Мусейбов М.А., Ширинов Н.М. 1978. Развитие рельефа Азербайджана в позднем плиоцене и плейстоцене в связи с изменением климата. Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и голоцене. Изд. «Эльм», Баку.
2. Гаджиев Д.В., Ахундов Ф.М., Алиев С.Д. 1978. Климатические условия обитания комплексов позвоночной фауны Азербайджана в позднем плиоцене и плейстоцене. Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и голоцене. Изд. «Эльм», Баку.

байджана в позднем плиоцене и плейстоцене. Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и голоцене. Изд. «Эльм», Баку.

3. Коробков И.И., Ранов В.А. 1978. Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Изд. «Наука», Ленинград.

4. Борисковский П.И., Григорьев Г.П. 1977. Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Изд. «Наука», Ленинград.

5. Любин В.П. 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. Изд. «Наука», Санкт-Петербург.

- 6.

7. Бурчак-Абрамович Н.И., Габашвили В.П. 1945. Высшая человекообразная обезьяна из верхнетретичных отложений Восточной Грузии. Сообщ. АН Груз. ССР, том VI, №6.

8. Бучианишвили Т.В. 1998. Новые находки каменного века в Квемо Каргли. Дманиси I (резюме на рус. Яз.). Изд. «Мецниереба», Тбилиси.

9. Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М. 1970. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыхская пещера). Юбилейный сборник «Ученых записок Азгосмединститута». Т.31. Баку.

10. Ниорадзе М.Г., Юстус Анпше 1998. Каменные орудия древне палеолитической стоянки в Дманиси. Дманиси I (резюме на рус. Яз.). Тб.

11. Мансуров М.М. 1998. Переходные этапы в палеолите Азербайджана. Археология Кавказа I

12. Гусейнов М.М. 1985. Древний палеолит Азербайджана. Изд. «Эльм», Баку.

13. Мансуров М. 1997. Переходные этапы в каменном веке. К проблеме истории, археологии и этнографии. Изд. «Эльм», Б.

14. Габуния Лео, Векуа Абесалом, Лордкипанидзе Давид. 1998. Экологическая среда Дманисского гоминида. Дманиси I (резюме на рус. Яз.).

15. Гусейнов М., Гаджиев Д. 1965. Изучение палеолитических местонахождений в долине р. Куручай (тезисы доклада). Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964г. В СССР. Изд. АН

Азерб.ССР, Баку.

16. Алиев С.Д. 1969. Фауна Азыхской палеолитической стоянки. Автореф. Дисс. На соискание учёной степени кандидата биологических наук. Б.

17. Мансуров М. 1995. Новые разработки в палеолите Азербайджана. Проблемы истории Азербайджана. Университет «Хазар».

18. Мансуров М. 1996. Образование и развитие нуклеусов в палеолите. История исл. Проблемы. Б.

19. Гусейнов М., Гаджиев В.С., Мансуров М. 1975. Раскопки в пещере Азых. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане.

Ожерельев Д.В.
(Москва, Россия)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ РАНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО ПАМЯТНИКА МУХКАЙ II (ДАГЕСТАН, РОССИЯ)

Памятник расположен в Акушинском районе Республики Дагестан в 2,5 км к юго-востоку от с.Акуша. Абсолютная высота памятника – 1623 м. Координаты места раскопок – N 42°14'470"; E 47°21'395" (рис.1,А). Район исследований связан с одной из крупных межгорных впадин внутреннего Дагестана, имеющей платообразную поверхность выравнивания со средними отметками 1200-1500 м. Основными формами рельефа здесь являются долины рр. Акуша и Усиша, имеющие сток северного направления. Долины рек глубоко прорезают мощный чехол юрских зеленовато-серых песчаников, перекрывающих в районе исследования известняковый фундамент, и формируют высокую (до 230 м над уровнем рек) водораздельную грядку. Общая протяженность водораздельной гряды с севера на юг 6,5 км. Сохранившиеся только в этом месте раннеплейстоценовые отложения в виде ритмично чередующихся суглинков и крупнообломочного материала покрывают плащом юрские и меловые породы водораздела.

Памятник Мухкай II связан с раннеплейстоценовыми отложениями тыльной, прислоненной к хребту Лес, части водораздельного хребта. Водораздел в районе памятника имеет высокую уплощенную поверхность (около 100 м шириной) с крутыми, местами обрывистыми склонами. Восточный склон водораздела обращен к руслу небольшой речки Цианшура, впадающей в р. Усиша. В 100 м западнее площадка водораздела срезается долиной р. Акуша (рис.1,Б), благодаря чему здесь рыхлые раннеплейстоценовые отложения обнажаются на большую глубину. В районе стоянки Мухкай II их мощность достигает своего максимума и составляет порядка 80 м. Данные отложения имеют преимущественно пролювиальный или флювиогляциальный генезис и представляют собой фрагменты позднеплиоценовой по-

верхности выравнивания. Юрские песчаники в районе памятника, по всей вероятности, оказались смыты, и раннеплейстоценовые слои налегают здесь непосредственно на известняковый фундамент.

Первые находки палеолитических изделий в районе исследований были сделаны в 1950-х гг. В.Г. Котович. Коллекции кремневых артефактов, собранные им на древних террасах рек Акуша и Усиша и на восточном борту водораздела, были датированы мустьерским и неолитическим временем (Котович В.Г., 1964, с. 15-16, 69-98; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 204-205). Отложения водораздела автором не исследовались, и перспектива обнаружения здесь памятников более раннего времени, по-видимому, не рассматривалась.

Стоянка Мухкай II приурочена к западному крутому краю естественных обнажений водораздельного хребта. Первичный осмотр склона показал наличие в слоях и в осыпях кремневых изделий архаичного типа, периодически обнаруживаемых на различной глубине обнажений и осыпей. При первоначальном исследовании памятника был заложен шурф-врезка в склон в виде ступенчатой траншеи (рис. 2, А). Целью этой работы является выяснение стратиграфии памятника и условий залегания культуросодержащих слоев (Амирханов, с. 6-7).

За два года исследований (2008-2009 гг.) на пункте Мухкай II шурфом-врезкой в склон удалось вскрыть 24 м раннеплейстоценовых отложений. Исследованный разрез включает в себя 52 геологических слоя, имеющих различный генезис и структуру. По литологическим критериям слои условно объединяются в 5 геологических пачек (рис. 2, Б).

Первая пачка (слои 1а-б) характеризуется преобладанием галечно-валунного элемента с незначительным чередованием с суглинками или частичным включением в их толщу. Выраженная цементация обломочного материала отсутствует. Археологический материал в виде кремневых изделий присутствует в значительном количестве. Для некоторых изделий характерна патина молочно-белого цвета.

Вторая пачка (слои 7-18) представлена чередующимися слоями суглинков различных цветов и фракций и галечно-

валунных отложений. Для слоев суглинка характерны периодические включения прослоев мелкого гравия, дресвы и белой мергелистой глины (разложившегося известняка). Содержит редкие археологические находки (слои 7,9,15).

Характер отложений третьей пачки (слои 19-34) в целом схож с таковым из второй пачки, однако здесь увеличивается мощность галечно-валунных слоев и прослоев гравия и дресвы. В этой пачке выделены наиболее насыщенные археологическим кремневым материалом слои 25 и 34. Кроме того, кремневые обработанные изделия обнаружены в слоях 20,28,30,32.

Четвертая пачка (слои 35-40) представлена суглинками и супесями с прослоями гравия, дресвы, мелкого и среднего галечника. Редкие археологические находки сделаны в слоях 38,40.

Пятую пачку (слои 41-51) общей мощностью около 7 м составляют отложения суглинков с незначительными прослоями мелкого гравия. Крупный и средний обломочный материал отсутствует. Встречаются прослои плотного беловатого однородного суглинка. В нижней части пачки в слоях 48-51 выделяется два темно-коричневых прослоя, имеющих признаки почвообразовательных процессов. Археологический материал в данной пачке отсутствует.

Общая коллекция изделий из 16 слоев (в том числе и самый нижний слой 52) насчитывает 571 предмет, которые включают в себя желваки и их обломки как со сколами, так и без видимых следов обработки, нуклеусы и нуклевидные изделия, отщепы и их обломки, обломки, осколки, чешуйки. Типологическая характеристика коллекции определяет наличие выраженного набора орудий, содержащего чопперы (16 экз.), пики и пикообразные орудия (3 экз.), скребла (6 экз.), скребки (5 экз.), ножи с обушком (4 экз.), орудия с выемкой (2 экз.), отщепы с ретушью (10 экз.). Сырьем для изделий из всех слоев выступает коричневатосерый меловой кремнезоль. Артефакты из 2-5 геологических пачек непатинированы, не несут видимых следов окатанности. Перемещение материала, если оно и имело место, было незначительным. Обнаружение кремневых изделий в суглинках и супесях связывается главным образом с небольшими прослоями гравия.

дресвы или мелкой гальки. Характерно фактическое отсутствие обработанных кремней в слоях однородного суглинка. Следует отметить, что наличие столь мощных отложений раннеплейстоценовых суглинков в пределах среднегорного Дагестана является уникальным событием, требующим особого изучения.

Важным открытием в исследовании памятника Мухкай II стало обнаружение фаунистических остатков. Компактное скопление костей выявлено на вершшке одного из небольших гребней в слое естественного обнажения в 20 м к юго-западу от осевого направления заложенной ступенчатой траншеи. Палеонтологический материал залегает в слое на глубине 30 м от нулевого уровня шурфа-врезки и включает в себя три целых зуба, метаподию задней конечности и множественные останки зубов и трубчатых костей, принадлежащих лошади Стенона (*Equus stenonis*). В пределах Северного Кавказа эта разновидность лошади характерна для псекупского фаунистического комплекса. Время бытования лошади Стенона ограничивается периодом 1,8-1,2 млн. л. н. (Амирханов Х. А., 2007, с. 14).

Стратифицированная многослойная стоянка открытого типа Мухкай II является на данный момент одним из важнейших памятников древнекаменного века Северного Кавказа, позволяющих исследовать процессы первоначального заселения территории юга России. Четкий геологический контекст, наличие слоев с археологическими и палеонтологическими материалами представляют огромную перспективу для дальнейших исследований. Количественная представительность и типологическая вариативность набора каменных изделий стоянки позволяют уже на данной стадии его изучения говорить о соответствии индустрии памятника «технокомплексу чоппера и пика» в рамках олдувайской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана/ Ин-т истории, яз. и лит. Даг. науч. центра. -М:Наука- 325 с.
2. Амирханов Х.А. Исследования памятников олдована. – М.: ТАУС, 2007. – 52 с.
3. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. – Махачкала, 1964. – 225 с.

■ - район проведения исследований

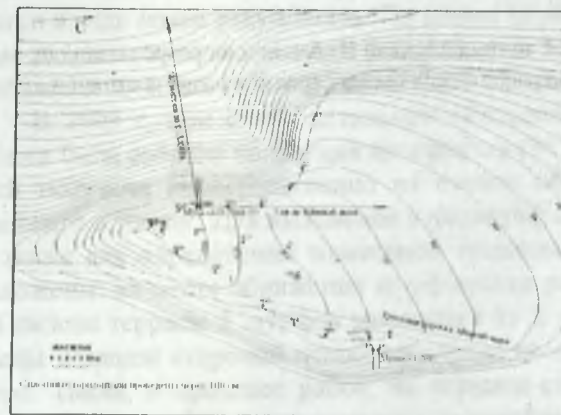

Рис. 1. Расположение стоянки Мухкай II на местности:
А – географическое положение стоянки на карте Дагестана;
Б – ситуационный план расположения стоянок Мухкай I и II.

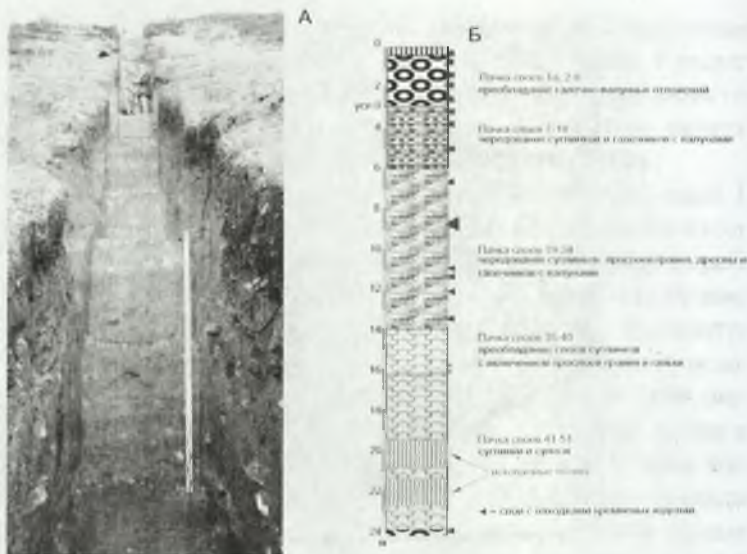

Рис. 2. Стоянка Мухкай II: А – вид на разрез с запада; Б – стратиграфическая схема строения разреза стоянки

Рыбалко А.Г.
(Новосибирск, Россия)

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ 1 В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

В ходе разведочных археологических изысканий, Кавказского палеолитического отряда Института археологии и этнографии СО РАН, на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский район Республика Дагестан) в 2007 г. было собрано несколько десятков изделий из кремня. Новое местонахождение получило название Дарвагчай-залив 1 [Дервянко и др., 2007]. Сборы артефактов местонахождения ДЗ-1 (координаты: 42°07'36.7" с.ш., 048°01'51.2" в.д.) производились, на береговых отмелях у подножья крутого юго-западного склона останца древнекаспийской террасы. Верхняя часть останца имеет неровную распаханную поверхность. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. В нижней части склона на высоте 11-14 м от уреза прослеживается структурный уступ в виде пояса ракушняков. По своим характеристикам данные ракушняки сопоставимы с ракушняками в обнажениях раннепалеолитической стоянки Дарвагчай 1 (бакинские отложения).

В 2009 г. при более детальном обследовании территории пляжа была собрана коллекция артефактов (94 экз.). Часть изделий получена непосредственно из стенки обнажения примыкающего к пляжу. Для выяснения стратиграфической ситуации, а также для определения возможной границы памятника были заложены: на месте обнажения шурф-врезка размером 1×3 м., а на склоне террасы 5 шурфов размерами 1×2 м. Шурфы размещены длинной стороной непосредственно по склону в одну линию. Также, в процессе работ, на верхней распаханной части террасы была собрана еще одна группа артефактов (109 экз.).

Предварительный анализ полученных разрезов позволяет выделить три разновозрастные пачки отложений: делювиальные, склоновые отложения наиболее полно зафиксированные в шурфе №1 (врезка); галечно-гравийная толща, с линзами и про-

слоями суглинков и песков, аллювиального генезиса залегающая выше пояса ракушняков (шурфы № 4-6) и непосредственно толща ракушняков (шурфы № 2,3) бакинского возраста, которые являются своеобразным стратиграфическим репером позволяющим коррелировать геологические разрезы а долине реки Дарвагчай.

Результатом рекогносцировочных исследований, в 2009 г. на местонахождении Дарвагчай-залив 1, явилось обнаружение четырех разновозрастных культурно - хронологических комплексов палеолитических артефактов.

Комплекс 1.

Представляет собой коллекцию предметов собранных на склоне и распаханной части террасы на территории, непосредственно примыкающей к памятнику. Отбирались все нуклеидные изделия, предметы с вторичной отделкой, а также сколы (целые и фрагменты) имеющие определяемые ударные площадки. В состав коллекции не были включены обломки и осколки, а также желваки и гальки с сомнительными сколами. В целом материалы данной коллекции составляют примерно 80 % от всех экспонированных на поверхности изделий.

В качестве сырья для изготовления артефактов использовались кремнистые песчаники и известняки в виде окатанных желваков, галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случаях толстой (до 1 мм) карбонатной коркой.

Коллекция состоит из - 109 артефактов, в том числе нуклеусы - 29 экз., нуклеидные обломки - 3 экз., сколы - 72 экз., обломки - 5 экз.

Первичное расщепление.

Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы (16 экз.). Самая многочисленная группа. Двенадцать изделий имеют плоский фронт скалывания, из них у двух предметов снятия производились поперек длинной оси заготовки. Выделяются четыре нуклеуса, имеющие выпуклый фронт скалывания. Все изделия преимущественно массивные продолговатой формы. Исключением являются два плоских, сильно истощенных нуклеуса (Рис.

1,1). Ударные площадки скошенные (9 экз.) и сильно скошенные (7 экз.), в большинстве случаев оформлены одним или серией сколов, в двух случаях корочные. На рабочих плоскостях нуклеусов видны негативы снятий средних и мелких размеров.

На одном нуклеусе конусовидной формы (Рис. 1,4) присутствуют негативы пластинчатых снятий (подпризматический).

Двухплощадочные монофронтальные нуклеусы (4 экз.). У двух нуклеусов скалывание производилось во встречном направлении. Ударные площадки оформлены сколами. Изделия подтреугольные в поперечном сечении, контрфронты покрыты желвачной коркой. Один предмет подтрапециевидной формы в плане, фронт скалывания плоский, снятия производились вдоль длинной оси заготовки. Второй нуклеус миниатюрных размеров, рабочая плоскость выпуклая, ударные площадки расположены на продольных краях заготовки. Два других нуклеуса относятся к продольно - поперечной системе расщепления. Изделия массивные продолговатые в плане, ударные площадки скошенные подготовлены сколами, фронты скалывания уплощенные (Рис. 1,5).

Леваллуазские нуклеусы (4 экз.). Все изделия округлой формы. У одного нуклеуса широкие плоскости оформлены серией центростремительных сколов (черепачевидный) на фронте скалывания виден негатив снятия широкого отщепа (Рис. 1,2). Другой нуклеус имеет контрфронт покрытый галечной коркой, левая латераль оформлена двусторонними сколами, на рабочей плоскости виден негатив подтреугольной формы. Два последних нуклеуса представлены в виде сильно сработанных форм.

Радиальные односторонние нуклеусы (4 экз.). Изделия округлые в плане, контрфронты покрыты желвачной коркой, на рабочих плоскостях видны негативы центростремительных снятий. Два нуклеуса массивные (Рис. 1,3), два других плоские сильно истощенные.

Двухплощадочный двусторонний нуклеус. Предмет шаровидной формы. Один фронт скалывания расположен на широкой плоскости, ударная площадка оформлена сколами. Во втором случае ударная площадка гладкая скалывание отщепов производилось с торца заготовки.

Индустрия сколов представлена 72 экз. Первичные сколы насчитывают - 10 экз. (все целые, средних размеров). Остаточные ударные площадки: корочные - 5, гладкие - 4, двугранные - 1. Вторичные сколы - 4 экз. (все целые), из них: крупные - 1, средние - 3. Остаточные ударные площадки: корочные - 2, гладкие - 2. Обычные отщепы - 37 экз., из них целые - 22, в том числе: крупные - 2, средние - 15, мелкие - 5. Определимые ударные площадки: корочные - 5, гладкие - 15, двугранные - 5, фасетированные - 5, точечные - 1. Краевые сколы - 5 экз. (целые), из них: крупные - 2, средние - 2. Остаточные ударные площадки: корочные - 2, гладкие - 2, двугранные - 1. Пластинчатые сколы - 7 экз., из них целые - 5, в том числе: средние - 4, мелкие - 1. Определимые ударные площадки: гладкие - 3, фасетированные - 3. Пластины - 4 экз., из них одна целая крупного размера, три других представлены: проксимальными - 2 (крупный и средний (Рис. 1,6) и дистальным (средний) фрагментами. Три сохранившиеся ударные площадки фасетированные. Леваллуазские сколы - 5 экз., изделия средних размеров представлены: пластинами - 3 экз. (одна в виде проксимального фрагмента), широким укороченным отщепом овальной формы и острием (Рис. 1,13) Остаточные ударные площадки у всех сколов фасетированные выпуклые.

Орудийный набор (16 экз.).

Скребла (5 экз.). Орудия с одним рабочим краем представлены продольными (3 экз.) и поперечными (1 экз.) формами. Два продольных скребла выполнены на массивных обломках крупных размеров, лезвия слабовыпуклые неровные оформлены крутой, односторонней, разнофасеточной ретушью. Следующее изделие с продольным расположением рабочего края выполнено на пластине средних размеров, слабовыпуклое лезвие оформлено плоской и стелющейся регулярной ретушью (скребло-нож) (Рис. 1,9). Скребло с поперечным расположением лезвия оформлено на пластинчатом сколе средних размеров, рабочий край подготовлен вертикальной, ступенчатой, зубчатой ретушью. Последнее скребло имеет два лезвия расположенные на продольных краях заготовки. Орудие выполнено на фрагменте отщепы, лезвия подготовлены плоской, регулярной, ретушью (Рис.

1,7).

Выемчатое орудие выполнено на обломке желвака средних размеров. Лезвие оформлено крутой, разнофасеточной ретушью.

Зубчатое орудие подготовлено регулярной зубчатой ретушью, на поперечном крае первичного скола средних размеров.

Леваллуазское острие с ретушью. Один край проксимальной части изделия подправлен полукрутой, чешуйчатой ретушью (Рис. 1,13).

Нож выполнен на краевом сколе крупных размеров. Обухок покрыт желвачной коркой, противоположный выпуклый край имеет следы нерегулярной, краевой ретуши (Рис. 1,8).

Орудие с шипом. В качестве заготовки использовался массивный желвак продолговатой формы. На одной продольной стороне сколами и разнофасеточной ретушью оформлен крупный приостренный выступ.

Чоппинговидное изделие выполнено на обломке желвака продолговатой формы. Поперечные края несут следы укороченных сколов, а также многочисленных смятостей и забитостей.

Сколы с ретушью (5 экз.). Изделия крупных (1) и средних (4) размеров. Ретушь односторонняя, красная, мелкая (Рис. 1,6).

Собранная коллекция артефактов позволяет сделать ряд следующих предварительных заключений. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. В целом коллекция имеет ярко выраженный мустьерский облик. Первичное расщепление представлено леваллуазскими и одноплощадочными монофронтальными ядрищами параллельного принципа расщепления. Выразительными сериями представлены удлиненные сколы и пластины. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. Орудийный набор представлен в виде разнообразных скребел и сколов с ретушью. Общий облик данной индустрии позволяет предварительно рассматривать ее в рамках финальной стадии среднего палеолита.

Комплекс 2.

Данный комплекс состоит из артефактов собранных при обследовании территории пляжа - коллекция № 1 и археологиче-

ских материалов с шурфа 1 (врезка) - коллекция № 2.

В качестве сырья для изготовления артефактов использовался кремьен, а также известняки и песчаники разной степени окремненности в виде окатанных желваков и галек. Поверхность абсолютного большинства изделий слабо выветренная, частично или полностью покрыта карбонатной коркой.

Коллекция № 1 (пляж) состоит из - 94 артефактов, в том числе нуклеусы - 25 экз., нуклевидные обломки - 2 экз., сколы - 56 экз., обломки и осколки - 6 экз., плитки - 5 экз.

Первичное расщепление

Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы (16 экз.). Восемь нуклеусов средних размеров, продолговатой формы в качестве заготовок использовались гальки и их обломки. Фронты скальвания плоские, ударные площадки корочные (2), гладкие (2), в четырех других случаях оформлены сколами (Рис. 1,11).

Следующий нуклеус изготовлен на массивной, крупной гальке удлиннных пропорций. Ударная площадка корочная, частично разрушенная, на прилегающей плоскости видны негативы крупных снятий.

Три нуклеуса средних размеров, подтреугольной формы, ударные площадки подготовлены сколами, на рабочих плоскостях видны негативы пластинчатых снятий (Рис. 1,12).

Три других нуклеуса, представлены в виде плоских, сильносработанных форм, изготовлены на сколах.

Последний нуклеус выполнен на массивном желваке крупных размеров. Ударная площадка гладкая, фронт скальвания выпуклый подготовлен серией центростремительных снятий.

Двухплощадочные монофронтальные нуклеусы (3 экз.). У двух нуклеусов скальвание производилось во встречном направлении. Изделия массивные прямоугольной формы, контрфронты покрыты желвачной коркой (Рис. 2,1). Последний нуклеус относится к продольно - поперечной системе расщепления. Изделие плоское округлое в плане, ударные площадки скошеннные подготовлены сколами.

Чоппинговидные или нуклеусы "от ребра" (2 экз.). Все изделия выполнены на гальках средних размеров. Продольный

край изделий представлен в виде острого ребра, являющегося дугой скальвания, снятия укороченных сколов производились поочередно в обоих направлениях.

Двухплощадочные двусторонние нуклеусы (2 экз.). Первый предмет шаровидной формы крупных размеров. Один фронт скальвания расположен на широкой плоскости, ударная площадка оформлена сколами. Данный фронт использовался в качестве ударной площадки для снятий в поперечном направлении. Другой нуклеус средних размеров. Ударная площадка выпуклая оформлена сколами, с прилегающей широкой плоскости производились снятия заготовок удлиннных пропорций. Вторая ударная площадка срединно-выпуклая фасетированная расположена на правой латерали нуклеуса. Скальвание заготовок производилось по диагонали предмета. Данный нуклеус типологически имеет много общего с леваллуазской традицией расщепления камня.

Многоплощадочные нуклеусы (2 экз.). Изделия шаровидной формы, средних размеров.

Индустрия сколов (56 экз.). Первичные сколы насчитывают - 16 экз. (все целые), из них: крупные - 8, средние - 6, мелкие - 2. Остаточные ударные площадки: корочные - 12, гладкие - 3, двугранные - 1. Вторичные сколы - 14 экз., из них: целые - 10, в том числе: крупные - 3, средние - 5, мелкие - 2. Определимые ударные площадки: корочные - 1, гладкие - 5, двугранные - 1. Обычные отщепы - 18 экз., из них: целые - 13, в том числе: крупные - 3, средние - 10. Определимые ударные площадки: корочные - 3, гладкие - 7, двугранные - 1, фасетированные - 1. Пластинчатые сколы - 5 экз., из них: целые - 3 (все крупные). Определимые ударные площадки: гладкие - 3. Пластины - 3 экз., все целые крупного размера. Ударные площадки: гладкие - 2 и фасетированная.

Орудийный набор (22 экз.)

Скребла (4 экз.). Все орудия средних размеров. Одно скребло выполнено на сколе, выпуклое лезвие оформлено на продольном крае лицевой, полукрутой, разнофасеточной ретушью (Рис. 1,10). Следующее скребло подготовлено на плитке имеющей треугольное поперечное сечение, обушок покрыт желвач-

ной коркой, лезвие оформлено полукрутой, разнонаправленной ретушью. Другое скребло выполнено на фрагменте скола. Орудие имеет два лезвия расположенных на продольном и поперечном краях заготовки. В месте сопряжения лезвий выделен небольшой выступ, ретушь лицевая, крутая и полукрутая, средняя. В качестве заготовки для последнего скребла использовался сильно сработанный нуклеус, прямое лезвие тщательно оформлено крутой, однонаправленной ретушью.

Выемчатые орудия (3 экз.). Первое изделие выполнено на плитке средних размеров. Лезвие оформлено крутой, разнофасеточной ретушью. Два других орудия оформлены на отщепках средних и мелких размеров вентральной, крутой, средней и мелкой ретушью (Рис. 2,4).

Орудия с шипом (2 экз.). В качестве заготовок использовались плитка и скол (Рис. 1,14). Рабочие элементы подготовлены крутой, односторонней ретушью.

Скрепки (2 экз.). Орудия мелких размеров. Лезвия подготовлены лицевой, крутой и полукрутой, разнофасеточной ретушью.

Нож выполнен на пластине крупных размеров. Обушок покрыт галечной коркой, противоположный край носит следы нерегулярной, краевой ретуши (Рис. 2,2)

Частичный бифас. Орудие выполнено на крупном вторичном сколе подтреугольной формы. На вентральной плоскости видны негативы нескольких центростремительных снятий.

Сколы с ретушью (9 экз.). Изделия крупных (2) и средних (7) размеров. Ретушь односторонняя, краевая, мелкая и средняя.

Коллекция № 2 (шурф 1(врезка)) состоит из - 234 артефактов, в том числе нуклеусы - 23 экз., нуклеидные обломки - 5 экз., сколы - 175 экз., обломки и осколки - 26 экз. и плитки - 5 экз.

Первичное расщепление.

Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы (15 экз.). Восемь нуклеусов выполнены на массивных гальках крупных размеров. Ударные площадки гладкие образованы одним (3 экз.) (Рис. 2,7) или несколькими (5 экз.) сколами. С рабочих плоскостей производились снятия крупных и средних отщепов. В каче-

стве заготовок в четырех случаях использовались крупные (3 экз.) и средний первичные сколы. Три последних нуклеуса миниатюрных размеров. Ударные площадки в двух случаях выпуклые фасетированные (Рис. 2,5).

Двухплощадочные монофронтальные нуклеусы (3 экз.). У двух нуклеусов скалывание производилось во встречном направлении. Ударные площадки подготовлены сколами. Изделия плоские сильно истощенные, контрфронты покрыты желвачной коркой. Последний нуклеус относится к продольно - поперечной системе расщепления. Изделие продолговатой формы, ударные площадки скошенные подготовлены сколами.

Двухплощадочные двусторонние нуклеусы (3 экз.). Первый предмет подтреугольной формы. Ударные площадки гладкие. В первом случае скалывание пластинчатых заготовок производилось с торца заготовки. Второй фронт скалывания расположен на широкой плоскости нуклеуса (Рис. 2,3). Другой нуклеус относится к встречной противоположной системе расщепления. Широкие плоскости изделия покрыты негативами снятий крупных и средних размеров. В последнем случае, скалывание заготовок производилось в перекрестной системе.

Радиальные нуклеусы (2 экз.). Первый нуклеус является односторонним, контрфронт покрыт галечной коркой. Изделие крупных размеров, в дальнейшем использовалось в качестве заготовки для скребла (Рис. 2,8). Другой нуклеус мелкий, массивный пирамидальной формы. Обе широкие плоскости имеют следы центростремительных снятий.

Индустрия сколов (175 экз.). Первичные сколы насчитывают - 40 экз., из них: целые - 29, в том числе крупные - 7, средние - 14 и мелкие - 8. Остаточные ударные площадки: корочные - 24, гладкие - 9, двугранные - 2. Вторичные сколы - 38 экз., из них: целые - 29, в том числе крупные - 9, средние - 18 и мелкие - 2. Остаточные ударные площадки: корочные - 8, гладкие - 15, двугранные - 3 и фасетированные - 2. Обычные отщепы - 92 экз., из них: целые - 53, в том числе: крупные - 5, средние - 29, мелкие - 19. Определимые ударные площадки: корочные - 15, гладкие - 24, двугранные - 5, фасетированные - 5. Пластинчатые сколы - 5 экз., из них: целые - 3, в том числе: средний и мелкие - 2. Опре-

делимые ударные площадки: гладкая и фасетированная.

Орудийный набор (24 экз.).

Скребла (3 экз.). Одно скребло выполнено на крупной овальной формы плитке. Лезвие выпуклое, неровное оформлено сколами. В качестве заготовки для следующего скребла использовался сильно сработанный нуклеус. Орудие крупных размеров округлой формы, две трети заготовки оформлены крутой, крупной и средней ретушью (Рис. 2,8). Последнее скребло оформлено на сколе. Продольный край заготовки подготовлен лицевой, крутой средней и мелкой ретушью (Рис. 2,10).

Выемчатые орудия (4 экз.). Рабочие элементы у всех орудий оформлены крутой, средней и мелкой ретушью. Три орудия выполнены на сколах средних размеров (Рис. 2,9). Последний предмет подготовлен на крупной плитке.

Скребки (2 экз.). В качестве заготовок использовались мелкие сколы. Лезвия оформлены крутой, мелкой ретушью (Рис. 2,6).

Сколы с ретушью (12 экз.). Изделия крупных (2), средних (3) и мелких (7) размеров. Ретушь нерегулярная, краевая, мелкая и средняя.

Обломки с ретушью (3 экз.).

Каменные артефакты с пляжа и с шурфа-врезки предварительно могут быть отнесены к единой индустрии. Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов (48 экз. - 15% от общего числа объединенной коллекции). Первичное расщепление представлено преимущественно монофронтальными одно- и двухплощадочными ядрищами, с которых скалывали массивные отщепы крупных и средних размеров. Пластинчатые сколы представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и естественные, фасетированные площадки крайне редки. Преобладают скребловидные орудия на плитках, обломках галек и крупных, массивных сколах, присутствуют выемчатые и шиповидные изделия. Небольшое количество сколов носит следы нерегулярной, краевой ретуши. Общий облик и характер залегания обнаруженных артефактов позволяет предварительно датировать их в рамках среднего палеолита. Следует отметить очень высокую концентрацию артефактов и

то, что большинство их не несет следов изменения поверхности. В шурфах расположенных выше линии ракушняков и на верхней распаханной площадке подобные артефакты не обнаружены. Это позволяет предположить, что не потревоженные делювиальными процессами археологические материалы могут быть расположены на участке, прилегающем к поясу ракушняков.

Комплекс 3.

Состоит из артефактов обнаруженных в галечно-гравийной толще, с линзами и прослоями суглинков и песков, аллювиального генезиса составляющей отложения террасы выше пояса ракушняков (шурфы № 4-6).

Коллекция состоит из - 108 артефактов, в том числе нуклевидные изделия - 10 экз., сколы - 37 экз., обломки и осколки - 42 экз., плитки - 11 экз., гальки и их обломки - 8 экз.

Первичное расщепление.

Нуклевидные изделия (10 экз.). Данная группа изделий представлена слабо и средне окатанными желваками и обломками галек, крупных (4) и средних (6) размеров, со следами раскалывания или дробления. Ударные площадки, как правило, естественные лишь в двух случаях подправлены сколами, на отдельных участках изделий видны единичные негативы сколов разной степени сохранности (Рис. 3,1). Морфологически выраженных нуклеусов нет, система расщепления как таковая отсутствует.

Индустрия сколов (37 экз.). Крупные сколы насчитывают - 10 экз. (все целые), средние - 8 экз. (все целые) и мелкие - 19 экз. из них целых 8, фрагментов 11. Три крупных и один средний сколы отнесены к первичным; два крупных, один средний и пять мелких сколов к вторичным, остальные (25 экз.) являются отщепами. Определимые ударные площадки: корочные - 10, гладкие - 11.

Обломки и осколки (42 экз.). Имеют разнообразие размеры и форму. Чаще всего представлены в виде объемных угловатых кусков породы с признаками раскалывания или дробления. Поверхность изделий, как правило, средне или слабо окатанная, частично покрыта галечно-желвачной коркой. Большинство предметов содержат признаки вторичной обработки.

Плитки (11 экз.). Плоские обломки кремня крупных и средних размеров, без признаков намеренного раскалывания. Все изделия носят следы вторичной обработки.

Гальки и их обломки (8 экз.). Все предметы крупных размеров. Представлены в виде: целых галек с забитыми краями (2 экз.); целых галек с краями оформленными сколами (2 экз.) и обломков галек с различными следами вторичной отделки (4 экз.)

Орудийный набор (69 экз.).

Орудия типа «пик» (2 экз.), предметы пирамидальной формы, пятки покрыты галечно-желвачной коркой. Первое орудие крупных размеров выполнено на гальке, средняя часть оформлена крупными сколами, приостренный рабочий край имеет дополнительную обработку мелкими сколами снятыми в направлении от острия (Рис. 3,3). Другой предмет изготовлен на обломке средних размеров. Острый конец оформлен укороченными сколами, часть которых упирается в заломы.

Галечные орудия (3 экз.), все изделия крупных размеров. Два предмета представлены в виде: целых галек с забитыми и смятыми краями, вероятно могли использоваться в качестве отбойников. Орудие типа чеппер выполнено на гальке удлиненной формы. На продольном крае изделия видны многочисленные негативы укороченных снятий средних и мелких размеров, выполиенных в продольно поперечном направлении. Возможно также, что данный предмет является нуклеусом. В пользу первого варианта свидетельствуют многочисленные следы забитости и выкрашенности (ретушь утилизации?).

Обломки галек и плитка со сколами (3 экз.), изделия уплощенные продолговатой формы, крупных размеров. На различных краях предметов присутствуют единичные негативы мелких сколов и следы забитости. Данные изделия могли использоваться в качестве простейших рубящих или скребловидных инструментов.

Скребла (11 экз.). Выделяются три одинарных скребла выполненные на крупных массивных сколах. Выпуклые лезвия расположенные на продольных краях оформлены лицевой, крутой и полукрутой, средней и мелкой ретушью (Рис. 2,14; 3,4). У

двух скребел на плитках рабочие элементы расположены на поперечных краях заготовок. Ретушь вертикальная и крутая, чешуйчатая (Рис. 3,2). Следующее орудие выполнено на вторичном сколе средних размеров, лезвие слабовогнутое, ретушь лицевая, крутая, чешуйчатая. Три последние одинарные скребла подготовлены на гальке, обломке гальки и обломке, рабочие лезвия оформлены мелкими сколами и эпизодической ретушью.

В качестве заготовок для двойных скребел использовались плитка и массивный скол удлиненной формы, лезвия оформлены на продольных краях крутой, ередней и мелкой, односторонней ретушью.

Выемчатые орудия (7 экз.), в качестве заготовок использовались: четыре плитки крупных и средних размеров, крупная галька, средний скол и мелкий обломок. Выемки подготавливались сколами, после чего дополнительно дооформлялись мелкой крутой, краевой ретушью. У одного предмета, выполненного на плитке, на одном продольном крае имеется две выемки разделенные небольшим выступом. Следующее изделие, тоже на плитке, имеет два лезвия расположенных на противоположащих краях заготовки. Все другие орудия имеют по одному рабочему элементу.

Скребки (6 экз.) все изделия мелких размеров. Пять скребков выполнены на сколах. В первом случае слабовогнутое лезвие расположено на дистальном крае отщепа, ретушь лицевая, крутая, чешуйчатая. У трех других орудий наблюдается сочетание слабо выраженной выемки и выпуклого скребкового лезвия, ретушь лицевая, крутая и полукрутая, мелкая (Рис. 2,12). Следующий предмет представлен в виде обломка. Продольные и проксимальный края оформлены лицевой, полукрутой, чешуйчатой ретушью. Последний скребок изготовлен на осколкс. Лезвие подготовлено на поперечном крае вертикальной, краевой ретушью.

Комбинированное орудие выполнено на плоском осколке подпрямоугольной формы. На одном поперечном крае изделия оформлено выпуклое скребковое лезвие, противоположащий край представлен в виде хорошо выраженной выемки. Рабочие элементы подготовлены вертикальной и крутой, красвой, чешуйча-

той ретушью (Рис. 2, 13).

Шиповидные орудия (4 экз.), изделия различаются исходными заготовками, размерами и элементами отделки. Три орудия выполнены на обломках средних (2) и мелких (1) размеров и один на сколе. Наиболее интересен предмет на массивном обломке пирамидальной формы. Рабочий элемент оформлен на остром конце заготовки ретушированной выемкой и резцовым сколом. Шип другого орудия образован двумя ретушированными выемками. Рабочие элементы двух последних артефактов расположены на естественных острых выступках, оформлены мелкой, вертикальной и крутой ретушью.

Сколы с ретушью (16 экз.), изделия крупных (3), средних (5) и мелких (8) размеров. Ретушь эпизодическая, средняя и мелкая.

Плитки с ретушью (4 экз.), представлены в виде плоских обломков кремня крупных (1) и средних (3) размеров. Края изделий частично оформлены эпизодической, односторонней ретушью.

Обломки и осколки с ретушью (12 экз.), представлены в виде объемных угловатых кусков породы, средних (5) и мелких (7) размеров. Вторичная обработка представлена в виде мелких сколов и эпизодической ретуши.

Данная коллекция требует особого подхода и более детального изучения. В данный момент можно сделать лишь предварительные выводы. Поверхность артефактов средне и слабо окатанная. Значительное количество изделий представлено в виде обломков и осколков средних и мелких размеров с элементами вторичной обработки. Немногочисленные сколы имеют массивные укороченные пропорции. Морфологически выраженных нуклеусов нет. Для получения заготовок широко использовался прием дробления. Вторичная отделка, довольно примитивна. Среди орудий преобладают выемчатые, скребловидные и шиповидные изделия. В аналогичных отложениях (местонахождение Дарвагчай-карьер) ранее были выявлены несколько отщепов из кремня и ашельское рубило из серо-черного песчаника [Дервянко, Амирханов, Зенин, Анойкин, 2005]. Характер залегания и степень сохранности поверхности артефактов позволяют пред-

варительно отнести их к раннему палеолиту, возможно, к финальной стадии.

Комплекс 4.

Представляет собой небольшую группу (4 экз.) артефактов полученных непосредственно из толщи ракушняков (шурф 3). В их числе: нуклеус, скол и два обломка. Данные артефакты по условиям залегания фиксируют наиболее ранний этап присутствия человека на данном местонахождении (ранний палеолит, предположительно позднебакинское время).

Проблема изучения палеолитических памятников на территории Прикаспия из-за специфических геологических условий является одной из сложнейших на настоящий момент. У большинства известных палеолитических объектов культурные горизонты частично или полностью разрушены. Стратифицированные, а среди них многослойные комплексы, к которым относится памятник Дарвагчай-залив 1, встречаются крайне редко. Предварительные результаты исследований указывают, как минимум, на четыре культурно-хронологических этапа образования археологических материалов местонахождения Дарвагчай-залив 1. Впервые на территории Дагестана обнаружен многослойный археологический памятник, где в четких стратифицированных условиях отложений нижнего, среднего и верхнего неоплейстоцена обнаружены комплексы палеолитических индустрий. Это дает уникальную возможность установить последовательность развития палеолитической культуры, этапы заселения предгорной части Дагестана, культурно-типологический облик палеолитических технокомплексов и палеоэкологические условия их существования.

Исследования выполнены по плану НИР. Программа (IX.81.1. Древнейшие миграционные процессы в Евразии: ландшафтно-экологические, технологические и культурные аспекты), при поддержке РГНФ, проекты № 08-01-00321а, № 10-01-18105е и РФФИ № 10-06-00085а.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Первые находки ашельских рубил в Дагестане. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.) - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. - Т. XI., часть I. - С. 49-53.

2. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Кулик И.А., Зенин И.В. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. - Т. XIII. - С. 78-79.

3. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. - 124 с.

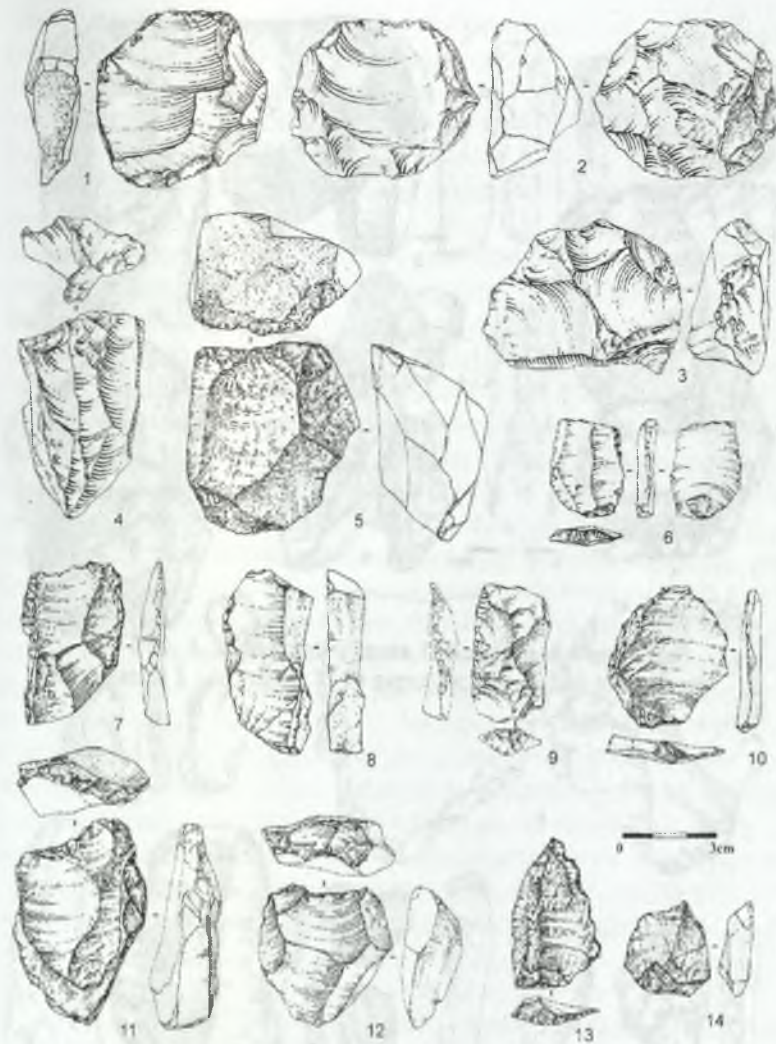

Рис. 1. Дарвагчай - залив 1. Каменный инвентарь: комплекс 1 (1-9,13); комплекс 2 (10-12,14). 1-5,11,12 - нуклеусы; 6 - пластина с ретушью; 7,9,10 - скребла; 8 - нож; 13 - остроконечник; 14 - шиповидное орудие.

Рис. 2. Дарвагчай - залив I. Каменный инвентарь: комплекс 2 (1-10); комплекс 3 (11-14). 1, 3, 5, 7, 8 - нуклеусы; 2 - нож; 4, 9, 11 - выемчатые орудия; 6, 12 - скребки; 8, 10, 14 - скребла; 13 - комбинированное орудие.

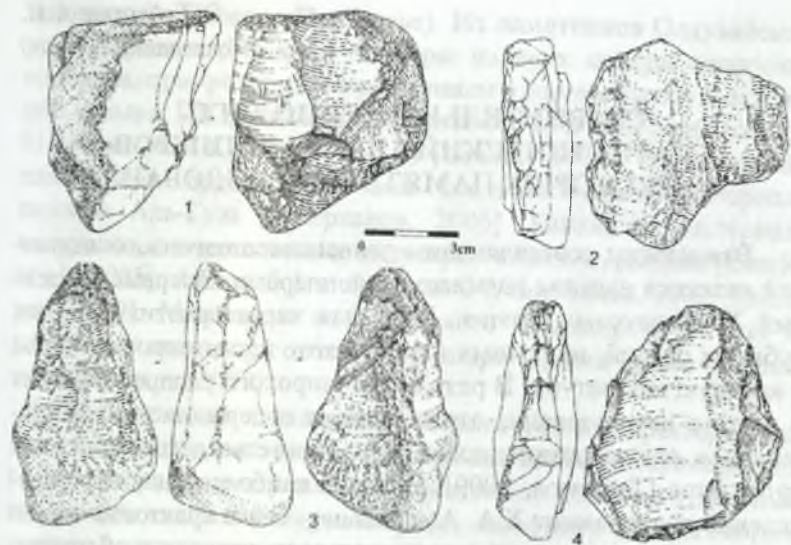

Рис. 3. Дарвагчай - залив I. Каменный инвентарь: комплекс 3. 1 - нуклеус; 2, 4 - скребла; 3 - орудие типа «пик».

*Таймазов А.И.
(Махачкала, Россия)*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТИПОЛОГО- СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧОППЕРОВ В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ОЛДОВАНА

Важнейшим составляющим раннепалеолитических индустрий являются изделия называемые чопперами. Впервые введенный Х. Мовиусом [Movius, 1957] для характеристики грубых рубящих орудий на речных гальках, этот термин прочно вошел в научную литературу. В результате широкого распространения и частого использования этого понятия содержание его наполнилось и, как следствие, появилось множество дефиниций этих артефактов [Таймазов, 2009]. Один из наиболее удачных определений принадлежит Х.А. Амирханову. В его трактовке чопперы – это «массивные орудия на желваках, гальках и обломках, вся обработка которых подчинена получению краевой оббивкой поперечного, продольного или стрельчатого рубяще-режущего лезвия» [Амирханов, 2006, с. 36]. Это определение является наиболее корректным из существующих. В качестве вторичных признаков чоппера отмечается наличие противопоставленного рабочему краю основания, т. е. обушка (пятки) и оформление краев изделия. Основание может быть как искусственным, полученным ударным усечением, так и естественным. На многих орудиях встречается усечение его краев, которое производилось для избавления от излишней массивности, а в некоторых случаях и с целью ограничения ширины лезвия [Таймазов, 2009, с. 175].

Необходимо отметить, что в данной работе мы не используем понятие чоппинг. Автор, подобно некоторым исследователям [Leakey, 1971, p. 4; Григорьев, 1977, с. 77; Амирханов, 2006, с. 36], включает эти изделия в группу чопперов. При этом содержание присущее этому понятию полностью раскрывается через использование термина «чоппер двусторонний».

Для анализа были привлечены материалы стоянок Олдувайского ущелья, Аравийского полуострова, Кавказа и Таманского

полуострова (Южное Приазовье). Из памятников Олдувайского ущелья рассматриваются чопперы из двух стоянок типичного олдована, приуроченные к различным уровням пачки I отложенной ущелья: DK (низы пачки I (lower bed I) и FLK North (слои I-6) (верхи пачки I (upper bed I) [Leakey, 1971]. Из аравийских памятников проанализированы соответствующие материалы пещеры Аль-Гуза [Амирханов, 2006]. Кавказские материалы включают, соответственно, индустрии стоянок Дманиси [Lumley at al., 2005], Айникаб I и Мухкай I [Амирханов, 2007; Таймазов, 2009]. Материалы из Таманского полуострова состоят из каменного инвентаря стоянки Богатыри (Синяя Балка) [Щелинский, Кулаков, 2009].

Сравнительные типолого-статистические характеристики чопперов составлены как на основе всей совокупности каменного инвентаря рассматриваемых памятников, так и по отдельным слоям. Для анализа отбирались слои, материалы которых сопоставимы в количественном отношении. При анализе чопперов из Дманиси статистические подсчеты сделаны по отношению к совокупности каменной индустрии, а не ко всей совокупности каменного материала, т.е. без учета целых галек, расколотых галек и блоков. В каменном инвентаре этой стоянки есть предметы, именуемые как гальки с единичными снятиями с вогнутым режущим краем [Lumley at al., 2005, p. 49]. В нашем понимании этот набор изделий по своим технико-типологическим характеристикам сопоставим с чоппером, отличаясь лишь меньшим количеством сколов, формирующих рабочий край орудия. Исходя из этого, эти орудия рассматриваются в совокупности с чопперами. Сами исследователи индустрии Дманиси также не исключают возможность их дефиниции в качестве первичных чопперов [Lumley at al., 2005, p. 49].

Ниже приводятся таблицы и диаграммы со сравнительными статистическими данными чопперов, составленные по отношению этих орудий ко всей совокупности каменных изделий и к изделиям с вторичной обработкой.

Таблица 1

Соотношение чопперов к общему количеству каменных изделий и к изделиям с вторичной обработкой в различных памятниках олдована

Наименование памятника	Всего изделий	Всего чопперов	% чопперов от всех изделий	Всего орудий	% чопперов от всех орудий
DK	1198	47	4	154	30,5
FLK North	1717	147	8,6	231	63,6
Аль-Гуза	975	114	11,7	188	60,6
Дманиси	2059	206	10	206	100
Айникаб 1	852	48	5,6	115	42
Мухкай 1	371	36	9,7	56	64,3
Богатыри (Синяя Балка)	193	15	7,8	106	14,2

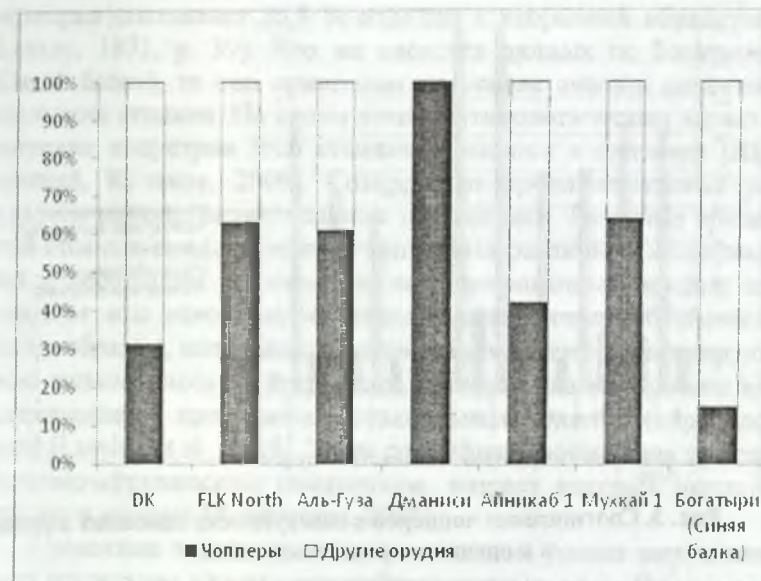

Рис. 2. Соотношение чопперов к орудиям

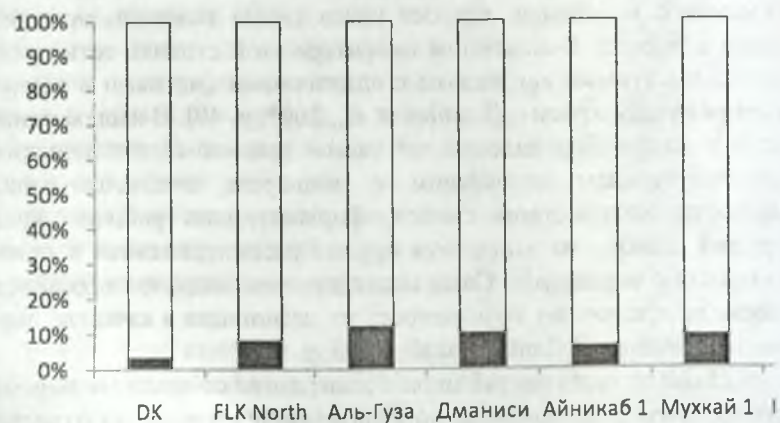

Рис. 1. Соотношение чопперов к общему количеству каменного инвентаря в различных памятниках олдована

Таблица 2

Соотношение чопперов к совокупности каменных изделий и к орудиям в различных слоях

	Памятники / слои										
	FLK North		Аль-Гуза		Дманиси		Айникаб 1			Мухкай 1	
	3	5	В	М	3	4	10	12	13	5	8
Всего изделий	171	151	89	166	101	123	175	78	89	166	80
Количество чопперов	20	22	14	15	17	28	7	7	10	18	4
% по отношению к совокупности каменных изделий	12	15	16	9	17	23	4	9	11	11	5
Всего орудий	28	30	23	25	17	28	13	14	18	23	8
% по отношению к совокупности орудий	72	73	61	60	100	100	54	50	56	78	50

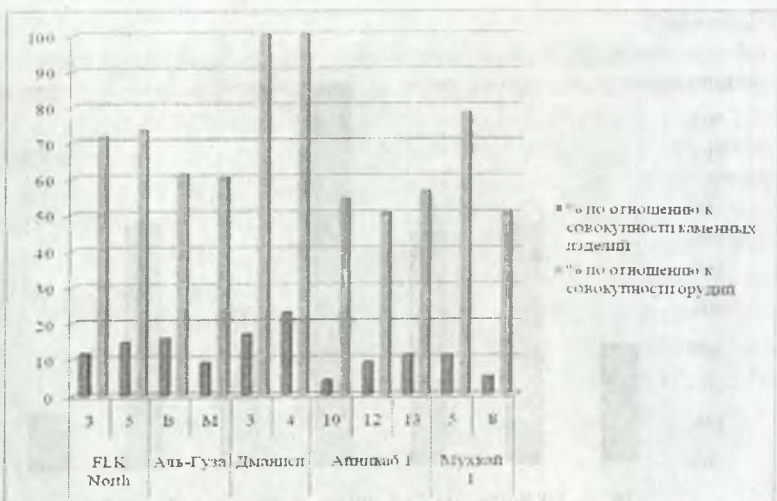

Рис. 3. Соотношение чопперов к совокупности каменных изделий и к орудиям в различных слоях

Согласно вышеприведенным данным видно, что относительно общего количества каменных изделий доля чопперов незначительна. Они, как правило, редко превышают 15 % всей совокупности каменного инвентаря. Исключение составляют данные по Дманиси, где отдельные слои демонстрируют более высокие показатели. Совсем другую позицию занимают чопперы по отношению к изделиям с вторичной обработкой. Здесь они господствуют над всеми остальными орудиями вместе взятыми. По статистическим данным, приведенным в целом по памятникам так и по отдельным слоям, доля чопперов колеблется от 50 до 80 % относительно всей совокупности орудий. Только в двух памятниках этот показатель низкий: в ДК и на стоянке Богатыри (Синяя балка). Низкие показатели чопперов в этих памятниках не говорят о каких-либо культурно-стадиальных изменениях, поскольку сам археологический материал не выходит за рамки технокомплекса чоппера и пика. Низкий показатель чопперов восполняется в них за счет многогранников, т. е. изделий органически близких к чопперам. Так, например, в ДК I указанная

категория составляет 20,8 % изделий с вторичной обработкой [Leakey, 1971, p. 39]. Что же касается данных по Богатырям (Синей балке), то они приведены на основе анализа половины коллекции стоянки. По своим технико-типологическим характеристикам индустрия этой стоянки относится к олдовану [Щелинский, Кулаков, 2009]. Совершенно противоположные результаты демонстрируют данные по Дманиси. Галечные орудия этой стоянки, представленные чопперами различных модификаций и небольшим количеством комбинированных орудий, составляют всю совокупность изделий с вторичной обработкой. Таким образом, материалы из стоянки Дманиси демонстрируют свою типологическую специфику, которую ряд исследователей рассматривают проявлением стадиальных отличий («преолдован») [Lumley et al., 2005]. Такая специфика свойственна многим восточно-африканским памятникам, возраст которых около 2 млн лет и древнее [Амирханов, 2008].

Сравнение чопперов на типологическом уровне затруднено из-за отсутствия единых классификационных схем. Однако мы попытались применить одну из распространенных классификаций к материалам памятников Аль-Гуза, Айникаб I и Мухкай I. В данном случае это классификация, разработанная М. Лики для памятников олдована Олдувайского ущелья. В коллекции памятников Олдувайского ущелья ею были выделены 13 разновидностей орудий. Те из них, которые относятся к чопперам, подразделяются на 5 типов: а) боковые (side-choppers); б) концевые (end-choppers); в) двулезвийные (two-edged choppers); г) со стрелчатым лезвием (pointed-choppers); е) с долотовидным лезвием (chisel-edged choppers) [Leakey, 1971, p. 4]. Эта классификация основывается не столько на способе получения орудий, сколько на их форме. Следует отметить, что при описании чопперов ею учитывается, хотя не всегда, и способ оформления изделий. В основу же классификации чопперов южноаравийского памятника Аль-Гуза и памятников олдована из Центрального Дагестана положены в первую очередь форма и размеры лезвия, а затем способ оформления рабочей части [Амирханов, 2006; Таймазов, 2009]. Важным моментом является наличие в обеих классификациях одинаковых типов чопперов таких как с доло-

товидным лезвием, со стрелчатым лезвием, двулезвийных форм.

Таблица 3

Послойное количественное распределение разных типов чопперов в некоторых памятниках олдована

Наименование памятника	боковые (side chopper)	концевые (end chopper)	двулезвийные (two-edged chopper)	со стрелчатым лезвием (pointed chopper)	с долотовидным лезвием (chisel-edged chopper)	Всего
DK	30	7	4	5	1	47
FLK North:						
слой 3	16	3	—	—	—	19
слой 5	14	4	4	—	—	22
Аль-Гуза:						
слой B	11	1	—	1	2	15
слой M	12	3	—	—	—	15
Айникаб 1:						
слой 10	—	4	1	1	1	7
слой 12	4	—	—	1	2	7
слой 13	7	—	1	—	2	10
Мухкай 1:						
слой 5	3	8	—	1	6	18
слой 8	—	2	—	—	2	4

Более сложной является соотнесение остальных типов чопперов с боковыми или концевыми формами. Затруднения связаны, в первую очередь, отсутствием в классификационных наименованиях чопперов памятников Аль-Гуза, Айникаб 1 и Мухкай 1 таких типов как боковой и концевой чоппер, хотя, иногда, в подробных описаниях изделий отмечается приуроченность рабочего края к той или иной части заготовки. Кроме того, в изделиях, где заготовкой являются обломки, имеющие примерно равную протяженность в обоих измерениях определить боковой край или конец практически не удастся. Выход из создавшейся ситуации мы видим следующим образом: учитывая, что в рассматриваемых памятниках Олдувайского ущелья средняя длина заготовок, как правило, не превышает 90 мм, а ширина 65 мм,

можно предположить, что изделия, рабочая часть которых превышает 6 см, будут приурочены к протяженному краю заготовки. Поэтому чопперы с широким лезвием мы соотносим с боковыми, а с узким лезвием — с концевыми. Однако мы вовсе не исключаем возможность расположения узкого лезвия на широком крае заготовки. Анализ чопперов из памятников Олдувайского ущелья показывает, что рабочие части орудий, приуроченные к продольной оси заготовки, как правило, широкие [Leakey, 1971]. Исключением является те случаи, когда сами размеры заготовки уступают принятой нами условной ширине лезвия 6 см, разграничивающей широкие и узкие чопперы. Набор технических приемов, применявшихся для оформления орудий, позволяя создателям олдованских индустрий получать желаемую им форму изделия независимо от качества исходного сырья заготовки. Таким образом, можно говорить не о случайных типах изделий, а о целенаправленном изготовлении того или иного орудия с различными модификациями лезвия. Ниже приводится таблица и диаграмма с соотношением различных типов чопперов по разным археологическим слоям.

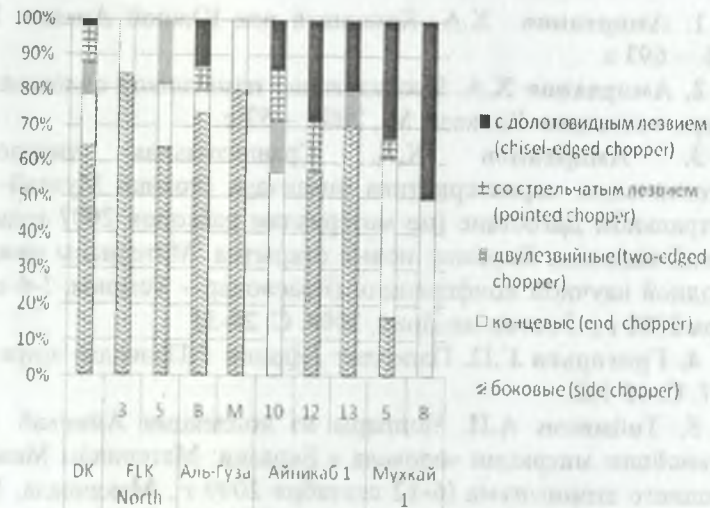

Рис. 4. Послойное соотношение различных типов чопперов в некоторых памятниках олдована

Согласно приведенным данным боковые чопперы преобла-

дают над остальными типами. По некоторым слоям они составляют от 55 до 85% всех чопперов. Вторую позицию в количественном отношении занимают концевые чопперы. Доля их в общей массе чопперов редко превышает 20%. Довольно высокий процент этих орудий содержится в наиболее представительных слоях стоянки Мухкай 1. Здесь они достигают половины всех чопперов. Остальные типы чопперов встречаются эпизодически. Необходимо отметить значительную представленность чопперов с долотовидным лезвием в памятниках олдована Центрального Дагестана, нежели чем в восточноафриканских и аравийских памятниках.

Вышеприведенные характеристики чопперов составлены на основе анализа материалов из памятников типичного, классического олдована. Соответствующие материалы из более древних и более поздних памятников демонстрируют свою статистико-типологическую специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. М., 2006. – 693 с.
2. Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-восточном Кавказе. М., 2007. – 52 с.
3. Амирханов Х.А. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы международной научной конференции (Краснодар – Тсмрюк, 1-6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону, 2008. С. 28-31.
4. Григорьев Г.П. Палеолит Африки // Палеолит мира. Л. 1977. С. 45-193.
5. Таймазов А.И. Чопперы из коллекции Айникаб 1 // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009. С.175-187.
6. Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эполейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри

(Синяя балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) / Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009. С.188-206.

7. Leakey M.D. Olduwai Gorge. Vol. 3. Excavations in Bed I and II, 1960-1963. Cambridge, 1971. – 306 p.

8. Lumley H., Nioradze M., Barsky D. et al. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site Dmanissi en Géorgie // L' Anthropologie. 2005. Vol. 109. P. 1-182.

9. Movius H. Pebble-tools terminology in India and Pakistan // Man in India. Vol. 37. N. 2. 1957. P. 149-156.

Bosinski G.
(Germany - France)

WAS HOMO GEORGICUS RUNNING AWAY?

Reflections on the find-situation at Dmanisi (Georgia)

1.8 millions ago, at the time of Dmanisi, humans were an integral part of nature in a warm steppe environment. If, somewhere, a fauna including *Mammuthus meridionalis*, *Dicerorhinus etruscus etruscus*, *Equus stenonis*, *Cervus perrieri* and a bovid similar to *Dmanisibos georgicus* together with *Megantereon megantereon*, *Homotherium crenatidens*, *Pachycrocuta perrieri*, *Ursus etruscus* and *Canis etruscus* occurs, we can assume that Man was also present.

Such a steppe environment existed south of the Eurasian high mountain chains and was inhabited by our ancestors during by far the longest period of our history. Much later - and probably linked with the control of fire - humans were able to occupy the temperate zones north of the mountains.

At Dmanisi humans and animals stayed close to water. The herbivores (elephants, rhinos, bovines, horses and deer) came to drink. The predators (sabre-toothed cats, hyaenas, bears, wolves) came to hunt the herbivores. This explains the many bones of herbivores.

But why were many bones of carnivores also found? Mostly they do not represent old individuals and it can be excluded that they died due to natural causes.

Man was also present because of the herbivores. It may be discussed whether he himself was a hunter or whether he benefited from the carnivores' prey. Ever since humans owned stone tools, first of all flakes with sharp cutting edges which enabled the dismembering of animal bodies, meat was an essential part of their food.

Humans were thus present for the same reason as the carnivores. But this does not explain why there are so many human bones. Mostly the bones are from young and strong individuals and nothing indicates a natural death.

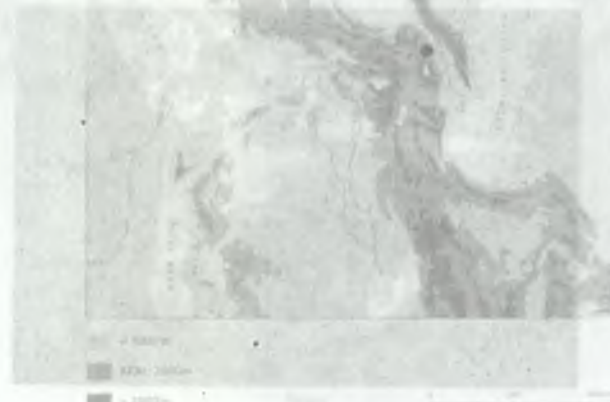
It therefore seems possible that there were fights between hu-

mans and carnivores concerning the division of prey. The small wolves (*Canis etruscus*) were not a serious danger. Bears (*Ursus etruscus*) were also not the problem: at Dmanisi they are partly represented by old animals. But there were the sabre-toothed cats (*Megantereon megantereon*, *Homotherium crenatidens*) and the hyaena (*Pachycrocuta perrieri*), predators which even liked to kill humans as a welcome prey.

Such a scenario may explain the find situation at Dmanisi. The bones of sabre-toothed cats, especially the skull of a juvenile *Megantereon megantereon* with attached cervical and thoracic vertebrae, indicate that the carnivores did not always prevail. But human bones are also numerous...

How dangerous were humans at this time? The stone artefacts were not weapons but primarily tools used to cut up animal bodies. The muscular strength of *Homo georgicus* surely could not impress sabre-toothed cats and hyaenas. So we may suppose that humans already had wooden weapons, perhaps already lances.

In any case, the situation at Dmanisi seems to prove that humans did not turn to flight when carnivores appeared.

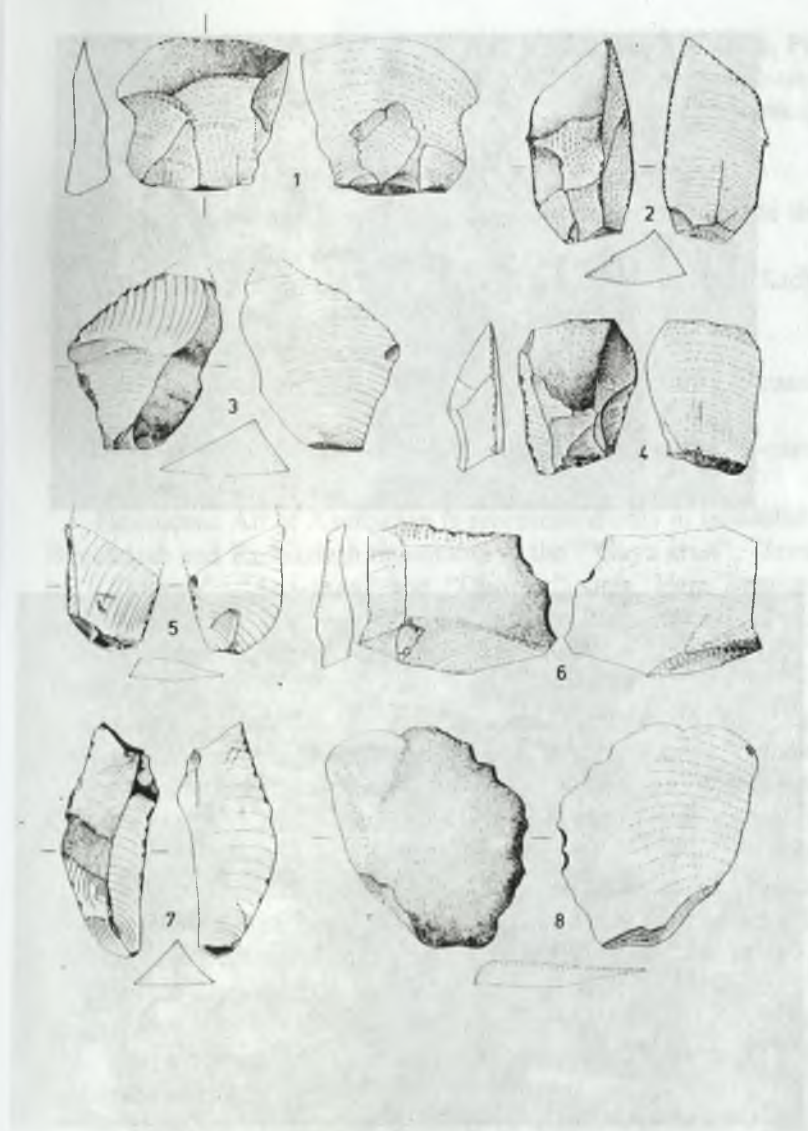

FIG. 11
 1. Upper incisor, lateral view.
 2. Upper incisor, lingual view.
 3. Upper incisor, occlusal view.
 4. Upper incisor, detail of enamel.
 5. Upper incisor, detail of enamel.
 6. Upper incisor, detail of enamel.
 7. Upper incisor, detail of enamel.
 8. Upper incisor, detail of enamel.

1

2

Malahat Farajova, Ph.D

*The Gobustan National Historical Artistic Preserve
Baku, Azerbaijan*

PLEISTOCENE ART OF GOBUSTAN

At present, four sites with rock carvings were fixed on the territory of Azerbaijan (fig.1):

1. Big Gobustan, covering the territory of Beyukdash, Kichikdash, Jingirdag, Shaxgaya and Shongar mountains.
2. Absheron peninsula;
3. Gemigaya Mountain, the highest point of Small Caucasus – Kapyjyk (Nakhchevan) alpine summer pastures;
4. The foot of Delidag Mountain of Kelbajar, south-eastern slope of Small Caucasus.

Pleistocene Art of Azerbaijan is represented only in Gobustan on Beyukdash and Kichikdash mountains in the "Gaya arasi", "Jeyranlar", "Kaniza", "Ana-zaga" and "Okuzler" sites. Here images of women in profile, early hunters and Upper Pleistocene fauna: aurochs, gazelles and wild horses are represented on the walls of the caves.

At the period of the first settlement of Gobustan on the place of the present scorched semidesert drought-resisting open woodland with pistachio trees, hawthorn, willow pear, juniper and pomegranate was stretching. Natural conditions in Upper Pleistocene were closer to forests of tugai type in a damper climate (gallery forests). Analysis of patterns of fossilized pollen taken out of the remains of the hearth in Ana-zaga cave of Beyukdash Mountain in Gobustan showed that oak and pine trees were once growing here [Rustamov Dj., 1994]. All these let us suppose existence of areas with oak-pine woods in the nearest vicinities of Gobustan and in the coastal strip of the Caspian Sea. Pine trees are still growing on Kichikdash Mountain near Garaatli sanctuary (fig.2).

In Binagadi bituminous deposits of Upper Pleistocene age remains of arborescent juniper (*Juniperus polycarpus*) were found, which indicates wide spread of juniper woods at that time. Willow pear (*Pirus salisifolia*), shrub cherry (*Prunus microcarpa*), pomegra-

nate (*Prunus microcarpa*), honeysuckle (*Lonicera*), elm tree, vine, found in Binagadi deposits, have recently grown in Gobustan and some of these types can be met there even today.

In Upper Pleistocene savannah landscape was developing. The revealed thick piece of wild vine (*Vitis conf. silvestris*) in Binagadi presupposes existence of riparian forest here [Petrov V.A., 1939].

In upper Quaternary period boundaries of freshwater Khvalin (now Caspian) Sea transgression reached Mingachevir water storage. Sediments of the sea with freshwater fauna of mollusks were found even near the Urals and Kazan [Vereshagin N.K.].

On the slopes of Gobustan foothills grass vegetation of Gramineae type [Gromov I.M., 1952] was predominating and today it can be met in some places with higher dampness in Gobustan. On Kichikdash Mountain in Gayaarasi site, even nut trees have grown until recently. However, a number of deer rock carvings indicate existence of well-developed tugai woods that were probably later destroyed by a man [Vereshagin N.K., 1959]. On the basis of found remains of arborous vegetation in Upper Pleistocene in its mountainous part, anyway, savannah landscape developed but it was formed in other way rather than contemporary savannahs of Africa. These north savannahs represented lightwoods, formed by the trees with winter defoliation [Petrov V.A., 1939].

Such was a common picture of Upper Pleistocene landscape-geographical flora of Gobustan. General desertification of open landscapes in connection with glacier regression affected degradation of landscape of north savannah, development of semi-steppe and semi-desert plants on its place and increase of salinity processes.

Rock art of Azerbaijan is graphically planed. Images are given as silhouette, continuous or contour images. The view and volume are absent. Animals and birds are always depicted on one side (Beyukdash Mountain, Ana-zaga cave). Correlation of figures among themselves produces conventional impression - sometimes animals and birds are represented with reverse orientation to each other: with the head up or down, etc. Characteristic features of animals are vividly expressed at these plane and realistic images. These plane and realistic images sometimes seem to be closer to Aurignacian images, al-

though some coarseness is felt in them. (Stones № 64, 65 upper terrace of Beyukdash Mountain) [M.Otte, 2004; 2006].

Beyukdash Mountain, "Kaniza" site.

We meet images of aurochs heads, early hunters and aurochs. It should be noted that here separate stones with petroglyphs. Besides, a great number of artifacts made of bone were found here (fig.3).

Beyukdash Mountain, "Ana-zaga" site.

Analysis of images shows that images of aurochs, women and early hunters predominate here. (fig.4).

Beyukdash Mountain, "Okuzler" site.

Here, mating themes chiefly predominate: 2 aurochs, men and woman holding each other by hands, images of 2 goats. (fig.5).

Kichikdash Mountain, "Gaya arasi" site.

Special interest arouses the image of big fish, 4m. long and 23 sm. wide, on stone of №5 of Kichikdash Mountain (fig.6). Judging from approximate data this is an image of dolphin, which is an extinct animal in this region. Existence of dolphins in the Caspian Sea is dated to Upper Quaternary period. Besides, in confirmation of the previously mentioned, this picture was executed on the wall of early hunters' cave, at the foot of which a cultural layer with Upper Paleolithic industry was revealed. From this cultural layer nucleuses, trapezes, denticulate bladelets and bone punches possessing Upper Paleolithic image were found. In this site approximately 4 m. deep a separate stone with the sign image was found. (fig.7). So, the history of the origin of the given picture one can refer to the end of Upper Pleistocene period, when the last big transgression of the Caspian basin- Khvalin Sea took place. At that period the waters of the Mediterranean Sea reached the Caspian Sea through the Black Sea, i.e. via Manych Strait. In Khvalin layer Manych Strait was open in Vurme.

Kichikdash Mountain, "Jeyranlar" site

Various themes represented on the walls of this site: images of gazelles, aurochs and women (fig.8).

These data based on further research and excavations in rock caves and at the foot of some multilayeredly painted rocks, allow us to reconsider the chronology of Gobustan. Until recently, the ques-

tion about more ancient origin of early monuments of Gobustan has been mainly a private, and not a principal question.

Preliminary publication on problems of chronology had been already made, but now it is more carefully studied. As a result, totally new data on dating of images were obtained. Today we possess some opportunities to give a full and rather concrete answer to the question of dating in the rock art of Azerbaijan.

First work on periodization of rock carvings of Azerbaijan was implemented by archaeologist I. Jafarzade in 70-th of last century.

Petroglyphs of Gobustan, investigated by him according to their style, content and dating were divided into 6 historical-chronological groups since the most ancient times until the period of the Middle Ages:

1. The most ancient, early period of Neolithic- VIII millennia BC. Silhouette figures of men and women in fullface and profile with the bow on their shoulders represented in this period.

2. Late - Neolithic period -VII-IV millennia BC. Images of aurochs, boats and small images of archers.

3. Later - Eneolithic period -IV-III millennia BC. The big figures of dears, goats and lions in profile.

4. Bronze Age period – III-II millennia BC. Images of gazelles, horses, pigs, dogs and wild animals.

5. Iron Age period – II-I millennia BC. Images of man, goats and dears in a small size and Roman inscription.

6. The period of the Middle Ages –VIII-IX centuries and later. Images of caravans of camels, riders armed by spears. Signs, symbols, engraved inscriptions by Arabic and Farsi alphabet.

After his follower Dj.Rustamov (Rustamov,2006, p.86-87) published that first settlers – early hunters appeared in Gobustan XV-XX thousand years before and the most ancient petroglyphs dated by the end of Upper Paleolithic – beginning of Mesolithic.

However, new data on dating of petroglyphs, obtained for today, require some specification and modification in chronology and periodization made by I.Jafarzade.

Archaeological inventory, revealed in the sites and caves of Gobustan is a valuable material for the solution of some problems of dating petroglyphs. Let us consider one of them, basing on the division of western and Russian historians.

Ana-zaga cave

Ana-zaga cave is situated on the upper terrace of Beyukdash Mountain in Gobustan. Since 1966 archaeological excavations had been held here. With the aim of establishment of absolute dating of Gobustan monuments samples from the cultural layer at the depth of 1 m. 85 sm. were taken for radiocarbon dating in Ana-zaga cave. From the given cultural layer archaeologists J.Rustamov and F.Muradova revealed choppers, coneshaped, pencilshaped and cylindrical nucleuses in 1977. The inventory of the site also consists of chisels, microedges, knifelike plaits, segments, flint trapeziums, microplates, percussion tools made of river stone and weight stones. Here fragments of separate stones with anthropomorph images were also found. (fig.9).

As we see petroglyphs are to a lesser or greater degree connected with the archaeological layer. In such cases establishment of the age may be absolutely precise. Consequently, these petroglyphs are older or of the same age with the formation of the layer. Petroglyphs of Gobustan on the walls of Ana-zaga cave (stones № 29, 32, 39) are fully identical both on their style or techniques of execution with separate stones with images, revealed from the archaeological layer.

In 2009 conducted research let us reconsider the question of dating of Gobustan petroglyphs.

Common thickness of the cultural layer of the cave comprised 4 m.

Sample taken from the bones and soil with the ash taken from the mark from the cultural layer at the depth of 1 m. 85 sm. were dated with radiocarbon method in New Zealand. If the given petroglyphs on separate stones were earlier dated by archaeologists back to the VIII-VII B.C. primary calibrated data showed 9029 B.C. It should be noted that lower than the dated level there are cultural layers on the level of 15sm, 95sm, 1.6-1.65 m, 1.75m и 2.15m and this, in its turn, lets us date the lowest level of the site of the given cave by the end of Upper Paleolith- early stage of Mesolith. Consequently,

petroglyphs with analogous style and techniques of execution on separate stones may be dated back to this age. (fig.10,11).

The subject of special interest are small river stones with engraved zigzag like patterns, revealed in Ana-zaga cave on the level of 2 m. 85sm. – 3m (fig.12).

Ana-zaga cave is not the only place where archaeological excavations were held. In Gobustan archaeologists revealed such ancient sites as «Firuz -1», «Gaya-arasi - 1», «Gaya-arasi - 2», «Kaniza» and so on. In “Kaniza” site thickness of the cultural layer reached 5 m. At present works on testing and dating of these cultural layers have been going on.

Summary

Results of research let us consider the chronology of Upper Paleolithic rock carvings in a little different way. On the whole, it looks like this:

I. The most ancient, early stage - the period of Late Pleistocene and early Holocene period of aurochs.

II. This period, in its turn, is subdivided into four style groups:

I style: the image of ox head in Gayaarasi site of Kichikdash Mountain, and also the image of the ox head on separate stones of Okuzler-2, Kaniza sites of the upper terrace of Beyukdash Mountain, stone № 33 (45) of the upper terrace of Beyukdash Mountain.

II style: Images of oxen in full size, reverse bas-relief images of women (stone № 65, 29 of the upper terrace of Beyukdash Mountain).

III style: Images of oxen with short legs and stretched bodies, klaviform signs, such as on the upper terrace of Beyukdash Mountain, stones № 29, 65.

IV style (X-VIII mln.B.C.): 1) Reverse bas-relief images of men - hunters and images of hunters with bows and arrows; 2) images on separate stones that were found from cultural layers of such settlements, as Okuzler-2 and Kaniza of the upper terrace of Beyukdash Mountain, Gayaarasi site of Kichikdash and Shongar Mountains. Here, mainly, petroglyphs of hunters, women, oxen and ships are presented.

So, for the first time petroglyphs of Gobustan are dated on the basis of dated archaeological material. These findings characterize

stages of the end of Upper Paleolith of Gobustan. They give us notion about development of culture of ancient Stone Age in the course of several millennia. If in the previous editions artifacts of the cultural layer in Ana-zaga cave found 1 m. 85 sm. deep were dated back to the VIII-VII mln. B.C., now with the help of AMS dating quite new results were obtained: 9029 B.C. These data, in its, turn, let us offer more ancient dating of the earliest rock carvings of Gobustan. Studied materials also helpful in estimating the place of Paleolithic art in the context of the history of Central Europe and Asia in a new way and reveal its importance. Though difficulties in research and not full study and publication of the obtained material leave lots of considerable gaps, yet, Gobustan is not only the most ancient centre of rock art but also sui generis, a single monument in Azerbaijan and on the whole Caucasus. In its turn, some datings require additional substantiation.

Bibliography

1. Rustamov Dj. Gobustan dunyasi. – Baku, Azemashr,1994, p.173
2. Jafarzade I. Gobustan. - Baku,1999, p.257
3. Rustamov J. Gobustan-the ancient centre of Azerbaijan culture – Baku, 2006, p.93
4. Petrov V.A. rastitelnie ostatki zakirovannogo sloya Binagadov// Izv.AZFAN, vol.6, 1939, p.100-107
5. Vereshagin N.K. Mlekopitayushie Kavkaza. Izd-vo AN SSSR, Leningrad, 1959, p.703
6. Gromov I.M. Fauna grizunov binagadinskogo pleistocena I yego priroda/ Binagadinskoye mestonahojdeniye chetvertichnoy fauni I flori AN Azerb.SSR. Izd-vo AN Az.SSR,Baku, 1952, p.203-349
7. M.Otte. The Aurignacian in Asia. в кн. **The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe.** Edited by P.Jeffrey Brantingham, Steven L.Kuhn and Kristopher W. Kerry. University of California Press., 2004, Berkeley-Los Angeles-London., 295p.
8. M.Otte. The Aurignacian of the Caucasus. **Towards a definition of the Aurignacian/** Proceedings of the symposium held in Lisbon,Portugal,June 25-30,2002. Lisbon-2006, 377p.

Fig.1. Areals of dissemination of petrogliphs of Azerbaijan.

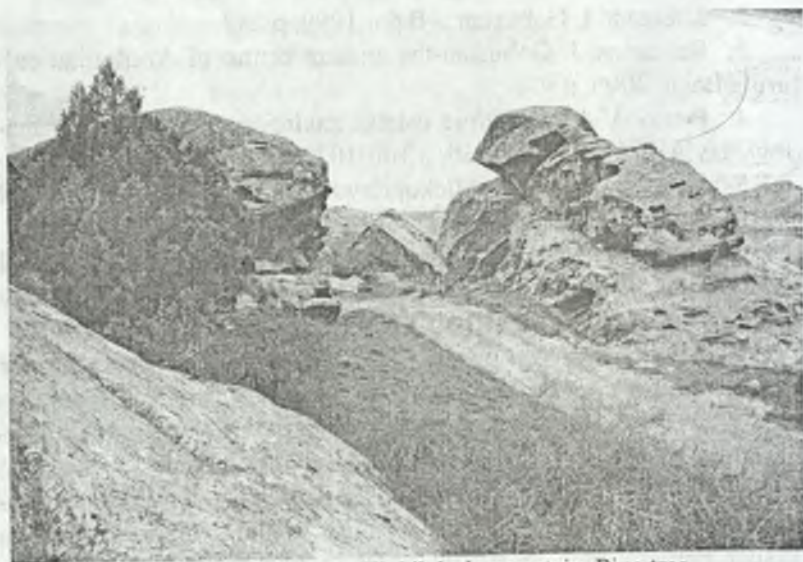

Fig.2. Gobustan, Kichikdash mountain. Pine tree.

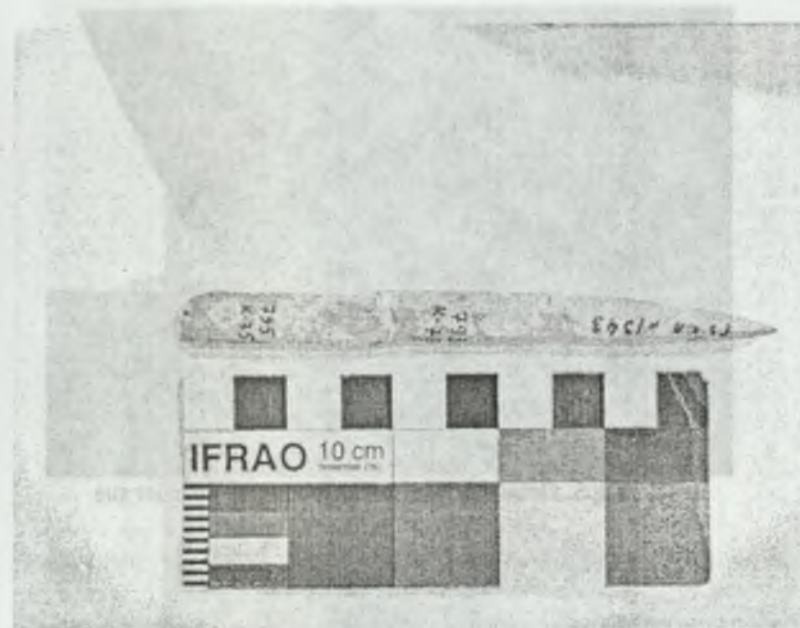

Fig.3. Gobustan.Kaniza site, bone artifact.

Fig.4. Gobustan,Beyukdash mountain. Ana - zaga site

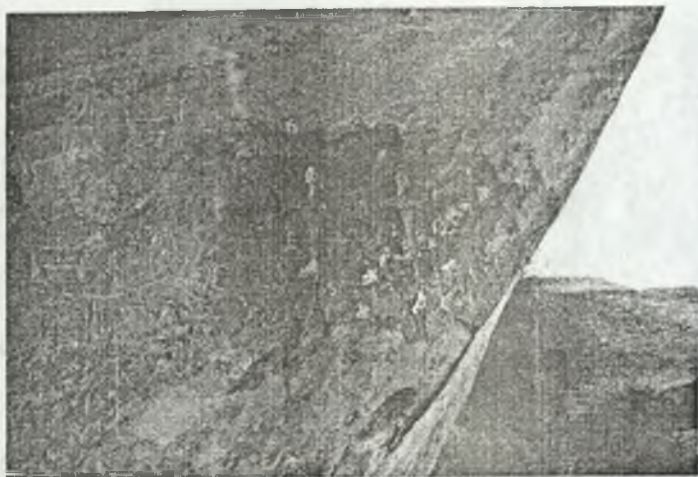

Fig.5. Gobustan, Beyukdash mountain, Okuzler site

Fig.6. Kichikdash mountain, stone 5

Fig.7. Gobustan, Kichikdash mountain, Gaya arasi site

Fig.8. Kichikdash Mountain. Jeyranlar site. Images of gazelles

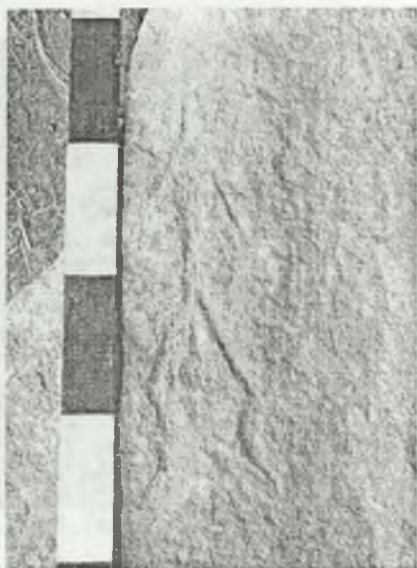

Fig.9. Gobustan. Beyukdash mountain, separate slab, Ana zaga site

Fig.10. Gobustan . Separate stone with anthropomorphic image

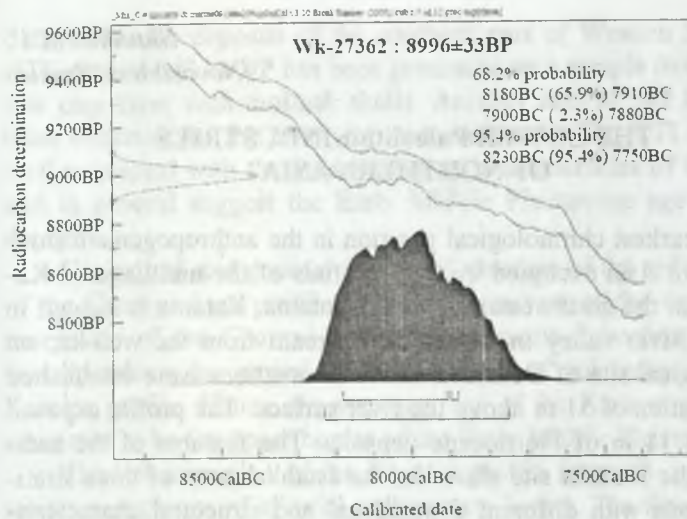

Fig.11. Gobustan, Beyukdash mountain, Ana-zaga cave.
Sample taken from the cultural layer at the depth of 1 m. 85 sm.

Fig.12. Gobustan, Beyukdash mountain. The small engraved river stones from Ana-zaga cave, the level of 2 m. 85sm. – 3m

Shunkov M.V.
(Novosibirsk, Russia)

THE LOWER Paleolithic INDUSTRIES OF NORTHERN ASIA

The earliest chronological position in the anthropogenic history of Northern Asia occupied by the materials of the multilayered Karama site in the northwestern Altai Mountains. Karama is located in the Anui River valley in 14 km downstream from the well-known archaeological site of Denisova Cave. Excavations were established at an elevation of 51 m above the river surface. The profile exposed more than 11 m of Pleistocene deposits. The features of the sediments of the Karama site allow for the establishment of three stratigraphic units with different depositional and structural characteristics. These three independent units are separated by long hiatuses in sediment deposition (Ulianov, Kulik, 2005; Zykina et al., 2005).

The upper part of the profile (strata 1–6) is composed of a loess-like loam with several horizons of buried soil. The lithological layers of the covering sub-aerial sediments are well correlated with the stratigraphic horizons of the Middle and Upper Pleistocene recognized within the loess-soil sequence of Western Siberia. Consequently, the period of formation strata 2–6 of the Karama sediment corresponds to Oxygen Isotope Stages 2–9. Given the formation of this deposits corresponds to the Oxygen Isotope Stage 9, the age of the underlying red-colored deposits should exceed 340 ka BP.

The red sediments of the middle stratigraphic unit (stratum 7) are composed of poorly sorted, redeposited montmorillonite clay with an admixture of various-grained sand, gravel and a considerable amount of heavily weathered granite boulders. The northwestern Altai red sediments have been thoroughly studied at the Cherny Anui profile, established 20 km upstream from Karama at an elevation of 60 m above the modern river surface of the Anui valley. The profile revealed a sequence of intercalating reddish-brown clay and thin layers of detritus embedded in yellow clay. Screening of the yellow clay sediments yielded numerous mollusk shells. The taxonomic composition of available shell is characteristic of the Lower and Early Mid-

dle Pleistocene deposits of the southern part of Western Siberia. A RTL-date of 643 ka BP has been generated on a sample from the yellow clay layer with mollusk shells. Another date of 542 ka BP has been obtained for the overlying red sediments. The RTL dates are well correlated with the paleontological characteristics of the profile and in general suggest the Early Middle Pleistocene age for these deposits.

Geological and geomorphological position of the red sediments of the Cherny Anui profile within the structure of the Anui valley, the period of the Cherny Anui red sediments formation generally corresponds to the period of accumulation of red sediments at the Karama profile. Hence, the youngest age of the Karama site can be estimated to be the upper border of the Early Middle Pleistocene.

The lower portion of the Karama profile (strata 8–14) demonstrates a sequence of alluvial sedimentary layers. The floodplain sediments revealed two horizons of compact slitozem soil (strata 10). Compact buried soils are not typical of the Middle and Upper Pleistocene of North Asia. Thus, the occurrence of compact soil serves as indirect support for the early age of this pedocomplex.

According to the palinological research results, it has been determined that the pollen spectra from the lower and middle parts of the section contain the significant amount of the exotic elements of dendroflora (Bolikhovskaya, Derevianko, Shunkov, 2006). These include nemoral European and Far Eastern taxa – heartleaf hornbeam, oriental hornbeam, hop hornbeam, English oak, small-leaved lime, Amur lime, Manchurian lime, Chinese elm, mulberry-tree, which were for the first time recorded in the regional fossil flora. The presence of pollen of these plants and the environmental-coenotic features of the discovered taxa (Grichuk, 1982) allow to determine the age of the enclosing deposits, which are no younger, than the early Middle Pleistocene). The results of the climate-stratigraphic differentiation of the section and the obtained paleoclimatic reconstructions point to the formation of these deposits during the four climatically different paleogeographic stages of the Early Middle Pleistocene. These four stages correspond to succession of the two warm and two cold periods of the interglacial and glacial classes. In aggregate, the materials of the palinological analysis, along with other ana-

lytical data, make it possible to assume that accumulation of these deposits corresponds to Oxygen Isotope Stages 16–19. In other words, the age of the deposits can be described by the time range between 600–800 ka BP.

The archeological materials of Karama are represented by the sets of stone artifacts, characteristic of the Lower Paleolithic industries of the pebble type (Derevianko, Shunkov, 2005). Large, non-rounded fragments of volcanic acidic rocks (predominantly the spherulite effusives from the colluvial-proluvial local deposits) served as raw material for the tool production (Kulik, Shunkov, 2001). According to the petrographic composition, the artifacts differ from the detritus from the enclosing deposits of the section. This indicates deliberate selection of raw materials for the tool production. The raw materials were represented by fragments of volcanic rocks of variable sizes and quality. These rocks were coming from the channel deposits of the streams, which were carrying the stone material from the watershed. The use of effusive rock can be explained by the presence of this material in the stream channel, closest to the site. The effusive material proved to be more durable, than the rest of the available rocks.

Within the archaeological collection of the Karama, the primary reduction products include core-like flaked pebbles with plain and roughly prepared striking platforms, a triangular core with one flaking surface and convergent flaked lateral sides, a plain striking platform and negative scars of parallel removals, as well as spalls with sub-parallel dorsal scar patterns and a plain or faceted striking platform. The major components of the typologically distinct tool kit include *racloirs* of longitudinal and transverse varieties. On the majority of specimens, the thick end opposing the working edge bears either a natural or a ridged surface and was used as a back. Large pebble tools constitute another characteristic tool type of this industry. This group includes choppers with straight, convex and concave working edges and massive bases. The tools from this category is noteworthy. It is a “carenated” pebble tool with signs of steep reduction of the working edge, producing a morphology that is reminiscent of the so-called core-scrapers, which were described by M. Klein-dienst (1961) in the Lower Paleolithic of Eastern Africa. Pebble tools

with distinct spur-like protrusions or noses have been identified as typical Lower Paleolithic tools. The tool kit of this assemblage includes a point with a deep notch at the base fashioned on a large triangular spall, curved in profile view and slightly asymmetrical from above, a “carenated” point with a massive, wide working element, a side-scrapers with a ridged back, and a knife fashioned on a lamellar citron spall with a natural straight back and distinct signs of use-wear on the convex working edge. Also, there are denticulate, notched and similar to them morphologically beak-like tools fashioned on pebble spalls as well as spalls bearing signs of irregular retouch, including specimens with parallel dorsal scar patterns and prepared striking platforms.

At present, of the Karama culture-bearing layers represent the most ancient evidence of human occupation established in stratigraphic context in North Asia.

In Tuva, the materials of Lower Paleolithic appearance are found at the locality of Torgalyk A (Astakhov, 1986, 1998). The particular features of the geomorphological position and significant corrosion of the stone tools allowed determination of at least the Middle Pleistocene age of the site. Among the artifacts, affected by corrosion there are cores with elements of Levallois flaking and scrapers with longitudinal working edge, massive points and *grattoirs*, notched and denticulate tools. The specifics of this industry is determined by primitive bifaces, manufactured in the form of limands and proto-limands and also the almond-shaped and oval bifacial tools.

In the Kuznetzk depression, is located the Lower Paleolithic object, known as the MK-1 site (Derevianko, Markin, 2007). Its temporal minimum, which is determined by applying the combination of bio-stratigraphic methods, refers to the initial boundary of the Tobolsk time (Oxygen Isotope Stages 9). The small collection of stone tools is characterized by fairly archaic appearance. At the same time, it includes artifacts with signs of parallel flaking.

In the Lower Paleolithic localities of the Middle Enisey region, the researchers describe series of the most archaic artifacts, defined among the corraded materials of the Kurtak archeological region in the Minusinsk depression. The accumulations of corraded tools were found together with remains of the middle Pleistocene fauna in the

zone of the offshore motion of sediments of the Krasnoyarsk reservoir, in the stratigraphic interval between the paleosol of Kasantzev age (Oxygen Isotope Substage 5e) and the base of the Pliocene terrace of the Enisey River (Drozdov, Chekha, Khazarts, 2005). Within the group of the Lower Paleolithic industries the signs of two technical traditions of stone raw material utilization were noted (Drozdov, Artemev, 1998). The materials of the Raslog II and Rasliv localities are characterized by typical pebble character. Among the stone tools dominate radial and orthogonal cores, choppers and backed tools on citron-like flakes. Another type of stone industry is represented by the materials from the Kamenny Log and Verkhni Kamen objects. These collections, along with large pebble tools and backed citron-like implements, include artifacts with morphological characteristics of Levallois and proto-prismatic flaking.

In the south of Middle Siberia, at the early stage of Paleolithic, the presence of corraded tools made of quartzite was noted in exposed beddings on high slope altitudes and on anthropogenic beaches along the right shore of the Angara River and also in relocated condition at the base of Muruktin sediments (Oxygen Isotope Stages 4) (Medvedev, 1983; Medvedev, Vorob'eva, 1998). In accordance with the conditions of relative stratigraphy and the degree of atmagenic corrosion of the surface, these artifacts must be dated no earlier than the Tazov time (Oxygen Isotope Stages 6). Among the archaic implements made of quartzite there have been distinguished oval cores with radial (centripetal) preparation of flaking surface, fan-like and parallel Levallois cores, side-scrapers, transversal and *déjeté*-like scrapers, points and *grattoris* on massive flakes, choppers and choppings with straight and pointed working edge. All the localities in the Angara region are grouped into two large subdivisions, marked as Tarakhay and Olon complexes. Pebble traditions are clearly seen in the industries of the Tarakhay group. In the primary flaking the citron flaking technique was frequently used and various choppers were widely represented in the tools selection. The Olon variant is closer to the industries of the Acheulean type. The Olon tools are characterized by the presence of core-like implements with bifacial radial preparation and unique micro-bifaces made of quartzite, considering the relatively small amount of pebble tools.

Thereby, the brief survey of Lower Paleolithic complexes of Northern Asia attests to the occupation of the region by a *Homo erectus* population that invaded during the first human migration out of Africa (Derevianko, 2005). According to the latest analytical data, based on the oldest Paleolithic finds from the multilayered Karama site in the Altai, the appearance of *erectus* in northern regions of Asia refers to the time period between 600–800 ka BP.

BIBLIOGRAPHY

- Astakhov S.N. 1986
Paleolit Tuvy. Novosibirsk: Nauka.
- Astakhov S.N. 1998
Paleolit Tuvy. In *Drevnie kultury Tsentralnoi Azii i Sankt-Peterburg*. St. Petersburg: Kult-inform-press, pp. 109–114.
- Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V. 2006**
The fossil palynoflora, geological age, and dimatostratigraphy of the earliest deposits of the Karama site (Early Paleolithic, Altai Mountains). *Paleontological Journal*, vol. 40: 558–566.
- Derevianko A.P. 2005**
The earliest human migrations in Eurasia and the origin of the Upper Paleolithic. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, N 2: 22–36.
- Derevianko, A.P., Markin S.V. 2007**
Nizhnepaleoliticheskaya stoyanka MK I na yuge Zapadnoy Sibiri. In *Kavkaz i pervonachalnoye zaseleniye chelovekom Starogo Sveta*. St. Petersburg: Vostokovedeniye, pp. 149–155.
- Derevianko, A.P., Shunkov, M.V. 2005**
The Karama Lower Paleolithic Site in the Altai: Initial Results. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, N 3: 52–69.
- Drozdov N.I., Artem'ev E.V. 1998**
Etapy paleolita Srednei Sibiri. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredenykh territorii*, vol. 1: 345–354.
- Drozdov N.I., Chekha V.P., Hazarts P. 2005**
Geomorfologiya i chetvertichnye otlozheniya Kurtakskogo geoarkheologicheskogo raiona (Severo-Minusinskaya vpadina).

Krasnoyarsk: RIO KGPU im.A.P. Astaf'eva.

Grichuk V.P. 1982

Flora i rastitelnost. In *Stratigrafia SSSR. Chetvertichnaia sistema*, vol. 1. Moscow: Nedra, pp. 337 – 373.

Kleindienst M.R. 1961

Variability within the Late Acheulian Assemblage in Eastern Africa. *The South African Archaeological Bulletin*, vol. 16, N 62: 35–52.

Kulik N.A., Shunkov M.V. 2001

Petrograficheskaya kharakteristika paleoliticheskikh izdelii mestonahozhdenia Karama. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, vol. 7. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 151–155.

Medvedev G.I. 1983

Paleoliticheskie obitateli yuga Sibirskogo ploskogoria i drevnie kultury Severnoi Ameriki. In *Posdnepleistocenovye i rannegolotse-novye kulturnye svyazi Azii i Ameriki*. Novosibirsk: Nauka, pp. 36–41.

Medvedev G.I., Vorobieva G.A. 1998

K probleme gruppirovki geoarheologicheskikh obektov Baikalo-Eniseiskoi Sibiri. In *Paleoekologia Pleistotsena i kultury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredelnykh territorii*, vol. 2. Novosibirsk: Izd. IAE SO RAN, pp. 148–159.

Ulianov V.A., Kulik N.A. 2005

Lithologic and Stratigraphic characteristics of the Deposits from the Karama Lower Paleolithic Site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, N 3: 21–33.

Zykin V.S., Zykina V.S., Chirkin K.A., Smolyaninova L.G. 2005

Geological structure and stratigraphy of Upper Cenozoic deposits near the lower Paleolithic Site of Karama, Upper Anui, Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, N 3: 2–20.

Zeynalov A.A.
(Baku, Azerbaijan)

CORROBORATED HYPOTHESIS OF AZERBAIJANI SCHOLAR

The lower jaw of a primitive man was discovered in the course of excavation of a Lower Paleolithic site in Dmanisi, 85 kilometers of Tbilisi in 1991. That was the first finding of a series of anthropologic discoveries made at the Dmanisi Lower Paleolithic site in South Georgia at later years. Currently, the Dmanisi anthropologic collection numbers more than 50 specimens including different bones of skeleton of hominids [Лордкипанидзе, Векуа, 2006]. The age of the Dmanisi Lower Paleolithic site, which was identified as a result of Paleo-magnetic exploration of lava streams and isotopic dating of basalt lava under the cultural layers – 2.0 million to 1.8 million years [Ниорадзе, 2000] – was astonishing as well. Of paramount importance in this series of anthropologic discoveries was that they were accompanied by pebble industry, which has much in common with handaxe-free stone industries identified in East Africa (Olduvai, Koobi-Fora, etc.) [Ниорадзе, 2006].

Materials about unique anthropologic and archeological discoveries in Dmanisi were published in different scientific works. And more than 20 years before these events, in 1970, the scientific edition of the Medical Institute of Azerbaijan published an article by Azerbaijani scholars Mamedali Huseynov and Demir Gadjiyev devoted to the discovery at Cave Azykh two years earlier [Гаджисв, Гусейнов, 1970].

The 1968, a team of archeologists involved in Paleolithic researches of the Institute of History of the Academy of Sciences of Azerbaijan that carried out excavations at Cave Azykh's Middle Acheulian 5th layer under the lead of Mamedali Huseynov discovered a fragment of the jaw of a hominid who had lived here 400,000 years ago. The jaw was investigated by Paleo-anthropologist Demir Gadjiyev and called Azykhanthropus by the authors. That was the earliest finding of a trace of fossil man in the post-Soviet area.

Later excavations at Cave Azykh uncovered more ancient lay-

ers; the site turned to be the most ancient one in the post-Soviet area and the world's only site of cave where cultural layers in a single section cover a huge period of the primordial history of mankind, ranging from the pebble culture to Mousterian [Величко, et al. 1980]. Complex (archeological, geological-geo-morphologic, Paleontologic, palynological, Paleo-magnetic, Paleo-geographical, etc.) studies carried out at Cave Azykh have identified that the Cave was inhabited by a man 1 million to 1.2 million years ago and that the life continued within almost the entire duration of this period [Гаджиев et al. 1979]. In terms of chronological range of its cultural layers, from the epoch of pebble culture (Olduvai) to the first half of the Mousterian inclusively (more than 1 million years), Azykh was ranked as a unique archeological monument [Герасимов et al. 1981]. Today, Azykh continues to remain a unique site of cave of a primitive man where archeological layers cover a huge period of the primordial history of mankind.

In his book titled "Azerbaijan's Ancient Paleolithic" issued in 1985, Mamedali Huseynov quite not groundlessly hypothesized that the Kuruchay Valley where Cave Azykh and the whole South Caucasus are situated had been inhabited by hominids long before the Cave was settled and even called the date: 2 million years [Гусейнов, 1985a].

This hypothesis had all right to existence because another four archeological layers (layers VII-X) dating back to the Absheron epoch had been discovered under the Cave's Layer VI (according to Paleo-magnetic method, the foot of Layer VI was dated back to the Brunnes-Matuyama epoch, i.e. 780,000 years). The prevalence of pebble forms, the absence of axes, the coarseness and primitive nature of secondary processing techniques strongly differed the industry of Layers VII-X from the Early Acheulian Layer VI. The typological composition of pebble tools distinguished from the most ancient pebble cultures of Africa, Asia and Europe; with this in mind, Huseynov regarded the industry of Azykh's lower (VII-X) Layers as a peculiar pebble culture he called "Kuruchay culture" (in honor of the name of River where the site is situated) [Гусейнов, 1979].

The cave was inhabited by hominids who had already had developed skills of making tools. This is to conclude from the existence

of 17 stone artifacts of pebble culture (discovered at Cave Azykh's most ancient Layer X), which included choppers, chopping tools, protolimaces and flakes [Azərbaycan Arxeologiyası, I c., 2008]. With this in consideration, Huseynov thought Kuruchay inhabitants had acquired these skills long before the Cave was inhabited through settling open-end expanses of the Valley of River Kuruchay approx. 1.5 million-2 million years ago [Гусейнов, 1985b].

The discovery of the Lower Paleolithic site of Dmanisi in Georgia and subsequently of Ainikab I and Mukhay I in Dagestan [Амирханов, 2007], was an indirect confirmation to Huseynov's hypothesis that the region had been inhabited by hominids 2 million years ago. However, these were not the only confirmations.

The revision of the age of the terrace of River Kuruchay has allowed dating back the period of the Cave's being inhabited by hominids to a much more ancient period. Initially, the date of the Cave's being settled was tied up to the 180 to 200-meter height above the terrace of River Kuruchay, i.e. the Cave's being settled became possible only after this terrace was formed 1.2 million years ago when River Kuruchay cut into the place lower than the Cave's entrance and hence, the danger of the Cave's being flooded disappeared [Гаджиев et al. 1979].

Later researches thought the terraces of Minor Caucasus rivers should be correlated with the Caspian Sea terraces having a large height, something that makes the age of the 180-200-meter-high River Kuruchay more ancient. According to the authors of the study, Cave Azykh's most ancient cultural layers with pebble culture date back to the period of 2.1 million to 2.4 million years ago [Велиев, Мансуров, 1999].

According to Jafarov, scientific researches carried out jointly with European scholars have allowed dating back the period of formation of the Kuruchay culture to 2.5 million years ago – the exact period of Cave Azykh's being settled by a primitive man [Сәфәров, 2007; Azərbaycan Arxeologiyası, I c., 2008].

The discovery made at Azykh more than 30 years ago and the discoveries in Dmanisi and Dagestan at the boundary of the 20th-21st centuries are links of a single chain closely interconnected in the terms of either anthropogenic or migration processes.

The favorable natural-climatic conditions that have been kept in the South Caucasus over millions of years and favored development of hominids, as well as the latest discoveries give all grounds to believe that the hypothesis expressed by Azerbaijani scholar Mamedali Huseynov a quarter of century ago would be finding its confirmation in future.

List of references:

1. Azərbaycan Arxeologiyası: 6 cilddə, I c., Bakı: Şərq-Qərb, 2008, 448 s.

2. Cəfərov Ə.Q. Paleolit problemləri üzrə aparılmış beynəlxalq tədqiqatların nəticələri / 2006-2007-ci illərdə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunları. A.A. Abbasovun anadan olmasının 70 illiyinə həsr olunmuş elmi sessiyanın materialları. Bakı: "Nafta-Press", 2007, s. 16 – 17

3. Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на северо-восточном Кавказе (предварительные результаты). Москва: Таус, 2007, 52 с.

4. Велиев С.С., Мансуров М.М. К вопросу о возрасте древнейших культурных слоев Азыжской пещерной стоянки // Доклады АН Азербайджана, 1999, т.55, № 3 – 4, с. 222 – 226

5. Величко А.А., Антонова Г.В., Зеликсон Э.М. и др. Палеогеография стоянки Азыж - древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // Известия АН СССР, серия географическая, 1980, № 3, с. 20-35

6. Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыжская пещера) // Ученые записки Азгосмединститута, 1970, т.31, с. 13 – 20

7. Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М., Мамедов А.В., Ширинов Н.Ш. Краткие результаты комплексных исследований Азыжской древнепалеолитической стоянки // Изв. АН Азерб. ССР, серия наук о земле, 1979, № 3, с. 10 – 16

8. Герасимов И.П., Величко А.А., Любин В.П., Праслов Н.Д. Древнейшие люди в Европе и условия их обитания. Первые результаты совместных советско-французских исследований // Вестник АН СССР, 1981, № 10, с. 13 – 24

9. Гусейнов М.М. Ранние стадии заселения человека в пещере Азыж // Ученые записки АГУ им. С.М. Кирова, серия истории и философии, 1979, № 4, с. 70 – 72

10. Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: Элм, 1985а, 72 с.

11. Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерной стоянки Азыж и др.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1985б, 45 с.

12. Лордкипанидзе Д.О. Векуа А.К. Уникальные открытия остатков древних гоминид в Дманиси (Восточная Грузия) // Археология Кавказа, 2006, № 1, с. 55 – 64

13. Ниорадзе М.Г. Дманиси – Местонахождение остатков древнейшего человека в Евразии / Археология и Этнография Кавказа. Международная научная конференция. Краткое содержание докладов. Баку, 2000, с.33 – 34.

14. Ниорадзе Г.Н. Местонахождение ранних гоминидов в Дманиси, его каменная индустрия и место среди основных раннеплейстоценовых памятников Старого Света: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 2006, 34 с.


~~~~~  
Подписано в печать: 15.04.2010.  
Формат: 60x84 1/16. Объем: 17,625 п.б.  
Заказ 27. Тираж 300.  
Отпечатано из готовых диапозитивов  
в типографии ООО «Текнур»

~~~~~  
Директор типографии: Алекпер Мамедов

~~~~~  
За содержание книги типография  
не несет никакой ответственности!

~~~~~  
Адрес: г. Баку, пр. Г.Джавида, 31
Телефон: 497-59-64